

Йен Пирс (родился в 1955 г.) — британский писатель, перу которого принадлежит десяток известных «искусствоведческих детективов». Прославился историческим «романом-расследованием» «Перст указующий», переведенным на восемнадцать языков и ставшим международным бестселлером.

Классическое полотно Клода Лоррена «Кефал и Прокрида» украдено во время его транспортировки из Рима в Париж.

Таинственный похититель согласен вернуть шедевр за выкуп, который берется ему передать сам генерал Боттандо.

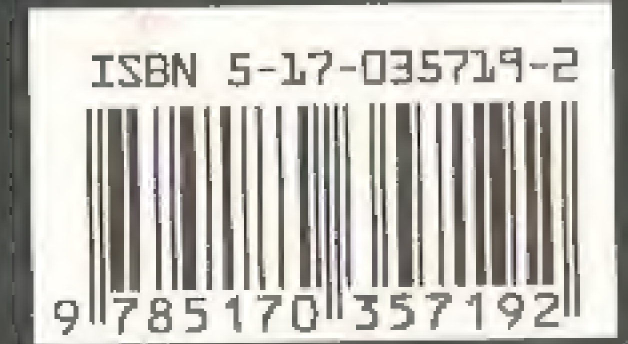
Однако после того как передача состоялась, выясняется — человек, укравший картину, БЫЛ УБИТ ЗА ДЕНЬ до ее возврата.

Так КТО ЖЕ передал картину генералу Боттандо?!

Джонатан Аргайл и «доктор Ватсон в юбке» Флавия ди Стефано, ставшая его женой, начинают расследование — и с изумлением осознают: генерал скрывает от них что-то очень важное...

Читайте захватывающие арт-детективы Йена Пирса — автора знаменитых «Перста указующего» и «Сна Сципиона»!

Загадка Рафаэля
Комитет Тициана
Бюст Бернини
Рука Джотто
Последний суд
Гибель и возрождение
Идеальный обман

ISBN 5-17-035719-2
9 785170 357192

ART ПРЕСТУПЛЕНИЯ В МИРЕ ИСКУССТВА

ИДЕАЛЬНЫЙ ОБМАН Йен Пирс

ИДЕАЛЬНЫЙ ОБМАН

Йен Пирс

Самое невероятное преступление в мире искусства!

ART Детектив
ПРЕСТУПЛЕНИЯ В МИРЕ ИСКУССТВА

ИДЕАЛЬНЫЙ ОБМАН

Йен Пирс

ТРАНЗИТКНИГА
МОСКВА
2006

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
П33

Серия «Арт-Детектив: Преступления в мире искусства»
основана в 2004 году

Iain Pears
THE IMMACULATE DECEPTION

Перевод с английского Л.Г. Мордуховича

Оформление и компьютерный дизайн А.В. Тихомирова

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Felicity Bryan Agency и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 27.01.06. Формат 84х108 1/32.
Усл. печ. л. 12,6. Тираж 10 000 экз. Заказ № 4034.

Пирс, Й.

П33 Идеальный обман : [роман] / Йен Пирс; пер. с англ. Л.Г. Мордуховича. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. — 237, [3] с. — (Арт-Детектив: Преступления в мире искусства).

ISBN 5-17-035719-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-1978-7 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 5-9578-3722-9 (ООО «Транзиткнига»)

Классическое полотно Клода Лоррена «Кефал и Прокрида» украдено во время его транспортировки из Рима в Париж.

Таинственный похититель согласен вернуть шедевр за выкуп, который берется ему передать сам генерал Боттандо.

Однако после того как передача состоялась, выясняется — человек, укравший картину, БЫЛ УБИТ ЗА ДЕНЬ до ее возврата.

Так КТО ЖЕ передал картину генералу Боттандо?!

Джонатан Аргайл и «доктор Ватсон в юбке» Флавия ди Стефано, ставшая его женой, начинают расследование — и с изумлением осознают: генерал скрывает от них что-то очень важное...

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

Посвящается Майклу и Александру.

1

Пропади оно все пропадом! Флавия ди Стефано хмуро посмотрела в окно. Судя по всему, пробка была гигантская. Начиналась у пьяцца дель Пополо и заканчивалась на пьяцца Венеция. Как вы, наверное, догадались, все это происходило в Риме. Добавим, прекрасным майским утром, когда солнечные лучи, пробиваясь сквозь облака угарного газа и пыли, намекали, что день предстоит замечательный. Воздух останется свежим, и будет совсем не жарко. Казалось бы, чего уж расстраиваться. Ну застряла в пробке, так наберись терпения, посиди, поразмышляй, понаблюдай в окошко за окружающей жизнью, как все нормальные люди. Это, конечно, верно, но не многих так называемых нормальных людей шофер возит по городу за счет налогоплательщиков в «мерседесе» с тонированными стеклами. И совсем не многие в столь молодом возрасте занимают престижный пост начальника (пусть даже исполняющего обязанности) Национального управления

по борьбе с кражами произведений искусства. С солидным штатом, бюджетом и всем прочим.

Но дело даже не в этом. Вряд ли кого-либо из ее коллег, начальников отделов, премьер-министр Италии ждал сейчас в своей официальной резиденции — палаццо Киджи.

В этом и состояла причина равнодушия Флавии к ласковому утреннему солнышку и вообще ко всему живому. Почему-то ужасно кусался воротник, а в голове вертелись одни и те же мысли, что у нее совершенно нет опыта общения с важными людьми и она не умеет создать о себе нужного впечатления.

Утром встала, как угорелая помчалась в душ. Потом, вместо того чтобы спокойно попить кофе, принялась лихорадочно выбирать, что надеть. Зачем-то сильно накрасилась. Посмотрела в зеркало, разозлилась, все стерла, а затем не выдержала и накрасилась снова. После чего слонялась по квартире, проверяя и перепроверяя содержимое сумки, каждую минуту, а то и чаще, подбегая к окну взглянуть вниз на маленькую площадь, не приехала ли машина. В голове возникали кошмарные видения. Вот она, не дождавшись машины, хватает сумочку и бежит на улицу. Спотыкается на булыжной мостовой, ломает каблук. Наконец прибывает на место, запыхавшись, волосы растрепаны. Можно только догадываться, что подумает премьер-министр. В общем, карьера безнадежно разрушена. И все потому, что опоздал чертов водитель. В довершение ко всему она чувствовала себя больной. В желудке творилось нечто невообразимое, да и все остальное тоже

было не в порядке. Очевидно, заразилась гриппом. А может, это нервное? Да, скорее всего нервное. Сегодня предстоит пережить тот еще денек, она это знала.

— Флавия, перестань трястись. А то я тоже начинаю волноваться. — Сидящий за кухонным столом Джонатан Аргайл, уже четыре недели как ее законный супруг, а фактически — почти десять лет, поднял голову от газеты. — В конце концов, это всего лишь премьер-министр.

Флавия развернулась и метнула на него недовольный взгляд. Аргайл улыбнулся и потянулся за мармеладом.

— Зачем так переживать? Разве ты в чем-то провинилась? Шедевры Рафаэля и Микеланджело пока еще, слава Богу, находятся в музеях. Ты вчера застрелила какого-то сенатора? Признавайся.

Она наградила супруга еще одним сердитым взглядом.

— Ну вот, по глазам вижу, что нет. Так о чем беспокоиться? — Аргайл встал и сочувственно погладил ее по плечу. — Тем более что твой автомобиль уже здесь. — Он весело помахал водителю внизу.

Флавия схватила сумочку и ринулась к двери.

— И помни, главное — спокойствие, — добавил Аргайл, целуя ее у двери.

— Хорошо.

«Спокойствие, — мысленно повторяла она через тридцать минут, в очередной раз посмотрев на часы. — Значит, я на пять минут опаздываю... отсюда не так уж далеко. Пойти пешком? Тем более что меня почему-то

вдруг стало укачивать в машине. Нет, подожду. Главное — спокойствие».

Наверное, в том, что Флавия так переживает, опаздывая на встречу с премьер-министром, была доля вины и Боттандо, ее бывшего начальника, перешедшего на более важную работу. Он любил формулировать универсальные жизненные законы, которые выдавал в виде афоризмов.

— Политик, — произнес он однажды за обедом, делая глоток бренди, — может испортить тебе день. Министр — целую неделю.

— А премьер-министр? — спросила Флавия.

— Премьер-министр? О, этот человек легко испортит тебе жизнь.

Шутка Боттандо в данный момент не казалась ей остроумной. Она поразмышляла, не следует ли попросить водителя пойти посмотреть, как долго это все будет продолжаться, но не решилась. Еще одно правило Боттандо: никогда не показывай, что нервничаешь, особенно водителям, они, как известно, любят болтать. Так что, подобно приговоренному, который осознал, что его участь неотвратима, Флавия глубоко вздохнула и обреченно откинулась на спинку сиденья. И вдруг на светофоре зажегся зеленый свет, машины начали движение, и вскоре впереди показался дворец. «Мерседес» без промедления пропустили во двор, а через несколько минут Флавию проводили сначала в одну приемную, затем в другую, перед кабинетом, который уже целых девять месяцев занимал премьер-министр Антонио Сабауда.

Флавия опоздала на четырнадцать минут, но ее ангел-хранитель не дремал. Премьер-министра Сабауду пришлось ждать сорок минут. Она даже набралась наглости мысленно повозмущаться непунктуальностью отдельных государственных деятелей. Когда ее пригласили в кабинет, нервозность улетучилась, благоговение перед важной персоной тоже, в желудке все успокоилось, и она пришла в свое нормальное состояние.

Кабинет оказался на удивление скромным. Флавия почти равнодушно пожала руку премьер-министру и, не дожидаясь приглашения, уселась в кресло. «Подумаешь... я ведь за него даже не голосовала». Единственное, что ее сейчас беспокоило, это сожаление, что она ярко накрасила губы.

Первые несколько очков премьер-министр выиграл тем, что не позволил себе никаких замечаний относительно ее возраста и пола. Его рейтинг поднялся в глазах Флавии еще выше, когда выяснилось, что он не намерен заводить какой-то необязательный предварительный разговор. Но затем премьер все испортил, выразив удивление, почему не пришел сам генерал Боттандо. Флавия ответила, что управлением по борьбе с кражами произведений искусства теперь руководит она.

— Но мне сказали, что начальник он.

— Номинально, да. Но активного участия в наших операциях генерал больше не принимает. Все свое время он отдает работе в Европейской комиссии.

Премьер-министр едва заметно улыбнулся:

— Понимаю. В таком случае за работу этой организации можно не беспокоиться. — Он внимательно по-

смотрел на Флавию. — И я уверен, синьора, что генерал передал руководство в надежные руки. Очень хотелось бы надеяться, поскольку совсем недавно произошло весьма прискорбное событие. Я рассказал бы о нем сам, но не знаю многих деталей. Всей информацией располагает доктор Маккиоли, он должен прибыть с минуты на минуту. К сожалению, именно по этой причине вам пришлось долго ждать.

Услышав фамилию, Флавия мысленно усмехнулась. Неудивительно. Алессандро Маккиоли был одним из забавных хрестоматийных чудаков, которые никогда ничего не делают вовремя, как ни стараются, и всегда наталкиваются на разного рода неодушевленные предметы, выпрыгивающие перед ними, когда они проходят мимо. В общем, типичный ученый не от мира сего, причем ученый серьезный. Так утверждал Джонатан, который в этом деле разбирался значительно лучше ее. Но, по мнению Боттандо, на должность директора Национального музея Маккиоли совершенно не годился. Его предшественник был предприимчивым, энергичным, полным решимости превратить насквозь прогнивший музей в современное культурное учреждение, но вскоре все закончилось тюрьмой. Разумеется, поднялся большой переполох, и Маккиоли, который имел иммунитет к любому искушению, потому что даже не подозревал, что его искушают, показался начальству при данных обстоятельствах подходящим кандидатом. Абсолютная честность, стремление вернуть искусство к традиционным ценностям, эрудиция и тонкое понимание старины.

Все бы хорошо, но он был совершенно не способен защитить вверенное ему учреждение от бюрократов, которые урезали фонды, отпугивали потенциальных спонсоров и срывали планы по развитию музея.

Когда директор музея вошел, Флавия сразу увидела, что он очень расстроен. Доктор Маккиоли сунул в карман поношенного пиджака велосипедные брючные зажимы. После чего премьер-министр представил его Флавии. Потом Маккиоли сел и стал внимательно разглядывать свои ладони.

— Может, начнем? — произнес Сабауда.

— Что? — встрепенулся Маккиоли. — Ах да.

— Расскажите, пожалуйста, синьоре о своей проблеме.

Некоторое время доктор Маккиоли сидел, ссутулившись, потирая нос. Внутри у него, видимо, шла титаническая борьба. Он уговаривал себя начать, но боялся. Очевидно, ему казалось, что стоит только заговорить, и на голову повалятся всевозможные неприятности. Наконец набравшись смелости, он выпалил:

— У меня украли картину! Вернее, у музея. Ее похитили.

Флавии это показалось странным. Понятно, он расстроен. Когда у вас крадут картину, это, конечно, скверно, но... банально. Картины пропадают постоянно, и процедура хорошо налажена. Вы звоните в полицию. Они прибывают, делают свое дело, а потом проходит время, и вы о своей потере постепенно забываете, осознав, что снова увидеть свою картину вам вряд ли удастся. В общем, ничего необычного. При чем же здесь премьер-министр?

— Сожалею, — произнесла Флавия.

Видимо, бедный Маккиоли воспринял ее слова както по-своему и надолго замолчал.

— Эту выставку мы готовили пять лет. — Он заговорил, решив, что окольным путем идти легче. — Посвященную председательству Италии в Европейском союзе, которое начинается через пятнадцать дней. Хотели, чтобы на ней было представлено искусство всей Европы. Однако кое-кто, — он метнул взгляд в сторону стола, за которым сидел премьер-министр, — пытался придать ей националистический характер.

— Только чтобы напомнить о нашем вкладе в мировую культуру, — мягко промолвил премьер-министр.

— Во всяком случае, получить работы из музеев других стран было не просто, — продолжил Маккиоли. — Правда, к тому, что случилось, это отношения не имеет...

Премьер-министр оказался более терпеливым, чем можно было предположить. Но и он в конце концов демонстративно вздохнул. Этого оказалось достаточно, чтобы подтолкнуть блуждающие мысли Маккиоли в нужном направлении.

— Но нам все же удалось взять во временное пользование работы, какие мы хотели. Естественно, бóльшую часть экспонатов выставки будут составлять произведения живописи, скульптуры и графики из итальянских музеев, но значительное количество нам передали зарубежные музеи и частные владельцы. Должен заметить, многие картины в нашей стране выставляются впервые.

— Мне это хорошо известно, — произнесла Флавия, теряя терпение, которого у нее оказалось меньше, чем у премьер-министра. — Наше управление несколько лет участвует в подготовке выставки. На прошлой неделе мои сотрудники сопровождали партию картин из аэропорта в музей.

— Да. Вы проделали большую работу, несомненно. Но, к сожалению...

— Одна из картин украдена. Так?

— Да.

— Когда?

— Вчера, после полудня.

— После полудня? Но почему вы сообщаете лишь сейчас?

— Понимаете, тут такое дело... в общем, я не знал, как поступить...

Премьер-министр бросил взгляд на часы, догадываясь, что если ничего не предпринять, то беседа продлится до вечера, и Маккиоли толком ничего не объяснит.

— Позвольте мне ввести синьору в курс дела. И поправьте меня, пожалуйста, если я неправильно изложу детали. Итак, картину похитили вчера, примерно в половине второго. Во двор музея задним ходом въехал небольшой грузовик. Остановился у помещения, где складировались прибывшие картины. Из кабины вылез человек в плаще с накинутым на голову капюшоном и заставил охранников вынести одну картину и положить в кузов. А затем уехал. Верно?

Маккиоли кивнул. Флавия беспокойно заерзала в кресле, заговорила о том, что упущено время, остывают следы, но премьер-министр прервал ее:

— В ваше управление, синьора, не позвонили, потому что грабитель оставил записку с требованием ничего не сообщать полиции.

— Он хочет выкуп?

Премьер пожал плечами:

— Пока не ясно. Но уверен, скоро мы что-то подобное от него услышим.

— О какой картине идет речь?

— Клод Лоррен, «Кефал и Прокрида», — неохотно проговорил Маккиоли.

Флавия чуть не охнула.

— За которую правительство дало официальные гарантии?

Маккиоли кивнул.

Поразительно, подумала Флавия. Не шедевр, хотя лично ей картина всегда нравилась. Она была известна во всем мире тем, что ее многократно похищали. Аргайл, несомненно, описал бы работу Клода Лоррена лучше, но и Флавия смогла вспомнить кое-какие детали. Изящный рисунок, эффектный контраст света и тени. Произведение было написано в тридцатые годы семнадцатого века по заказу итальянского кардинала. Затем ее присвоил герцог Моденский, обнаружив после боя в обозной повозке. Через несколько лет она оказалась в руках одного французского генерала. Во время Французской революции ее украли, но позднее Наполеон захватил картину в Голландии в качестве

трофея. В тридцатые годы двадцатого века ее похитили воры, в сороковые она попала к немцам, а после войны, в пятидесятые и шестидесятые годы, ее похищали три раза. Наконец в начале семидесятых последний владелец продал картину Лувру в надежде, что там она сохранится. Так оно и было до тех пор, пока картина не прибыла в Италию.

— Теперь вы понимаете суть проблемы, — продолжил премьер-министр. — Для меня это особенно неприятно, поскольку я лично гарантировал ее сохранность. Кроме того, выставка должна стать одним из самых значительных культурных событий в Европе. Если картину повредят, это будет ужасно, и еще ужаснее, если новость о похищении появится в прессе. Вполне возможно, что тогда остальные учреждения, предоставившие нам картины, откажутся от участия в выставке. Но даже если этого не случится, наш престиж будет сильно подорван. Мы выставим себя на всеобщее посмешище.

— Я понимаю. Но если потребуют выкуп, вы заплатите?

— Сложный вопрос. Дело в том, что законы нашей страны запрещают это делать. Официально нельзя платить выкуп за похищенных жен и детей, а уж за картину — подавно.

Премьер-министр замолчал и испытующе посмотрел на Флавию, видимо, ожидая, что она скажет что-нибудь путное.

— Значит, перед нашим управлением стоит задача найти картину? — промолвила она.

— В принципе да, и я был бы за это вам очень благодарен, но в данной ситуации расследование надо вести крайне осторожно. Сколько человек вы предполагаете использовать?

Флавия на секунду задумалась.

— Поскольку время ограничено, придется задействовать всех. Но никаких гарантий успеха я, разумеется, дать не могу.

— Но вы могли бы гарантировать, что информация не просочится в прессу?

— В течение примерно шести часов.

— Этого недостаточно, ведь сохранение тайны необходимо. Допустим, вы добьетесь успеха и быстро вернете картину, но, если все станет достоянием газет и телевидения, престижу нашей страны будет нанесен большой ущерб.

— Ну в таком случае я сдаюсь. Активные поиски вести нельзя из соображений секретности, платить выкуп запрещает закон. Что же мне в таком случае остается делать?

— Да, выкуп мы заплатить не можем. Правительство не имеет права использовать деньги налогоплательщиков. И никакие государственные служащие не могут принимать участия в выплате выкупа. Я выразился ясно?

Да, он выразился ясно, но Флавия не зря много лет провела рядом с Боттандо.

— Очень жаль, — вежливо произнесла она, — но я ничего не поняла. Извините.

Премьер-министр насупился:

— Поясняю. Первое: вы используете все возможности, чтобы вернуть картину без какой-либо огласки. Второе: я не имею права и не буду использовать общественные деньги для выплаты выкупа.

— Так.

— Но если преступникам заплатит какое-либо частное лицо... я хочу сказать, что если кто-нибудь пожелает нарушить закон во имя того, что он ошибочно сочтет полезным для общества... этому я, разумеется, воспрепятствовать не смогу, хотя буду сожалеть, что подобное случилось.

— Понимаю.

— Прошу ежедневно информировать меня о ходе расследования. По мере развития событий вы будете получать соответствующие указания. И вынужден повторить: секретность прежде всего.

— Но это требование свяжет мне руки.

— Уверен, вы справитесь.

— А если я обнаружу какой-нибудь нестандартный способ вернуть картину?

— Вам придется себя сдерживать. Риск утечки информации должен быть сведен к минимуму. — Премьер-министр встал. — Пожалуй, на сегодня все. И будьте любезны каждый день сообщать мне о продвижении расследования.

Через две минуты Флавия и Маккиоли вышли в приемную. Флавия была озадачена инструкциями премьер-министра, а директор музея, казалось, вообще находился в прострации.

— Ну что ж, — деловито проговорила Флавия, — вам придется рассказать мне подробнее о случившемся.

— Что?

— О вооруженном ограблении музея. Припоминаете?

— Да-да. И что вы хотите знать?

— Как связаться с этим человеком? Если мне удастся найти деньги, надо знать, как договариваться.

Маккиоли удивленно посмотрел на нее:

— Какие деньги? Вам только что сказали, что этого делать нельзя.

Флавия вздохнула. Святая простота. Маккиоли не прикидывался. Он действительно считал, что им строго предписано не выплачивать никакого выкупа. Работать с ним будет очень трудно.

— Вы правы, — промолвила она. — Не будем это обсуждать. Но вы упомянули, что грабитель оставил записку. Там что-то содержалось о вероятности установления контакта?

— Нет.

— Я могу ее увидеть?

— Она у меня в кабинете.

С несмышленым ребенком, наверное, беседовать было бы легче.

— В таком случае давайте отправимся к вам в кабинет.

Поездка почти через весь город заняла сорок минут, которые они провели в полном молчании.

— Вот эта записка, — сказал Маккиоли, оказавшись в своем кабинете. — Но здесь очень мало информации.

Флавия взяла у него листок бумаги. Об отпечатках пальцев и прочей ерунде беспокоиться не было смысла. Верно. Всего пять коротеньких слов. Можно лишь восхититься лаконичностью грабителя.

«Я дам о себе знать».

Она откинулась на спинку кресла и задумалась. Что отсюда вытянуть? Набрано на компьютере, но кто в наши дни не имеет доступа к подобным устройствам? Бумага стандартная, для принтеров, какую каждый день покупают по несколько миллиардов листов. Нет, автор позаботился о том, чтобы для нее здесь не было ничего полезного.

— Теперь расскажите о самом ограблении.

Маккиоли пожал плечами:

— Что можно добавить? Грузовик небольшой, как у торговцев овощами и фруктами. Грабитель был одет под Леонардо да Винчи...

— Что? — удивилась она. Маккиоли произнес это таким тоном, словно каждый день музей посещают люди, одетые в костюмы епископов и художников эпохи Возрождения.

— Ну, понимаете, на лице у него была маска, какие продаются в сувенирных магазинах. В паре с соответствующим головным убором. Был, конечно, и пистолет. Хотите на него посмотреть?

— Пистолет? — Флавия подняла на него усталые глаза. Удивляться чему-либо уже не приходилось.

— Уезжая, он его уронил. Вернее, бросил. В человека, который положил картину в кузов. Правда, вначале он угостил его шоколадными конфетами.

— Какими конфетами? — прошептала Флавия.

— Ну, у него была такая коробочка шоколадных конфет. Я думаю, бельгийских. Знаете, какие продаются в специальных магазинах. Перевязанная ленточкой.

— Где они?

— Что?

— Конфеты.

— Охранники съели.

— Понимаю. Сахар нормализует давление, а оно у них, несомненно, поднялось от страха. Что еще вытворял грабитель?

— Больше ничего.

— Я хочу поговорить с охранниками.

— Вам придется это сделать.

— Что вы имеете в виду?

— Но кто-то же должен сказать, чтобы они хранили молчание о происшедшем.

— А вы им не говорили?

— Естественно, говорил. Но меня здесь никто не слушает.

Флавия вздохнула:

— Ладно. Приведите их сюда. А потом покажете пистолет.

Она решила сразу прижать их строгостью. Не только потому, что сегодня у нее не было настроения церемониться. Просто другого способа заставить этих лю-

дей серьезно воспринимать молодую женщину не существовало.

— Итак, — произнесла она, когда двое мужчин вошли и сели, — слушайте меня внимательно. Два раза повторять не буду. Я начальник управления по борьбе с кражами произведений искусства, расследую ограбление. Вы двое — главные подозреваемые. Понятно?

Охранники промолчали, но по бледности их лиц Флавия поняла, что до них дошло.

— Я намерена быстро вернуть картину. Очень важные люди требуют, чтобы не было никакой огласки. Если кто-нибудь из вас двоих проболтается о том, что здесь произошло, я лично позабочусь, чтобы, во-первых, вас отправили в тюрьму за соучастие в преступлении и действия, препятствующие совершению правосудия; во-вторых, сделаю так, чтобы вас отсюда уволили, и, в-третьих, прослежу, чтобы вы нигде не получили никакой работы. Ясно?

Ребята побледнели еще сильнее.

— Так вот, избежать этих весьма нежелательных последствий можно. Для этого следует помалкивать. Тогда не придется потом жаловаться на судьбу. Не было вчера здесь никакого ограбления. Вы меня поняли? Никакого. Надеюсь, я ясно изложила?

Флавия могла бы гордиться своей речью, которую произнесла с холодной убежденностью большого начальника, способного стереть несчастных в порошок. Однако любой человек после минутного размышления догадался бы, что все это блеф. На самом деле она вообще ничего не могла им сделать. Но музейные работ-

ники были слишком подавлены, чтобы это заметить. Вероятно, у них хватит ума прислушаться к ее угрозам. Это единственное, на что надеялась Флавия.

Все выяснится в ближайшие несколько дней, а вот пока пользы от них добиться не удалось. Свидетели из этих парней никудышные по причине непроходимой тупости. Их описание ограбления мало чем отличалось от того, что уже рассказали премьер-министр Сабауда и Маккиоли. Они добавили лишь, что фургон был белый и не «фиат», а грабитель — среднего роста и имел выговор римлянина. Флавия отпустила их через двадцать минут, еще раз предупредив о молчании, и попросила Маккиоли показать пистолет.

Директор музея держал его в сейфе, в полиэтиленовом пакете. И непомерно гордился собой за этот пакет.

— Вот, — произнес он, осторожно кладя оружие на стол. — Нам повезло, что он не выстрелил, когда упал на землю.

Флавия вдруг почувствовала, что сейчас заплачет. Выпадает иногда в жизни денек настолько гнусный, что не знаешь, как его пережить. Она достала носовой платок, взяла пистолет, посмотрела на него несколько секунд и приставила к виску.

— Синьора! — встревоженно крикнул Маккиоли. — Что вы делаете?!

Флавия нажала на курок. Кабинет директора музея огласила приятная мелодия, которую позднее сотрудница бухгалтерии, большая любительница оперы, идентифицировала как тему из второго акта оперы Верди «Бал-

маскарад». Генерировало эту мелодию маленькое устройство, помещенное в рукоятке бутафорского пистолета.

Флавия открыла глаза, пожала плечами и бросила пистолет на стол.

— Маска Леонардо да Винчи и этот поющий пистолет скорее всего были куплены в одном магазине. Конфеты в другом. Если нам удастся их найти, то появится какая-то нить. — Она убрала пистолет в сумку. — Я вам позвоню.

Через пять минут она опустилась на заднее сиденье машины, мрачно бормоча что-то себе под нос. Посидела немного и приняла решение. Предписания предписаниями, а посоветоваться кое с кем обязательно надо. Она велела водителю ехать к зданию Европейской комиссии.

2

Несмотря на беспокойное утро, Флавия думала сейчас не об исчезновении картины, а о своем наставнике, генерале Таддео Боттандо, который отправился в почетную ссылку в мрачный пригород, застроенный в тридцатые годы. Он томился здесь уже год, возглавляя некое помпезное учреждение под названием Европейская комиссия, ничего общего не имеющее с обычной полицейской практикой. Флавии к тому же казалось, что в этих местах вряд ли найдется достойный ресторан. А ведь Боттандо любил хорошо пообедать.

Здание, где размещалось Национальное управление по борьбе с кражами произведений искусства, давно требовало ремонта, но зато было красивым, и здесь кипела жизнь. А вот пригородная империя Боттандо хотя и поражала воображение богатством, но выглядела уродливой. На входе потребовалось пройти ряд серьезных проверочных процедур, как в самых секретных правительственных учреждениях. Полы покрыва-

ли толстые ковры, двери неслышно распахивались и захлопывались с помощью электронных устройств, во всех кабинетах гудели компьютеры, а каждый сотрудник, похоже, одевался только в шикарных бутиках. Где же еще заниматься мировыми проблемами, как не в этом раю? «Бедняга Боттандо», — подумала Флавия.

При встречах генерал неизменно храбрился, а Флавия ободряюще улыбалась. У них всегда было все прекрасно. Этакое ритуальное притворство. Он рассказывал о своих замечательных проектах, которые скоро осуществятся, она шутила по поводу того, во сколько все это обходится налогоплательщикам. Но факт оставался фактом. Возраст Боттандо уже ощущался заметнее, разговоры стали скучноватыми, а шутки — принужденными.

Чувствовалось, что в это дело генерал душу не вкладывает. Он часто брал отгулы, чего никогда не случалось ранее. В общем, мало-помалу спускал все на тормозах, расслаблялся. Готовил уход. Было ясно, что проработает он здесь еще от силы пару лет и непременно уйдет в отставку, хотя на своей прежней должности начальника управления по борьбе с кражами произведений искусства даже об этом не думал. Генерал принадлежал к таким людям, которые не мыслили своего существования в отрыве от работы.

Наверное, повышение Боттандо было задумано специально, чтобы потихоньку расслабить его до состояния, когда он сам решит отправиться на заслуженный отдых. Сейчас он находился на половине пути.

Теперь Флавия приезжала к нему уже не по делам. Она руководила управлением год и окрепла на-

столько, что больше не нуждалась в его постоянных наставлениях, как в первые месяцы. Боттандо это отметил, и был рад за нее. В последний раз генерал приезжал несколько месяцев назад под предлогом посмотреть какие-то старые дела; а на самом деле проверить, все ли тут в порядке. Бóльшую часть дня он провел, слоняясь по кабинетам, читая случайные бумаги, болтая с сотрудниками в коридоре и надолго отлучаясь с ними в бар, чтобы выпить. Значит, никакой срочной работы там у него не было. Иногда — правда, пока лишь иногда — Флавия его немного жалела. Она очень надеялась, что милый Боттандо не подозревает об этом.

Но на сей раз причины выдумывать предлог для встречи не было. На нее взвалили странное, неприятное дело, и требовалось поговорить с опытным человеком. Она уже догадывалась, какой прозвучит совет, но все равно хотела его услышать.

Боттандо вышел из-за стола, нежно поцеловал ее в щеку и воскликнул:

— Милая Флавия, если бы ты знала, как я рад тебя видеть! Не часто ты балуешь меня своими визитами в этой провинции. Чем могу быть полезен? Полагаю, ты приехала не только, чтобы усладить взор благосостоянием нашей организации?

Она улыбнулась:

— Конечно, мне нравится наблюдать за работой хорошо смазанного механизма, но сегодня мне понадобился ваш мудрый совет.

— Всегда готов служить, — ответил генерал. — Надеюсь, проблема реальная, а не придуманная специально, чтобы я не чувствовал себя ненужным?

Черт возьми, он заметил. Флавия покраснела.

— Однажды вы сказали, что премьер-министр может испортить мне жизнь.

— Да, действительно может. Особенно, если ты станешь у него на пути. А что у тебя общего с премьер-министром?

После краткой преамбулы относительно неразглашения тайны она рассказала ему все. Боттандо внимательно слушал, хмыкая, почесывая подбородок и посматривая в потолок, как в старые добрые времена. Флавия видела, как постепенно его глаза начинают поблескивать, словно в фонарик вставили свежие батарейки.

— Да, — удовлетворенно произнес генерал и откинулся на спинку кресла. — Очень интересно. Теперь ясно, почему тебе понадобилось услышать мое мнение.

— Во-первых, я не до конца понимаю, почему премьер-министра так взволновала пропажа картины.

— Тебе следует принять его объяснение, — задумчиво проговорил Боттандо. — Правительство очень серьезно относится к председательству Италии в Европейском союзе. Насколько я помню, в предвыборной программе Антонио Сабауда объявил своими главными приоритетами закон и порядок. А теперь, после пропажи картины, может получиться так, что за его спиной все будут хихикать. Разве какому-нибудь политику захочется выглядеть глупо? Они очень чувствитель-

ны к подобным вещам и часто выдают личные интересы за национальные.

— Очевидно. Но меня тревожит, что в случае неблагоприятного исхода я окажусь крайней.

— Никаких письменных указаний ты от него не получила?

Флавия грустно усмехнулась. Боттандо продолжил:

— Я так и думал. И единственным свидетелем вашего разговора был старик Маккиоли, податливый, как кусок листового свинца. — Генерал помолчал. — Например, все сложилось плохо. Известие о пропаже картины появилось в газетах. Разразился большой скандал. Премьер-министр возмущается твоим бездействием. А?

Флавия кивнула.

— Но может получиться гораздо хуже. Ты начнешь собирать деньги для выплаты выкупа, а через некоторое время об этом сообщат газеты. Тогда наш премьер-министр будет просто в шоке. Как же так, начальник Национального управления по борьбе с кражами произведений искусства занимается такими вещами. Собирается платить выкуп.

— За это меня упекут в тюрьму.

— Да, дорогая, на два года, если не пришьют коррупцию и сговор.

— А если все сложится хорошо?

— Если все сложится хорошо, и тебе удастся отыскать картину, то будет считаться, что ты просто добросовестно выполнила свои обязанности. Впрочем, об этом никто не узнает. Но учти, премьер-министр очень

давно вертится на нашей политической кухне, у него много врагов, и, чтобы выжить, ему постоянно приходится изворачиваться. Он по определению должен быть очень коварным. Вот смотри. Предположим, тебе удалось найти деньги, заплатить выкуп и вернуть картину. Все это сделано только для того, чтобы он, Сабауда, не выглядел дураком на международной сцене. Закон нарушен, но премьер, разумеется, посмотрит на это сквозь пальцы. Об этом будете знать только вы двое. Но он может задуматься: а что, если тебе вдруг захочется немножко на него надавить? Слегка пошантажировать. Полагаю, он скорее всего станет воспринимать тебя как потенциальную угрозу и примет соответствующие меры. Придумает что-нибудь, премьер в таких делах большой специалист. Поручит сфабриковать на тебя компромат, который до поры до времени будет лежать под сукном, но случись что, и тебя уволят за некомпетентность. Это в лучшем случае. А могут, как я уже сказал, пришить коррупцию или нечто подобное. В общем, премьер-министр действительно способен испортить тебе жизнь.

Флавия чувствовала, как сжимается сердце. Все это она знала, но произнесенное вот так, вслух, настроения не поднимало.

— Ваши рекомендации?

Боттандо хмыкнул:

— Сначала давай рассмотрим варианты. Их всего два. Первый: ты организуешь утечку информации. Премьер обрушивает на тебя свою ярость, в ответ ты обещаешь ему не останавливаться ни перед чем и так далее. Это исклю-

чает перспективу тюрьмы в будущем, но почти наверняка означает окончание многообещающей карьеры. Второй: сделать все, как предписал он. Тоже скверно, по очевидным причинам. Маккиоли под присягой подтвердит, что тебя специально предупреждали, что платить выкуп противозаконно.

— Негусто получается.

— На данный момент — да. Скажи, а откуда могут появиться деньги для выкупа?

— Понятия не имею. Например, какой-нибудь очень богатый патриот неожиданно войдет в комнату с чековой книжкой в руке.

— Вообще-то случается всякое. Предположим, деньги нашлись. Что дальше?

— Картина возвращается на место. Затем начинается охота за грабителями. Ведь в конце концов они могут проделать этот трюк снова.

Боттандо покачал головой:

— Неразумно. Потому что после всего тебе нужно затаиться. Выполнить лишь то, что предписано, и не более.

— Но я не вполне понимаю, что мне предписано.

— Пойми, коварству можно противопоставить только еще более изощренное коварство. А если тебе изложить это все на бумаге? Потом заверить у адвоката. Тогда в случае необходимости ты вытаскиваешь бумагу и машешь ею. Вот, смотрите, я поняла инструкции премьер-министра так-то и так-то.

Флавия хмыкнула точно так же, как обычно Боттандо, когда она предлагала какой-нибудь неприемлемый вариант. Он мягко улыбнулся. Ему тоже было немного жаль Флавию. Ведь чем выше пост занимаешь, тем больше на тебе ответственности.

— Я не решаюсь просить вас о помощи...

Боттандо усмехнулся:

— Дорогая моя. Конечно, мне очень хочется тебе помочь, но я уже стар для того, чтобы бегать на встречу с похитителями с чемоданами денег в руках. А кроме того, у меня сейчас сложная ситуация.

— Что такое?

— Флавия, — генерал сделал скорбную гримасу, — мне здесь скучно. Невероятно. Я сижу за этим столом уже год и перекладываю бумажки. Отдаю распоряжения людям, которые отдают распоряжения другим людям, а те время от времени проводят какие-то оперативные акции, но бóльшую часть времени тратят на разработку рекомендаций международным организациям. И я решил, что хорошего понемножку, и собрался уйти в отставку. Пенсия у меня будет много меньше, чем ожидалось, но на жизнь хватит. Поэтому рисковать мне сейчас никак нельзя. Что касается советов, то пожалуйста, в любое время, но активно помогать я тебе смогу, когда выйду в отставку.

— Жаль, что вы покидаете работу, — промолвила она. — Мне будет очень вас не хватать.

— Ты обойдешься, не сомневаюсь. А я уже решил. Даже самая интересная работа в конце концов приедается, а то, чем я тут занимаюсь, интересным не назовешь. Ты наверняка это заметила. — Он замолчал. —

Кстати, шоколадные конфеты, ты сказала, были бельгийские?

— Да.

— Хм...

— Почему вы спросили?

— Просто так. Уточняю. Видимо, я, как всегда, переоцениваю роль деталей.

Флавия посмотрела на часы и встала. «Опаздываю, опаздываю, опаздываю. Неужели так будет всегда? Постоянные встречи, спешка? Нет времени просто сесть и спокойно побеседовать. Наверное, проработав в таком темпе несколько десятков лет, я тоже захочу с этим распрощаться».

Она обняла Боттандо, пообещала, что обязательно присядет к нему за советом, и направилась к своему автомобилю. Водитель крепко спал на заднем сиденье. Счастливый, подумала она, прежде чем разбудить его.

3

Домой Флавия приехала раньше Джонатана. Разделась и шагнула на веранду с бокалом вина. Теперь, когда ее повысили, а Джонатан наконец нашел постоянную работу, они смогли позволить себе снять приличную квартиру. Там же, в квартале Трастевере на правом берегу Тибра, четырехкомнатную, с высокими потолками и верандой, выходящей на тихую площадь. Если вытянуть шею, то можно даже разглядеть кусочек знаменитой церкви Санта-Мария делла Виттория. Роста у Флавии не хватало, но у Джонатана получалось, и это его необыкновенно радовало. Приятно было сознавать, что церковь где-то там, совсем недалеко. Домовитой хозяйкой Флавия не была, но здесь она старалась по мере сил поддерживать порядок. Может, это уже возраст такой наступает?

Она ушла с работы пораньше, поскольку там поразмышлять не было никакой возможности. Непрерывно трезвонил телефон, в кабинет постоянно кто-

то забегал что-нибудь спросить или дать подписать. Обычно ей это не мешало, но сегодня хотелось подумать в тишине. Лучше всего — на веранде.

Она смотрела на здание напротив, цвета охры, где располагались магазины. Люди входили, потом выходили с покупками, и это ее почему-то успокаивало.

Итак, разговор с Боттандо в практическом плане ничего не дал. Совет пригнуть голову и затаиться, конечно, дельный, но уж очень противно. Значит, что ни сделай, все опасно. Премьер-министр просто положил ее голову на плаху и замахнулся топором. Случись что не так, обвинять будут только ее. Как же, начальник управления! Хотя прошел год, а ее еще не утвердили. И можно легко избавиться, без шума, суеты. Просто объявят, что с такого-то числа на эту должность назначен некий более опытный специалист.

Ну что тут можно сделать? Ровным счетом ничего. Не станет же Флавия шастать по офисам богатых итальянцев, спрашивая, нет ли у кого чемодана лишних денег. К тому же сбор благотворительных средств в ее обязанности не входит. В наше время этим занимаются все директора музеев. Почему бы не намекнуть Макиоли? Он недотепа, но, если потребуют выкуп, может, поговорить с ним серьезно?

Через час явился Аргайл. В относительно хорошем настроении, если учесть, что у него было три семинара, на которых он пытался вбить в головы студентов элементарные знания по истории искусств. Он плюхнулся в кресло рядом с Флавией, чтобы вместе полюбоваться живописным видом. Понаслаж-

давшись, спросил, как прошла встреча с премьер-министром. Вспоминать сейчас не хотелось, и она, в свою очередь, поинтересовалась, как продвигается работа над тезисами.

Для Аргайла это был больной вопрос. Он преподавал в университете историю искусств. Работа для него подходящая, но, помимо аудиторных занятий со студентами, она предусматривала написание научных и методических статей. А еще лучше, если преподаватель издавал книгу или две.

Эта повинность Аргайла ужасно раздражала, он питал стойкое отвращение ко всякой никчемной писанине. Но никуда не денешься, подобные требования существуют в университетах всего мира. Он переворошил свой архив и слепил две банальные статьи, которые сдал в заштатный журнал. Думал, все, так нет, недавно случилась другая напасть. Через месяц в Ферраре собиралась научная конференция, и кафедра поручила ему сделать на ней доклад. Теперь надо срочно готовить тезисы.

Аргайл расстроился. Во-первых, у него совершенно не было материала, а во-вторых, одно дело — тиснуть статью в журнале, который никто не читает, и совсем другое — стоять перед аудиторией и нести откровенную бессмыслицу. Он снова пожаловался Флавии, что до сих пор не может ничего придумать, а она постаралась его успокоить.

Наконец Аргайл выдохся и сменил тему:

— Тебе сегодня звонили.

— Кто?

— Мэри Верней.

Флавия поставила бокал и посмотрела на мужа. Неужели того, что было сегодня, недостаточно? И еще эта Мэри Верней, профессионалка, специализирующаяся на краже картин. Она вроде отошла от дел, во всяком случае, так заявила Флавии, когда та ее застукала в последний раз. Но прежде Мэри уже заявляла подобное.

— И что?

— У нее дом где-то здесь, в Тоскане. Она спрашивает, можно ли вернуться. Есть ли у тебя к ней какие-либо претензии? Если есть, то она продаст дом и останется в Англии, а если нет, то с удовольствием вернется и будет в нем жить. Я пообещал, что спрошу. — Аргайл улыбнулся. — Не смотри на меня так. Я всего лишь передаю сообщение. Казнить вестника совсем не обязательно.

Флавия хмыкнула:

— Можно подумать, мне нечего делать, кроме как успокаивать пожилых воровок.

— Да, сейчас у тебя забот предостаточно.

— Почему ты так решил?

— Ну, во-первых, ты совсем не слушала забавную историю о кофеварке в преподавательской. Потом еще анекдот о туристе, на голову которого упал кусочек Пантеона. Ты даже не улыбнулась, хотя он довольно остроумный и в другое время наверняка вызвал бы у тебя смех. И наконец, ты дважды окунула оливку в сахарницу и съела, даже не заметив.

Вот, значит, почему у оливки такой странный вкус. Флавия вздохнула и рассказала Аргайлу о том, как провела день. К концу повествования он тоже окунул свою оливку в сахар. В отличие от Флавии ему она показалась довольно вкусной. Он понял, что история с кафедральной кофеваркой бледнеет по сравнению с ситуацией, в какой оказалась жена.

Совет Аргайла ей не понравился.

— Ты уже несколько дней жалуешься на желудок, — сказал он. — Давай сходим к Джулио, это недалеко, и он положит тебя на неделю в больницу. На срочное обследование. Подозрение на язву или гастроэнтерит. Можешь во всем обвинить меня, что, мол, я плохо готовлю. Он будет рад помочь. А ты отсидишься в тихом мирном месте, пока это дело не уляжется. Отдохнешь, почитаешь. А?

Джулио — их приятель, врач, живущий в этом квартале, очень любезный человек, и Флавия не сомневалась, что он поможет. К тому же ее желудок, как и остальные внутренние органы, в последнее время вел себя удручающе скверно. Правда, в данный момент полегчало, наверное, результат благотворного действия вина. Но она не могла взять и вот так улизнуть, и Аргайл это знал.

— Не глупи. Если ты хочешь помочь, то расскажи лучше об этой картине Клода Лоррена.

— Там нечего особенно рассказывать. Пейзаж. Размеры картины, против обычного у Лоррена, небольшие, поэтому она популярна у воров.

— А кто такие Кефал и Прокрида?

Аргайл пожал плечами.

— Мифологические персонажи, которые п… ствуют с холста на холст для придания респек… ности. Лоррен совершенно не умел писать людей… и ноги длинноваты. Задницы не на том месте,… но. Но он должен был их написать, чтобы его… нимали всерьез.

— А что у них за история?

— Понятия не имею.

Больше Флавия ничего не спросила, и Арг… нил тему:

— Как Боттандо? Ты по нему скучаешь?

— Ужасно. Он мне как отец. Неприятно со… когда нечто, что ты считала неизменным, вдруг… их глазах исчезает. И он тоже совсем не рад своему… ду. Я думаю, генерал не так предполагал зак… свою карьеру.

— Мы должны сделать ему подарок.

Флавия кивнула:

— Ты уже что-нибудь придумал?

— Нет.

— Я тоже.

Они помолчали.

— Так что мне передать Мэри Верней? — спр… Аргайл.

Она вздохнула:

— Не знаю. Но в нашей стране так много пор… ничего не изменится, если будет одним больш… крайней мере нам точно известно, что к похищ… картины Клода Лоррена она отношения не име…

4

Конфликтовать с женой Аргайл не хотел и не мог, …м более что официальными супругами они стали …овсем недавно. Но его немного обидело, что она от…махнулась от его совета. Беспокоило и взвинченное …остояние Флавии после встречи с премьер-мини…стром. Странно, ведь до сих пор он поражался имен…но ее спокойствию. Если бы таким делом пришлось …заниматься ему, он бы наверняка пребывал в стрессе. …Благо на теперешней работе, когда торговля произ…ведениями искусства превратилась в хобби, самое пло…хое, что могло произойти, — потерять конспект лек…ций. Аргайл уже подготовил к продаже бо́льшую часть …своей коллекции, и связанных с этим переживаний …теперь, кажется, должно хватить до конца жизни.

Оставалось еще несколько десятков картин, в ос…новном приличных. Вначале Аргайл сомневался, про…давать их самому или переложить заботу на дилеров. …Подумывал даже оставить картины себе. Наконец при-

нял решение отправить на аукцион в Лондон, где за них могли дать больше. Особой ценности картины не представляли, однако для получения разрешения на вывоз пришлось оформить множество различных бумаг, с которыми Аргайл провозился последние несколько месяцев. Сейчас волокита почти закончилась, картины аккуратно упаковали в ящики и готовили к отправке. Осталось уладить лишь формальности.

Удивляться волнению Флавии не следовало, тем более что существующие в Италии идиотские бюрократические порядки могли вывести из себя даже самого уравновешенного человека, но ведь прежде с ней такого не случалось.

Флавия не восприняла совет Джонатана серьезно, все мысли в тот момент были заняты загадочной историей похищения картины Клода Лоррена. На работе приходилось делать вид, что все нормально. Утром она сразу позвонила премьер-министру в надежде вытянуть более определенные указания. Разговор был долгим, но опять пришлось услышать тот же категорический запрет на выплату выкупа и туманные намеки на каких-то людей, которым он не может помешать это сделать. Положив трубку, Флавия подумала, что разговор записывался на пленку, которую, если понадобится, используют против нее. День начался скверно, а продолжение оказалось еще хуже. Собственно, не происходило ничего. Похититель пока не объявился, и никаких требований о выкупе выдвинуто не было. Но если он сделал это не ради денег, то для чего? Флавия не понимала, почему он медлит. Ведь время работает против него. Даже самый тупой вор — а его вряд ли следует относить к таковым — должен сообразить, что выжидать неразумно. Это увеличивает риск провала. А если о похищении сообщат газеты, цена выкупа сильно упадет.

Спрашивается, как в такой ситуации поступить? Привлечь к расследованию сотрудников она не могла: не имела права разглашать даже сам факт ограбления музея, не говоря уже о деталях, но, к счастью, недавно в управление прислали стажера, Коррадо. По словам сотрудников, очень толкового. Флавия его вызвала и, как только он переступил порог кабинета, сурово объявила, что оперативная работа — не только быстрая езда в машине с проблесковым маячком и последующее задержание подозреваемых, но и копание в архивах и сидение за компьютером. Стажер заметно помрачнел.

— Пока вы показали себя с очень хорошей стороны. — Флавия слегка улыбнулась. — Но в нашей работе главное — аналитика. Умение продумать операцию на много ходов вперед. Вот что самое трудное. Поэтому я хочу, чтобы вы попрактиковались на каком-нибудь условном деле.

— Что значит условном? — В голосе Коррадо звучали едва скрываемые нотки неудовольствия.

— А то, что подобная ситуация может возникнуть в любой момент. Вы захватили с собой блокнот? Прекрасно. Записывайте. Итак, вводная: вооруженное ограбление в музее, преступник-одиночка похитил картину.

— Какую?

— Не важно. Я же сказала, что дело условное.

— Понятно.

— Через день звонит, требует выкуп. Платите, а не то...

Коррадо кивнул.

— Так вот, ваша задача: провести аналитическую работу, в результате которой на моем столе должен появиться наиболее полный список лиц, способных на такое деяние. Вы знаете, с чего начать?

— Включу компьютер, — бесстрастно произнес стажер, — просмотрю все файлы, где зафиксированы похожие ограбления... ну и так далее.

Флавии было его немного жаль. Но в любом случае в полицейском деле теперь от просиживания штанов за компьютером никуда не денешься.

— Ну что ж! — оживленно воскликнула она. — Подход более или менее верный. — И добавила тоном школьной учительницы: — Пожалуйста, не ропщите. Для вас это очень полезное упражнение. Главное, чтобы оно было выполнено качественно. И чем раньше, тем лучше. Если нет вопросов, можете идти.

Разговор немного развеселил Флавию, но ненадолго. Она съела сандвич, выпила чашку кофе, собиралась выбросить в урну обертку, и тут вошла секретарша — забавно, как быстро можно привыкнуть к наличию секретарши, — с сообщением, что звонит журналист из «Маттино». В принципе ничего необычного. Несколько журналистов звонили регулярно, интересуясь, нет ли чего новенького, пользуясь тем, что Флавия была с ними любезнее, чем в свое время Боттандо. Этого звали Этторе Доссони. Она его не знала, хотя фамилию

где-то слышала. Во всяком случае, о кражах произведений искусства он прежде не писал.

— Я собираюсь подготовить статью о работе правоохранительных органов, — промолвил он вкрадчиво. — В некоторых музеях иногда выставляются картины, привезенные из-за рубежа. Верно?

— Бывает такое, — сухо подтвердила Флавия.

— Меня интересует, насколько надежно их охраняют. И что происходит, если картину похитят?

— Тема любопытная, — проговорила Флавия бодро, — но материала у меня для вас нет. Привозных картин из наших музеев не похищали уже много лет.

— Знаю, — быстро согласился он. — Но разве у вас не должен быть разработан план действий на подобный случай?

Доссони нравился ей все меньше.

— Никакого специального плана нет, — заявила она. — Мы просто начнем расследование. Как обычно.

— А если грабители потребуют выкуп?

— Возможно, вам не известно, — сурово заметила Флавия, — но платить выкуп наши законы запрещают.

— Вы хотите сказать, что не стали бы платить?

— Лично я? С какой стати? Это не наша компетенция. Мое дело — передать требование похитителей вверх по инстанциям. Как можно быстрее. Только прошу меня не цитировать. Вы прекрасно знаете, как там среагируют. Это же незаконно.

Флавия постаралась поскорее от него отвязаться и, помрачнев, откинулась на спинку кресла. Этот тип явно забрасывал удочку. Кто-то что-то сказал, но недостаточно

для того, чтобы слепить сенсацию. Вот он и зондирует почву. Предполагаемых источников утечки информации три: из музея, из канцелярии премьер-министра или человек, связанный с грабителем. Гадать, какой именно источник сработал, бессмысленно. Флавия сняла трубку, чтобы выяснить, записывался ли ее разговор с журналистом. Ответ получила через десять минут. Нет, не записывался. Вот скоты! Распустились после ухода Боттандо. Флавия вдруг вспомнила вчерашний дельный совет Аргайла, и настроение испортилось окончательно.

Аргайл сидел дома и предавался грустным размышлениям. В их отношения с Флавией неизменно вмешивалась работа, но они прекрасно ладили уже многие годы. Достаточно сказать, что за все время у них случилось лишь несколько незначительных размолвок. Флавия была постоянно занята, ездила в командировки, порой возвращалась домой в дурном настроении. Аргайл относился к этому терпимо. Ничего не поделаешь, такая у нее работа. Взамен работа Флавии обеспечивала его постоянной пищей для раздумий. Аргайл неоднократно давал жене толковые советы и очень гордился тем, что она их принимала. После ее повышения эти трехсторонние отношения (он, Флавия и ее работа) существенно усложнились, не в последнюю очередь из-за того, что теперь ей пришлось больше времени проводить за письменным столом и меньше заниматься непосредственным расследованием краж произведений искусства. Она, как и ранее Боттандо, сидела в кабинете, оценивала степень риска той

или иной операции, выискивала ловушки. В ней появилась скрытность, даже подозрительность. Кстати, Боттандо, — Аргайл это с интересом отметил, — уйдя с должности, стал немного похожим на нее прежнюю. Был одержим яркими, правда, не всегда приемлемыми идеями.

В общем, особых проблем у них никогда не возникало. Обычно Флавия появлялась вечером и с увлечением рассказывала о делах на работе. А вчера впервые информацию из нее пришлось буквально выжимать. Аргайл был убежден, что, связываясь с этим делом, Флавия неоправданно рискует. Да, такова ее работа, да, вести это дело ей поручил сам премьер-министр, но существовал способ увильнуть, и отказываться от него было, с его точки зрения, непростительной глупостью.

Аргайл решил, что, когда вечером Флавия вернется, он снова хорошенько на нее надавит. А пока, лежа на диване, обдумывал, за какое из текущих дел взяться в первую очередь. На посторонний взгляд — пустая трата времени, но для него важно сначала принять правильное решение. Он мысленно блуждал от одной проблемы к другой. От подготовки тезисов к конференции к проблемам, связанным с вывозом картин за границу, и дальше, к еженедельной поездке за покупками, а потом обратно к началу.

Неожиданно в процессе размышлений у него возникла идея подарка Боттандо по случаю ухода в отставку. Можно, конечно, купить что-нибудь обычное, что дарят отставникам, но Аргайла это не устраивало. Он

любил генерала, и тот тоже относился к нему с большой теплотой. Аргайл знал, что будет скучать по старику почти так же, как Флавия. И вот сейчас придумал ему превосходный подарок.

В последний раз они встречались втроем давно. Аргайл был в квартире Боттандо впервые. Тот редко приглашал гостей. Обычная холостяцкая квартира, где генерал только ночевал. Они пробыли там не более двадцати минут, прежде чем отправиться в ближайший ресторан. Выпили немного, поболтали.

Аргайл с удивлением увидел над камином, который Боттандо не топил, картину. Она была здесь единственным предметом, не имеющим практического назначения. Всю жизнь Боттандо занимался розыском украденных картин, но для себя никогда их не покупал.

Картина показалась Аргайлу очень интересной. Написана маслом на тонкой доске, сорок шесть на двадцать восемь сантиметров, в приличном состоянии. Сюжет: Мадонна (необыкновенно красивая) с младенцем. Младенец парил над ее головой. Нетрадиционный подход художник распространил и далее, добавив еще две коленопреклоненные фигуры. Конечно, были видны следы неуклюжей реставрации, однако картина производила впечатление. Джонатан не удивился бы, увидев ее в каком-нибудь европейском музее. По его оценке, она могла быть написана в восьмидесятые годы пятнадцатого века в Центральной Италии. Впрочем, специалистом по этому периоду он не являлся.

— Что это?

Боттандо недоуменно посмотрел на картину, словно впервые увидел.

— Ах это? — Он улыбнулся. — Подарок, очень давний.

— И очень интересный, — добавил Аргайл. — А кто автор?

— Понятия не имею. Вряд ли кто-нибудь из выдающихся, я думаю.

— Откуда она?

Генерал пожал плечами.

— Не возражаете, если я на нее взгляну? — спросил Аргайл и начал снимать картину со стены, не дожидаясь разрешения.

Более внимательный осмотр подтвердил, что это подлинная старина. Кое-где краска отслоилась, заметно несколько царапин, но в целом для картины пятнадцатого века состояние неплохое. Аргайл перевернул ее. Никаких поясняющих надписей, лишь внизу сбоку приклеена бумажка с коллекционерским штампом в виде домика, а рядом номер, написанный выцветшими чернилами, — 382. Такой штамп Аргайл видел впервые. Он сделал соответствующие пометки в блокноте, который всегда носил с собой для подобных случаев (одно из немногих проявлений организованности), и повесил картину на стену. Для искусствоведа, особенно занимающегося экспертной оценкой картин, такие отметки бывших владельцев являются весьма полезными, но единственный приличный словарь коллекционера, изданный семьдесят пять лет назад, был неполным. К тому же сейчас он безнадежно уста-

рел, и толку от него мало. Иногда Аргайл тешил себя мыслью издать свой словарь — у него накопился очень интересный материал — и тем самым обеспечить себе место в пантеоне славы. «Я это нашел в Аргайле», — скажет какой-нибудь искусствовед много десятилетий спустя. «Ах в Аргайле», — уважительно произнесет второй. Только вряд ли он решится проделать такую большую работу.

И теперь, через девять месяцев, Аргайл вспомнил штамп на обороте картины. Вот это будет подарок. Он установит авторство картины, выяснит, кто ею владел, где, когда, и преподнесет Боттандо в виде небольшого отчета. Вряд ли от этого генералу будет какая-то практическая польза, но все равно иметь такие сведения приятно. Подарок оригинальный. Лучше, чем какая-нибудь гравюра или акварель, какие покупают для украшения кабинетов.

Для начала можно проштудировать иконографию. Мадонна с летающим над головой младенцем символизировала непорочное зачатие уже в раннем христианстве. Двое преклонивших перед ней колени — либо жертвователи, либо родители. Непорочное зачатие могло быть написано для монахов-францисканцев, которые являлись первыми распространителями идеи, что Мария родила Иисуса, не совершив греха. Имя художника неизвестно, трудно даже определить школу. Небольшой коллекционерский штампик — все, чем располагал Аргайл. Но из маленького желудя вырастает могучий дуб. Аргайл позвонил в Англию, Эдварду Бирнесу, у которого прежде работал. Тот пообе-

щал поспрашивать. Надежды было мало. Он всегда обещал и редко что выполнял.

Странно, но на сей раз факс от Бирнеса пришел буквально через час. Вначале — предложение относительно одной из картин, какие Аргайл выставил на продажу. Клиент соглашался купить за приемлемую цену. Ниже — следующая приписка:

«Мне удалось поговорить с несколькими стариками, которые еще кое-что помнят. Они единодушно считают, что штамп в виде домика принадлежит Роберту Стоунхаусу. В период между двумя мировыми войнами он собрал весьма ценную коллекцию. В шестидесятые годы она развалилась. Я просмотрел каталоги продаж и нашел нечто похожее. Там сказано, что это «флорентийская школа, конец пятнадцатого века», хотя если учесть непостоянство оценок составителей, то с тем же успехом это мог быть и Пикассо. Картина продана за девяносто пять фунтов, видимо, тогда в Лондоне ее никто не ценил. Принадлежавшая Стоунхаусу вилла в Тоскане перешла во владение какому-то американскому университету. Вероятно, они знают больше».

Примерно час Аргайл провозился с энциклопедиями, справочниками, книгами воспоминаний и прочими пособиями искусствоведов. И не зря. Теперь он располагал некоторыми сведениями относительно коллекции Стоунхауса. По крайней мере достаточными для понимания, что замечание Бирнеса о «весьма ценной» коллекции было несколько сдержанным. На самом деле коллекция Стоунхауса

была выдающейся. История обычная. Дед Стоунхауса сделал состояние на джуте, а сын, «заболев» живописью, поселился в Италии на великолепной вилле. Он не только покупал картины, но и внимательно следил за состоянием дел на фондовой бирже. Потому и оказался одним из немногих, кто легко вышел из кризиса 1929 года, когда взорвался мировой рынок произведений искусства, к большому восторгу коллекционеров, которым удалось сохранить деньги.

Круг замкнулся по традиции на третьем поколении. Последний Роберт Стоунхаус унаследовал изысканный вкус отца, но, к сожалению, ничего от финансовой хватки дедушки. В результате коллекция развалилась. Картины разошлись по музеям всего мира, а виллу купил американский университет. Теперь в здании, стены которого помнили голоса выдающихся европейских художников и литераторов, располагался летний студенческий лагерь.

Все банально, и никакой зацепки. Кроме одного обстоятельства, на которое Аргайл обратил особое внимание. По слухам, второй Стоунхаус считал свою коллекцию не собранием разнородных старинных работ, пусть даже высококачественных, а художественным ансамблем, имеющим самостоятельную ценность. Каждая картина, гобелен, бронза, скульптура, майолика, гравюра и рисунок были тщательно отобраны с целью сформировать гармонию. Замечательно, хотя фактически никто этого по достоинству не оценил. И вот такое выдающееся собрание оказалось рассеянным по миру. Ко-

нечно, это была своего рода трагедия, однако закономерная.

Аргайл приготовил себе выпивку и прилег на диван обдумать то, что ему только сейчас пришло в голову. Коллекционирование можно рассматривать как самостоятельный вид творчества, его плоды подобны скульптурам из льда или песка. Они живут лишь короткое время, а затем их сдувает ветер перемен. Экономические потрясения пожирают коллекции, как коррозия — металл.

Что касается воровства, то с этой точки зрения его можно рассматривать тоже как закономерный фактор, способствующий поддержанию бесконечного процесса разъединения и переформирования художественных коллекций. «О Боже, — размышлял Аргайл, — маленький подарок генералу Боттандо дает мне возможность написать доклад к этой чертовой конференции. Таким образом я убью двух зайцев одним Стоунхаусом. Чепуха, разумеется, без каких-либо научных обоснований, но именно такое проходит на конференциях на ура. Кроме того, время летит, скоро нужно представить тезисы, а у меня иных идей пока нет».

Что касается «Мадонны», то тут он мало продвинулся. Если картина привлекла внимание Стоунхауса, то, очевидно, в ней что-то такое было. То, что она содержалась в коллекции Стоунхауса, существенно повысит цену, если Боттандо когда-нибудь захочет ее продать. Вообще исследование родословной любой картины — занятие невероятно увлекательное. Для Аргайла это маленькое хобби, заслуживающее отдельно-

го разговора. Дело в том, что, начав, он уже не сумел остановиться. Это ведь огромное искушение — попытаться отодвинуть какую-нибудь картину с известной родословной чуть дальше в прошлое. Аргайл пока уверенно добрался лишь до 1966 года и установил фамилию предыдущего владельца. Он по-прежнему знал очень мало, но мысль о тезисах дразнила воображение. К тому же Флавия сейчас была настолько занята и раздражительна, что это даже лучше, если он уедет в Тоскану провести свое расследование. Несколько дней не будет путаться под ногами.

Аргайл нашел по Интернету номер телефона американского университета, владеющего виллой Стоунхауса, и позвонил. Там оказались очаровательные люди. Да, у них имеются бумаги Стоунхауса, с ними можно ознакомиться, если понадобится. Они будут рады предоставить их в его распоряжение на сутки. Эх, если бы всегда все было так просто! Через полчаса Аргайл уже собирал дорожную сумку, чтобы завтра без промедлений одним из самых первых поездов отправиться во Флоренцию, а оттуда — на бывшую виллу Стоунхауса.

5

Стажер Коррадо выполнил задание на образцовом уровне. Он не только раскопал, кто из живущих в Италии когда-либо был замешан в кражах произведений искусства, сопоставив их с теми, кто интересовался приобретением таких произведений. Затем составил другой список, куда включил тех, кто связан с организованной преступностью, и разбил их на категории по регионам, полагая, что большинство преступников ленивы и не станут ездить далеко «на работу». Отчет на сорока пяти страницах Коррадо проиллюстрировал красивыми таблицами, правда, большей частью имеющими декоративный характер, и отпечатал в двадцати экземплярах. Документ выглядел впечатляющим — ссылки на каждое дело, обширный список использованной литературы и прочее, но Флавия приняла его весьма сдержанно.

— Неплохо. — Она положила отчет на стол. — А теперь расскажите, какие открытия вам удалось сделать?

— Ни одного, — ответил Коррадо с откровенностью, достойной похвалы.

— Неужели?

— Я не нашел ни одного дела нужного нам профиля, то есть такого, где фигурировал бы преступник, в одиночку совершивший похожее ограбление. Предположение, что он мог действовать под чужой фамилией, тоже не дало результатов. Правда, просмотреть все дела мне не удалось...

— Почему? — придирчиво спросила Флавия. — Полнота в таких делах крайне необходима. Без нее...

— Потому что несколько дел отсутствовали, — быстро проговорил Коррадо, выбивая у нее из-под ног почву.

Флавия стиснула зубы. Ничто не раздражало ее больше, чем небрежность некоторых сотрудников. Главным образом потому, что в свое время она сама не отличалась аккуратностью. Заняв кабинет Боттандо, она сразу издала несколько грозных распоряжений, предписывающих непременно все дела класть на место и не ставить на них чашки с кофе. В архиве навели относительный порядок.

Но нарушения выявлялись почти ежедневно. Даже в тех редких случаях, когда папки с делами возвращались в архив, их ставили либо не в тот год, либо не в ту категорию. Иногда по коридорам отдела прокатывалось эхо негодующих возгласов, когда кто-нибудь не обнаруживал папки, которая могла разрешить его проблемы.

— Просмотрите все дела, какие остались, — велела Флавия. — Найдите их. Они где-то в отделе.

— Очевидно. Но одного нет точно.

— Откуда вы знаете?

— Библиотекарша сказала, что оно в Европейской комиссии у генерала Боттандо. Он затребовал его вчера.

— В таком случае займитесь остальными.

Флавия понимала, что испортила ему настроение. Бедный парень надеялся, что его старания будут оценены, и он вернется в группу Паоло.

— Просмотрите эти дела и будете свободны, — добавила Флавия, когда он выходил из кабинета.

Она откинулась на спинку кресла. Опять затошнило. Надо бы сходить к врачу, но Флавия боялась, что он обнаружит у нее что-нибудь плохое. Например, язву или что похуже. Об этом не хотелось даже думать.

Зазвонил телефон. Наконец-то потребовали выкуп. Ну что ж, давно пора.

Прием грабитель использовал настолько избитый, что это даже вызвало у нее подозрения. Он просто взял и позвонил в музей. Чтобы доказать свою подлинность, — поскольку серьезно разговаривать с ним поначалу не соглашались, — бедняге пришлось назвать ключевое слово — «шоколадные конфеты». Что было правильно, ведь о похищении мог знать лишь тот, кто знал о конфетах. Требование — три миллиона долларов в смешанной европейской валюте — тоже звучало странно. Для любого бандита намного проще получить весь выкуп в евро. Условия передачи выкупа он пообещал объявить завтра.

Маккиоли закончил рассказ, помолчал пару секунд и нерешительно промолвил:

— Думаю, вам следует подъехать сюда.

— Зачем? Ведь больше никакой информации нет.

— Тут на ваше имя прибыла коробка.

— Какая коробка?

— Та, которая стоит в моем кабинете. На ней написано, что она адресована вам.

— Что за чушь! — Флавия тряхнула головой.

— Коробку принес пять минут назад курьер. Откуда — не сообщил. Адресована вам, под ответственность музея.

— Не понимаю, зачем кому-то вздумалось присылать для меня посылку в музей?

Маккиоли ничего не ответил.

— Ладно. Я выезжаю. Прошу вас к моему приезду подготовить пленку с записью телефонного разговора с грабителем.

— Какую пленку?

— Вы забыли, что мы установили у вас специальное оборудование? На случай, если он позвонит. Нужно было только включить магнитофон.

— Что-то такое припоминаю, — равнодушно произнес Маккиоли.

От расстройства на лбу у Флавии выступили капельки пота.

И не зря. Телефонистка, невероятно тучная женщина, которая каждое утро должна была включать записывающее устройство, сделала это лишь в пер-

вый день. Она вовсе не оправдывалась, наоборот, ворчала:

— Неужели люди не понимают, что невозможно сидеть тут целый день, отвечать на звонки да еще следить за этим магнитофоном. Включать, выключать, менять пленки... В конце концов, не так уж много мне здесь платят. Сколько раз говорила директору, что на коммутаторе должны работать по крайней мере две телефонистки, но он меня даже не выслушал...

Флавия обнаружила, что тоже не слушает ее. Она кивнула и направилась обратно в кабинет Маккиоли.

— Записи нет? — спросил он.

— Нет.

Маккиоли улыбнулся своей извиняющейся дурацкой улыбкой, и Флавия с трудом подавила желание швырнуть в него чем-нибудь.

— Еще есть новости?

— Нашлась рама этой картины.

— Где?

— В кабинете хранителя музея. В суматохе мы забыли, что за день до ограбления картину вынули из рамы, чтобы протереть пыль.

— Понимаю. — Она помолчала. — Я, пожалуй, сейчас позвоню премьер-министру. Сообщу о выкупе.

— Я уже сделал это.

— Когда?

— Сразу после разговора с грабителем.

— И когда это было?

Маккиоли взглянул на часы.

— Пару часов назад. — Он улыбнулся. — Надо же, как быстро летит время.

Разумеется, Флавия восприняла это как личное оскорбление. Хотя в принципе никакой разницы не было, позвонил бы Маккиоли вначале ей, а она — премьеру или наоборот.

— Прекрасно... прекрасно. Так где же посылка?

Маккиоли указал на стоящую в углу большую коробку, завернутую в коричневую бумагу. Флавия внимательно ее осмотрела. Бомбы ей прежде никогда не присылали, но все случается в первый раз. В данном случае он же должен стать и последним. Но почему сюда? Она подняла коробку, которая оказалась тяжелой, словно там лежали книги, слегка встряхнула. Затем, пожав плечами, попросила у Маккиоли ножницы.

Внутри находились деньги. Много денег. Огромное количество. Просто невообразимое. Флавия быстро захлопнула крышку. Странно, но она без труда могла назвать точную сумму. Три миллиона долларов. И материализовались они в результате звонка Маккиоли премьер-министру.

— И что же там? — поинтересовался директор музея.

— Подарок ко дню рождения, который был у меня на прошлой неделе. Мой приятель — оригинал. Решил, наверное, что если я занимаюсь раскрытием краж произведений искусства, то лучше подарок прислать сюда. Придется подогнать машину прямо к двери. — Она посмотрела на Маккиоли. — Я еще хотела, чтобы вы рассказали мне историю о Кефале и Прокриде.

— Не понял?

— Ну персонажи на картине Клода Лоррена.

— А... Впервые о них упоминает Овидий, но более широко они стали известны в семнадцатом веке из пьесы Никколо да Корреджо. История запутанная. Проделки богов. Диана дарит Кефалу волшебное копье, которое всегда попадает точно в цель. Однажды на охоте он видит оленя и кидает копье. Но каким-то образом ошибается, и погибает Прокрида. Затем Диана возвращает ее к жизни. Так что конец там счастливый. А почему вы спросили?

— Из любопытства. Никогда об этом не слышала.

— Неужели? — удивился Маккиоли. — Во времена моей молодости это входило в школьную программу.

— Что?

— Мифология. Предмет особого интереса Муссолини. Поэтому ее усердно вбивали нам в головы.

— Ну я-то училась в семидесятые, а тогда все было иначе.

— Да, тогда все было иначе, — согласился Маккиоли, явно не соглашаясь, что все изменилось к лучшему. — Вы еще молоды. А вот те, кто ближе к пятидесяти, с мифологией знакомы хорошо.

— Значит, грабителя нужно искать среди пожилых, — сказала Флавия. — Хотя, полагаю, сюжет картины вряд ли имеет большое значение.

6

До Флоренции из Рима добираться очень просто. Нужно отправиться на вокзал, сесть в поезд, а потом смотреть в окно на пейзаж, который с каждым часом становится все симпатичнее. Неплохо, конечно, ехать в полном одиночестве, но эта мечта невыполнима. Аргайл пребывал уже в том возрасте, когда человек испытывает смутную тоску по старым добрым временам. Вот, например, зеленые вагоны. Да, грохотали они громче, там было не так просторно, но зато уютнее. Не то что теперешние быстрые, дорогие, сияющие скорые поезда, предлагающие сомнительный комфорт воздушных авиалайнеров.

Аргайл вздохнул. Правда, путь стал намного короче. Он едва успел прочитать газету, как поезд начал тормозить перед Флоренцией. И вскоре мстительно вернулись прежние времена, когда все было проще. Непостижимо, но автобусное сообщение Флоренции никакие современные новации не затронули.

Целых сорок пять минут Аргайл без толку обходил несколько десятков автобусных остановок у вокзала, прежде чем нашел нужную. Но и на этом беды не закончились. Водитель порекомендовал сойти где-то в самой глуши, на пересечении шоссе с проселочной дорогой. Отсюда, мол, рукой подать. Только куда подать? Нигде никаких указателей, спросить не у кого. Одна отрада — свежий воздух и дивный весенний пейзаж, который еще не успело поджарить ужасное тосканское лето.

О том, каким тонизирующим может быть воздух, узнаешь, когда покидаешь Рим. Аргайл любил Рим, но все же нельзя отрицать, что запахи порой там витали отвратительные. А постоянный шум? О его существовании узнаешь, только когда он наконец прекращается. То же самое и пение птиц, которых здесь, кажется, еще не всех истребили.

Все это очень мило, но одним свежим сельским воздухом, как говорится, сыт не будешь. Аргайл мог пойти в двух направлениях: по шоссе или проселочной дороге, сворачивающей направо. Интуиция подсказывала ему выбрать проселок, но в таких делах она его обычно обманывала. Поэтому он пошел по шоссе. Миновав примерно полмили, остановился передохнуть. Оттягивала руку сумка, да и солнышко припекало. Хорошо, хоть весеннее. Ведь Аргайл, как всякий англичанин, тут же начинал плавиться, если температура воздуха становилась чуть выше умеренной.

Однако, местность по-прежнему была безлюдная. Что делать? Возвращаться глупо, идти вперед бессмыс-

ленно. А мобильным телефоном он по непонятным причинам до сих пор не обзавелся. Пришлось шагать дальше.

Аргайл дотащился до поворота, где обнаружил спасителя в облике высокого пожилого мужчины в костюме-тройке из ткани в тонкую полоску, он стоял у старого «фольксвагена», недоуменно заглядывая под передний капот.

Аргайл заговорил с ним по-итальянски.

— Ничего не понимаю, — задумчиво произнес тот по-английски, не оборачиваясь.

— Что вы сказали?

— Да вот, этот чертов автомобиль. Негодяи. Видите? Кто-то спер двигатель. Остановился всего на минутку, прихожу, а его нет. Неудивительно, что машина не хочет ехать.

Аргайл подошел. Действительно, двигателя не было.

— А может, он сзади?

— Что?

— Сзади. Там, где обычно.

Незнакомец перестал пялиться на капот, пригладил редкие седые волосы и повернулся к Аргайлу:

— Вы автомеханик?

— Нет. Но мою версию можно легко проверить.

Ошеломленный незнакомец обошел автомобиль и поднял задний капот.

— Боже! Поразительно! Да, да... — Он посмотрел на Аргайла. — Мне повезло встретить специалиста. В таком случае будьте добры, сделайте так, чтобы он поехал.

— Я не специалист.

— Но вы явно разбираетесь в подобных вещах.

— Едва ли...

— Ну хотя бы попробуйте.

Аргайл поступил так, как всегда, когда автомобиль отказывался двигаться дальше. Проверил наличие бензина, подергал проводки, убедился, не отсоединился ли какой. Все оказалось в порядке. Он включил зажигание, и двигатель послушно завелся с первой попытки, укрепив его репутацию крупного специалиста.

Владелец машины восхищенно смотрел, раскрыв рот.

— Я не буду спрашивать, как вам это удалось. Все равно ничего не пойму. Однако большое спасибо.

Аргайл вылез из машины.

— Мне нужна вилла «Буонатерра». Может, знаете, в какую сторону идти? Водитель автобуса говорил, что отсюда недалеко.

Владелец «фольксвагена» неожиданно помрачнел.

— Да, всего двести метров. Налево. — Он резко развернулся, сел в автомобиль и отъехал, не сказав больше ни слова. Через несколько секунд вдруг остановился и, дав задний ход, вернулся на прежнее место. Выглянул из окна. — Простите мою нелюбезность. Если вы вечером свободны, приходите в гости. Мой маленький коттедж всего в миле отсюда. Перед въездом в деревню.

До ворот действительно оказалось недалеко, но к самому зданию пришлось топать по подъездной до-

рожке еще полчаса. Впрочем, Аргайл уже был готов к испытаниям.

Усталый, он наконец остановился в прохладной тени между колоннами у дверей великолепного образца архитектуры эпохи Возрождения. Дернул дверной колокольчик. С обеих сторон гравиевую подъездную дорожку окаймляли покрытые лишайником статуи. Справа виднелся парк, разбитый в смешанном англо-итальянском стиле. Правильные геометрические формы, однако без намека на унылую строгость. Шелест листьев доносился даже сюда. Поистине «Буонатерра», подумал Аргайл, то есть хорошая земля. Если бы у него было много денег, он бы поселился именно в таком месте. И наполнил бы дом приятнейшими вещами, какие только можно найти. Впрочем, деньги потребовались бы огромные. В двадцатые годы, когда Стоунхаус покупал виллу, его соперниками были несколько музеев и горстка чудаков, таких же, как и он, готовых выложить приличные деньги за «мадонн» пятнадцатого века и прочее. Теперь на этом поприще конкурируют миллиардеры и международные корпорации. Трудно сказать, сколько предметов из коллекции Стоунхауса, когда-то находившихся в этих стенах, теперь спрятаны в темных банковских сейфах. Наверняка приличное количество.

А этот особняк, построенный для флорентийской знати, по странному капризу судьбы теперь принадлежал студентам, которые по вечерам на этих лужайках, наверное, бросают друг другу пластиковые диски.

Дверь отворилась, и меланхоличные размышления Аргайла прервал приятный голос с мягким выговором

американского юга. Через полчаса, устроившись и приняв душ, Аргайл снова встретился со своим гостеприимным хозяином-южанином. Его звали Джеймс Кершо.

— И сколько сейчас у вас здесь студентов? — спросил Джонатан, с любопытством оглядывая пустые коридоры.

Внутри ничто не напоминало учреждение. Он представлял, что его встретят шум голосов и запахи пищи. На дверях и стенах, окрашенных в обязательный голубовато-серый цвет, должны были красоваться многочисленные таблички. Ничего похожего.

— Пока ни одного, — ответил Кершо. — Перспектива провести несколько месяцев в тосканской глубинке наших студентов не привлекает. Почему — точно не знаю, но догадываюсь. Видимо, университетские преподаватели, приезжающие сюда каждый год, делают все возможное, чтобы отговорить студентов от поездки. Первоначальный замысел, — продолжил он, направляясь с Аргайлом на веранду в задней части особняка, где был накрыт стол, — как всегда, провалился в какую-то административную черную дыру. Виллу купил для университета один крупный меценат. Продать ее невозможно, такова воля дарителя. Объем курсов на кафедре итальянской культуры в последние годы сильно сократился, и теперь сюда приезжают только студенты, владеющие итальянским. Это выпускники, которых всего полдюжины в год. Да и те еще не прибыли.

— Значит, бо́льшую часть года вы живете, как мелкопоместный дворянин эпохи Возрождения.

— Именно так. Конечно, рано или поздно этому придет конец, но я намерен наслаждаться, сколько возможно. Хотите шампанского? Разумеется, оно не настоящее. Если мы начнем пить шампанское хотя бы раз в неделю (а нас здесь восемь человек), то определенно обратим на себя внимание.

Аргайл согласился, что в данных обстоятельствах сдержанность необходима.

— Рад, что познакомился с вами, — сказал Кершо. — Приятно поговорить со свежим человеком. Что вас конкретно интересует?

— Я пишу статью и в качестве центрального пункта намерен использовать коллекцию Стоунхауса. Конкретно меня интересует одна картина. У вас ведь есть все материалы относительно коллекции?

— Да. Но вы первый, кто о них спрашивает. У историков искусства коллекции двадцатого века, кажется, не являются самой горячей темой. Во всяком случае, пока. И о какой картине идет речь?

— «Мадонна». Мотив непорочного зачатия.

— Чья?

— Не знаю. Она была в коллекции виллы «Буонатерра».

— Понятно, понятно... Вы продаете картины?

Вопрос провокационный. Ученые и арт-дилеры уважают друг друга в одинаковой степени. Они вежливо кивают друг другу, улыбаются, но за всем этим скрывается презрение. Ученые убеждены, будто арт-дилеров интересуют лишь деньги, а дилеры считают ученых беспомощными чудаками. И это заблуждение непоколебимо.

— Ну что вы! — торопливо возразил Аргайл. — Я профессор университета в Риме. Кафедра истории искусств.

— Вы думаете, это неизвестный шедевр Джотто?

— Нет-нет. Картина, только фрагмент. Это статья для научно-популярного журнала. Взгляд на художественное коллекционирование как на своего рода искусство. Понимаете, коллекции создаются, распадаются, создаются вновь, все это имеет определенную эстетическую форму. Начать хотя бы с того, что Сулла присоединил к Риму Афины. Константин передал бо́льшую часть Римской империи Византии. Затем венецианцы захватили Византию, Наполеон захватил Венецию, а немцы Париж. Все это время художественные коллекции различным образом перераспределялись. А после войны огромное количество произведений искусства ушло в Америку. При этом постоянно менялась и ценность работ. В общем, что-то в этом роде.

Кершо усмехнулся. Его диссертация была посвящена «Характерным формам и наличию взаимосвязи между смысловыми каркасами в венецианских фресках позднего Возрождения».

— Но на данный момент у меня мало материала, — признался Аргайл. — Надеюсь, накопаю что-нибудь здесь.

— Давайте вначале закончим обед, — предложил Кершо. — Потом вы отдохнете, мы попьем на балконе кофе и примемся за работу. У вас есть какие-нибудь планы на вечер?

— Вообще-то меня пригласил выпить один старикашка, я помог ему завести машину. По выговору вроде англичанин. Мне показалось, он отставной военный. Слегка чокнутый.

— Старый «фольксваген»?

— Да. Вы его знаете?

— Это Роберт Стоунхаус.

Аргайл вскинул брови.

— После продажи виллы, — объяснил Кершо, — он поселился неподалеку в неплохом коттедже. С миллионерскими замашками ему пришлось расстаться, но денег у него по-прежнему больше, чем вы и я когда-либо видели в своей жизни. Нас он недолюбливает. Приглашение поступило до или после того, как он выяснил, куда вы направляетесь?

— После.

— Видимо, вы ему чем-то приглянулись. Обычно одного упоминания о вилле достаточно, чтобы испортить Стоунхаусу настроение. Он до сих пор не примирился с разорением. Кстати, расспросите его об этой картине. Наверняка он что-нибудь знает.

7

Как только стало известно, что Боттандо начал что-то вынюхивать, узнав от Флавии об ограблении музея, она поняла: он собрался выступить со своим коронным номером. «Мы, конечно, старики, но и наш опыт может иногда пригодиться». Если бы все было как обычно, она бы побаловала его. Подождала, пока генерал что-нибудь раскопает, а затем зайдет к ней с довольным видом и, как фокусник, вытащит подарок из шляпы. Она бы сделала вид, будто очень удивлена и бесконечно благодарна. Но сейчас приходилось спешить. Уж больно тухлым казалось дело.

Флавия ему позвонила:

— Зачем вы взяли из архива досье?

Она ожидала услышать веселый, бодрый голос, однако Боттандо был чем-то расстроен.

— Хотел сделать тебе сюрприз, — ответил он. — Не получилось. Приезжай, пообедаем вместе. Я подготовил тебе кое-какую информацию для размышления.

Обедать совсем не хотелось — желудок по-прежнему вел себя неспокойно, — но Флавия сознавала, что для Боттандо этот процесс имеет большое значение, и согласилась. В конце концов, с салатом и минеральной водой она справится.

— Все решили шоколадные конфеты, — сказал Боттандо, когда они устроились за столиком и сделали заказ. — Сколько тебе лет, дорогая?

Флавия насупилась. Старик, как обычно, начинает издалека. Впрочем, ладно. Если он выдаст что-нибудь полезное, с этим можно примириться.

— Тридцать шесть.

— Неужели? Да-да, я знал, просто запамятовал. Извини. Да и не в том дело.

Флавия нахмурилась. Тон у Боттандо был таким же, как у ее матери. Порой это раздражало. Кроме того, часы тикали, время шло.

— Я уверена, — проговорила она со вздохом, — что дело не в том.

Боттандо откашлялся и поспешно добавил:

— Мне просто хотелось выяснить, насколько хорошо ты помнишь семидесятые годы.

Да, это будет долгая песня.

— Наверное, достаточно хорошо. И что?

— Маурицио Саббатини. Как? Зазвенел колокольчик?

— Нет.

— Правильно. Он никогда не был широко известен, потому что его дела ни разу не дошли до суда. И тем не менее этот человек в те времена являлся активным участником движения левых экстремистов и участвовал в террористических акциях, направленных на свержение капитализма. Ты, несомненно, помнишь те дела.

Флавия терпеливо кивнула. Принесли еду. Боттандо начал с аппетитом есть. Флавия ткнула пару раз вилкой. Через несколько минут не выдержала, спросила:

— Ну и что дальше?

— Конечно, конечно, — отозвался Боттандо, вытирая с губ следы трюфельного соуса. — В октябре тысяча девятьсот семьдесят девятого года — я недавно читал досье, потому указываю точную дату — он совершает ограбление банка в Турине. Один. Потому что, кажется, никогда никому не доверяет. Ограбление весьма необычное. Он в маске, размахивая пистолетом, кладет людей на пол, заставляет выдать деньги. А затем эффектно разбрасывает их по залу, декламирует стихи о грядущей революции и угощает всех шоколадными конфетами. После чего раскланивается и уходит.

Боттандо замолчал, пока официантка убирала тарелки. Потом наполнил бокалы.

— Шоколадные конфеты, — подала голос Флавия.

— И маска. Тогда папы римского. Парень не лишен чувства юмора. В полиции его номинально числили террористом, но в акциях самых опасных группировок он участия не принимал. Знал всех, но находил их пафосную одержимость скучной. Они, в свою очередь, считали его слишком эксцентричным, капризным. В общем, не заслуживающим доверия. Но в любом случае подобные выходки едва ли могли быть

оставлены без внимания. Однако перед судом он так ни разу не предстал.

— Странно.

— Да. Но в досье об этом ни слова.

— И вскоре он становится музейным грабителем со слабостью к итальянским пейзажистам семнадцатого века?

— Нет. Он становится художником. Авангардистом. Создает перформансы.

Пренебрежительный тон Боттандо не удивил Флавию. Таковы его художественные вкусы. Если похищали какую-нибудь картину, написанную после 1850 года, он обычно восклицал: «Туда ей и дорога!»

— Особенно успешным Саббатини не стал, — продолжил генерал. — Тяжеловесный, жесткий стиль с уклоном в социальную критику в наши циничные времена воспринимается немного фальшивым. В галереи его пустили скорее из ностальгии, чем из-за серьезного отношения к тому, что он делал. Чудак, не более. Те, кто тратил на него деньги, были одного с ним поколения. И покровительствовать террористу, пусть даже не первой молодости, у нас по-прежнему в некоторых кругах считается престижным. Так вот, досье на него неполное, ведь ко всем серьезным акциям он имел косвенное отношение. Но типаж для твоего фигуранта подходящий. Работает один, эксцентричен, любитель создавать пародии на преступления, надевает маски великих и, наконец, шоколадные конфеты. Плюс не очень удачная карьера художника и возможность получить большие деньги.

Флавия кивнула. Несомненно, информация ценная.

— Я собирался копать дальше, а потом преподнести тебе на тарелочке, — произнес Боттандо почему-то с досадой. — Думал, это будет моей лебединой песней. И поверь, даже и не помышлял, чтобы приписать себе какие-то заслуги. Финальный бросок перед уходом в отставку. Но к сожалению... в общем, я решил позвонить премьеру. Сказал, что беру всю ответственность на себя. Хотел оградить тебя от неприятностей, но Сабауда был непреклонен. Я убеждал его, что я... вернее, мы... если хоть чуть-чуть повезет, вполне способны вернуть картину без всякого выкупа. В ответ он строго предписал и мне, и тебе не вести никакого расследования. Заплатите деньги, получите картину и забудьте. Сабауда дал ясно понять, что любая самодеятельность будет наказана. Я думаю, он как огня боится огласки.

— Хм-м...

— Вот именно, — согласился Боттандо.

— Саббатини, разумеется, скрылся.

— А как же. Вряд ли ты его застанешь дома.

— Но почему вы мне сразу не рассказали?

Боттандо опустил голову.

— Ты права, дорогая. Мне, конечно, следовало тебе все рассказать. Хотя разве это имеет значение?

Флавия грустно усмехнулась:

— Наверное, нет. Просто в последнее время получается так, что я обо всем узнаю позднее всех.

— Теперь нам остается лишь найти деньги и выкупить картину.

Она тяжело вздохнула и поведала генералу о том, что произошло утром.

— Значит, у тебя в кабинете стоит чемодан с тремя миллионами долларов?

— В сейфе. И не чемодан, а картонная коробка.

— Чьи это деньги?

— Неизвестно. Очевидно, их прислал кто-то близкий к премьер-министру. Больше никаких версий у меня нет.

— Когда обмен?

— Думаю, через пару дней.

— Этим займусь я.

Она хотела возразить, но генерал твердо заявил:

— Флавия, так будет лучше. В случае неудачи обвинят не тебя, а меня. Обмен назначай на пятницу.

— Почему на пятницу?

— В пятницу я официально ухожу в отставку. Осторожность не помешает. Даже если дело провалится, отобрать у меня пенсию они не смогут.

8

Тем временем Аргайл наслаждался жизнью на природе, в благодатной атмосфере Тосканы.

Отдохнув, он нехотя направился в библиотеку, где очень квалифицированная служащая уже приготовила для него материалы по Стоунхаусу. Занял стол у раскрытой двери и начал читать.

В такой обстановке, когда в нагретом воздухе лениво жужжат ранние пчелы и щебечут птички, это оказалось непросто. Много легче было бы откинуться на спинку кресла и наблюдать за ними. А мысли пусть неторопливо плывут, как пушистые облака по небу. Аргайл постоянно отвлекался, следя за облаками, уделяя им больше внимания, чем они заслуживали. Но потом заставлял себя углубляться в скучное содержание желтовато-коричневой папки. Материала для статьи оказалось достаточно. Спасибо библиотекарше и ее копировальной машине. Кое-что удалось узнать и о картине.

Действительно, «Непорочное зачатие». Конец пятнадцатого века, масло по дереву. Предыстория неизвестна. Внезапно появилась в Лондоне, куда Стоунхаус вернулся в сороковом году, в начале войны. Он купил ее. Фамилия дилера не указана. Скудность информации не удивляла Аргайла. Только некоторые знаменитые картины имеют историю, простирающуюся в глубь веков. Ситуация осложнялась тем, что аукционеры не были склонны что-либо прояснять.

В итоге Стоунхаус купил картину за сорок гиней. Даже тогда это были скромные деньги. Пришло время, и он перевез ее на свою виллу в Тоскане. Привел в порядок — прилагался чек на сто двадцать пять лир, — и поместил в спальне на втором этаже, где она провисела до шестьдесят шестого года. Затем уже младший Стоунхаус, разорившись, отправил ее в Лондон и выставил на продажу вместе с остальными картинами. Продажу сопровождал небольшой скандал, что пошло на пользу. Скандалы всегда повышают цену. Газетные вырезки свидетельствовали, что на аукцион была выставлена самая большая в новейшей истории Италии коллекция, вывезенная контрабандой.

Одно дело — вывезти из страны без разрешения одну картину и совсем другое — сто двадцать четыре. Младший Стоунхаус настаивал (вполне справедливо), что почти все картины были куплены в Лондоне, и он просто вернул их обратно. Итальянцы, в свою очередь, настаивали (также вполне справедливо), что это картины итальянских художников, и потому необходимо разрешение на вывоз. Конфликт улажива-

ли шесть месяцев, в папке хранилось множество документов, которые, к счастью, Аргайла совершенно не интересовали.

К сожалению, пока у него создавалось впечатление, что эту картину к шедеврам причислить не удастся, несмотря на то что написана она в пятнадцатом веке. Он был разочарован, но не удивлен. В реестре коллекции Стоунхауса ее данные были такими же, как в аукционном каталоге. В прежние времена она не выставлялась вместе со всеми картинами, а висела в небольшой спальне в компании с еще двумя полотнами. Пастельным портретом бабушки коллекционера работы одного малоизвестного, забытого сейчас шотландского художника эпохи Эдуарда (слева) и гравюрой времен Французской революции, изображавшей казнь Марии Антуанетты (справа). Что из этого следовало? Видимо, Стоунхаус представлял свою бабушку частично как деву Марию, а частично — как королеву Франции.

«Хватит мучиться, — сказал себе Аргайл. — Иди лучше прогуляйся немного по парку, а потом приляг, вздремни несколько часов перед визитом к младшему Стоунхаусу. Ночью хорошенько выспись (это уж, как положено), а утром отправишься домой».

Одним из редких преимуществ профессии искусствоведа была возможность распоряжаться временем по своему усмотрению, ведь, в конце концов, что-то должно компенсировать низкий заработок.

План был выполнен с незначительным отклонением. Аргайл отложил отдых в постели на пять минут, безуспешно пытаясь дозвониться до Флавии. Ровно в

шесть он медленно двинулся к коттеджу Роберта Стоунхауса, который оказался впечатляюще солидным. Очевидно, Стоунхаус не окончательно разорился. Достаточно было посмотреть на узорчатый мраморный пол в холле, сохранявший приятную прохладу.

Хозяин засуетился. Принялся извиняться за свою неучтивость утром, затем — за невозможность предложить нечто большее, чем выпивку.

— Понимаете, за хозяйством в доме присматривает женщина из деревни. Готовит, убирает, стирает. В общем, все. Сегодня почему-то не пришла. Наверное, захворала. Она ведь старенькая. Я так к ней привык. Вот возьмет и умрет — как тогда жить? Не могу, знаете ли, никак привыкнуть к современной жизни.

— Найдете себе кухарку. Разве это трудно?

— Невероятно. Я отношусь к кулинарии, как к своего рода искусству. Хотя, что повара, что художники, они по сути просто вульгарные ремесленники. Вот вы встречали когда-нибудь художника-интеллектуала? Которого были бы рады принимать в своем доме? Конечно, нет.

— Должно быть, вы выросли в окружении художников, и они вам чем-то сильно досадили.

— Ни в коей мере. Однажды мой отец допустил ошибку, пригласив хулигана Модильяни, но потом быстро выпроводил. Бесстыдник пытался соблазнить мою маму. Но это случилось до моего появления на свет.

— Ужасно, — согласился Аргайл.

— И требовал, чтобы ему заплатили за портрет, — добавил старик, продолжая негодовать.

— У вас есть портрет матери работы Модильяни?

— Нет. Отец вынес его в сад и сжег. Невелика потеря.

— Да... — протянул Аргайл, пытаясь вспомнить, за сколько миллионов в последний раз была продана работа Модильяни.

— Мистер Аргайл, в жизни существует нечто большее, чем деньги. Представьте мои чувства, если бы я знал, что в каком-то американском музее висит портрет моей матери совершенно без одежды.

— Я вас понимаю, — произнес Аргайл, подумав, что можно было бы задать несколько бестактных вопросов. Например, как получилось, что его мама вдруг сняла с себя одежду? — Спешу воспользоваться вашим любезным приглашением, — сказал он, меняя тему, — чтобы расспросить об одной картине, которая имелась в вашей коллекции. Сегодня на вилле «Буонатерра» я просмотрел все архивные документы, но ничего полезного не обнаружил.

При упоминании своего прежнего жилища Стоунхаус собирался по привычке возмутиться, но решил сделать исключение.

— Рад буду помочь, если смогу.

— Картина называется «Непорочное зачатие».

Стоунхаус наморщил лоб.

— Небольшая, — с надеждой в голосе продолжил Аргайл. — Писана маслом на доске. Предположительно флорентийская школа. Часто на аукционах не выставлялась. Висела у вас в спальне. Вероятно, вы назвали ее просто «Мадонна».

— Да, теперь я вспомнил. Вы говорите о картине, которую однажды у нас украли.

— Неужели? — Сердце Аргайла екнуло. Он всегда настораживался, когда слова «картина» и «украдена» возникали в одном контексте.

— Очень странная история, — пояснил Стоунхаус. — Детали мне неизвестны, потому что приехал к самому концу. В общем, кто-то заметил, что картина исчезла. Отец позвонил в полицию, ее нашли, причем довольно быстро. Вот и все.

— И кто ее украл?

— Это осталось невыясненным. Очевидно, в полиции что-то знали, но фамилию вора нам не назвали.

— А почему вы решили, что в полиции знали личность вора?

— Потому что они отыскали ее в полумиле от дома. Валялась в канаве. Объяснение такое: злоумышленник, видимо, намеревался украсть другую картину, поэтому, обнаружив ошибку, поспешил от нее избавиться. Выбросил в канаву.

— И что вам здесь не нравится?

— Доска, на которой написана картина, была в относительно приличном состоянии, но старая, ноздреватая. Накануне прошел дождь. Если она действительно валялась в канаве, то это было бы заметно. Обязательно. А когда картину вернули, там отсутствовали какие-либо повреждения. Даже самые незначительные. Отец был уверен, что ее все время держали в помещении. Но тогда нам это было безразлично. Главное, картина возвращена. И не следовало настораживать стра-

ховую компанию, которая могла повысить величину взноса, если бы ей стало известно о похищении картины. К тому же, думаю, отец знал похитителя.

— Знал лично?

— Вернее, не самого похитителя, а заказчика. Вы когда-нибудь слышали об Этторе Финци?

— Нет.

Стоунхаус усмехнулся:

— Молодой человек, будь мой отец сейчас жив, ему было бы приятно это слышать, ведь Финци являлся его основным конкурентом в покупке картин. Сражение между ними длилось тридцать лет. Прослышав, что мой отец собирается купить какую-то картину, Финци сразу устремлялся наперерез. Если для этого надо ехать в Лондон, он бросал все дела и ехал. Это соперничество, естественно, взвинчивало цену. Финци ненавидел моего отца, а тот, в свою очередь, питал к нему не менее сильное презрение.

— Почему?

— Они были совершенно разными людьми. Отец, унаследовавший крупное состояние, вел спокойный, размеренный образ жизни, а Финци, добившийся всего сам, находился в состоянии постоянной озабоченности. Разное происхождение, воспитание, даже национальность, различное отношение к искусству. Для Финци художественная коллекция была средством укрепления положения в обществе. Отец неизменно торжествовал, если ему удавалось купить картину подешевле, а Финци очень радовался, заплатив втридорога. Вот такие они были разные.

— А эта картина зачем ему понадобилась?

— Потому что однажды он опозорился, не сумев сменить шину в автомобиле.

— Не понял.

— Отец рассказал мне эту историю, когда украли картину. Дело было так: не знаю, кто первый услышал о ее продаже, но вскоре они оба устремились в галерею. Отец примчался первым, поскольку «роллс-ройс» Финци проколол шину, и тот, бедный, не знал, как сменить колесо. Полмили ему пришлось идти пешком, и к тому времени, когда он прибыл в галерею, запыхавшийся и, как всегда, возбужденный, отец уже купил картину по дешевке. Через несколько дней об этом знал весь Рим, а Финци смертельно обиделся.

— В каком году это случилось? — спросил Аргайл. — В сороковом?

— Думаю, в тридцать девятом.

— Уверены, что не позже?

— Да. Отец покинул Италию в конце тридцать девятого, а Финци немного позднее.

— В связи с чем?

Стоунхаус озадаченно посмотрел на Аргайла:

— Ему-то как раз следовало в первую очередь, ведь Финци был еврей. Не понимаю, почему он медлил. В Англии они помирились. Поначалу Финци было очень трудно, и отец даже ссудил его деньгами, но окончательно заделать трещину в отношениях не удалось.

— А в каком году украли картину?

— В шестьдесят втором.

— И все годы Финци точил на нее зуб?

— Такой уж он человек, — со вздохом проговорил Стоунхаус. — Финци был очень старый и больной. Чувствовал, что жизнь на исходе.

— Против него имелись какие-нибудь улики?

— Конечно, нет. Но это не имеет значения. Отец не стал бы предпринимать никаких шагов. Финци доживал последние месяцы, он умер в следующем году. Подозреваю, его добила неудача с похищением картины.

«Вот, пожалуйста, — подумал Аргайл, — прекрасный материал для статьи о психологии коллекционирования. Соперничество между мужчинами — всегда мужчинами, потому что женщин-коллекционеров в истории практически не было, — толкает их к таким крайностям, как чистый криминал. Можно смешать в определенных пропорциях историю, фрейдизм и искусствоведение. Вдруг что-то и получится».

— Значит, личность похитителя не установили?

— Нет. Кроме отца, в доме находились студентка и несколько его приятелей, знатоков искусства. Почти все они теперь переселились в мир иной. Только Буловиус подзадержался. Но наверное, не очень надолго. Сейчас ему около девяноста лет.

Аргайл слышал о Танкреде Буловиусе, одном из выдающихся гибридов коллекционера и ученого, каких в настоящее время в мире осталось меньше, чем пальцев на руке. Великолепный энциклопедист, знаток искусства, блиставший в сороковые и пятидесятые годы. Скорее всего человек неприятный, самоуверенный, но знания все окупали. Жаль, сегодня таких нет.

Аргайл вздохнул.

— Если вы с ним не знакомы, — произнес Стоунхаус, — то поторопитесь. Он долго на этом свете не задержится. Не могу сказать, что он мне нравился. Любил читать нравоучения молодым. И был большой ходок по женской части. Если где-нибудь в радиусе четырех миль появлялась хорошенькая женщина, Буловиус сразу делал стойку. Думаю, он немного успокоился, лишь перешагнув восьмидесятилетний рубеж.

— Этого я не знал, — заметил Аргайл.

— Что вы, Буловиус был редкостный бабник! Из тех, кто не принимает отказов. Он так достал тогда эту бедную студентку, что она в конце концов сбежала. Насколько я помню, она была замужем, но подобные мелочи Буловиуса никогда не останавливали. — Стоунхаус замолчал. — А почему вас заинтересовала эта картина?

— Она висит в гостиной моего друга, — ответил Аргайл. — Я решил проследить ее родословную, обнаружив сзади метку вашего отца и вот приехал разузнать. Надеюсь, мой друг владеет не краденой картиной?

— Нет-нет. Нам ее вернули. И после я продал картину вместе с остальными.

— Мне бы, конечно, хотелось узнать подробнее о похищении. Знаете, эффектные детали украшают родословную.

Стоунхаус задумался.

— Тут я вам помочь не могу. Из свидетелей события сейчас, наверное, осталась только та девушка...

— Как ее звали?

— Не помню! Она пробыла у нас всего несколько дней. У нее дом в Поджио-ди-Аморетта, неподалеку отсюда.

Близко от того места, где вы сегодня утром сошли с автобуса. В курсе дела был полицейский следователь...

— Может, вспомните фамилию? — с надеждой промолвил Аргайл.

— Балесто. Я вспомнил потому, что недавно прочитал в газете некролог.

— Так-так...

— Ну и Буловиус, разумеется. Который жив. Пока.

— А полицейские? Сколько их было?

Стоунхаус опять надолго задумался.

— Двое. Один постарше, тупой и толстый. Все фамильярничал с отцом. Надеялся, я думаю, что он пригласит его на ужин. Другой был молодой, долговязый, худощавый, с длинными волосами. Помню, я гадал, как он с ними управляется.

— А фамилии? Может, вы их запомнили?

Стоунхаус отрицательно покачал головой:

— Нет. Но полагаю, вы найдете их в отцовских бумагах на вилле. Молодой полицейский дал несколько ценных советов относительно ее охраны. Это было нужно для страховой компании. Посмотрите, там есть его записка. Да и другие материалы о краже тоже.

Больше из Стоунхауса вытянуть было нечего, и Аргайл завел разговор о коллекции его отца, о том, каково это было — после войны переехать из Англии в Тоскану, где лучше учиться — там или здесь. Они поболтали немного, выпили еще бутылку вина, после чего Аргайл ушел.

Утром перед отъездом он зашел в библиотеку и снова просмотрел папку с материалами о коллекции Сто-

унхауса. Краткий отчет о расследовании похищения картины, в котором было изложено примерно то, что он вчера услышал от Роберта Стоунхауса, подписал полицейский. Тот самый, нашедший картину, молодой, высокий, худощавый, с длинными волосами. Звали его Таддео Боттандо.

9

— Длинноволосый, значит, и долговязый? — удивилась Флавия. — А фотография? Там была какая-нибудь фотография?

— Откуда? Я думаю, это было его первое дело, связанное с кражей картины.

— Надо же! Обязательно спрошу при первой встрече.

— И я тоже. Может, удастся узнать что-нибудь о картине.

Его отсутствие явно пошло жене на пользу. Давно уже она не была такой веселой и улыбчивой.

— Дорогая, что случилось? — спросил Аргайл.

— Наконец-то дело сдвинулось, — призналась Флавия. — Меня ведь больше всего мучила неопределенность. Да еще чертов желудок.

— Полегчало?

— Мутит иногда. Но это не так важно. Главное, совсем скоро я получу картину в обмен на деньги. А потом начну как следует разбираться.

— Неужели?

— Да. Он назначил свидание в полночь, на Аппиевой дороге. Как всегда театрально. Боттандо предложил сопровождать. Он поведет машину. Предвкушаю волнующую встречу.

— Слишком волнующую. Не считаешь ли ты, что это опасно?

Флавия пожала плечами:

— Нет. Саббатини получит деньги, а больше ему ничего не надо. К тому же он обычно работает один и не склонен применять насилие.

— Ты говорила, он террорист.

— Не настоящий. Пистолеты у него исполняют музыку Верди.

— А если сейчас он прихватит с собой какой-нибудь не музыкальный?

Она развела руками.

— Флавия, я серьезно.

— Я тоже. Очень хочется поскорее с этим разделаться. Сотрудников я взять с собой не могу, они не должны ни о чем догадываться. Свидание отложить нельзя, даже если бы на это имелась серьезная причина. — Она посмотрела на мужа. — Джонатан, не беспокойся, со мной будет Боттандо.

— Не забывай, что ему шестьдесят пять, — буркнул Аргайл. — И он ужасно растолстел. Что он сделает, если Саббатини, например, захочет взять тебя в заложницы? Начнет сражение? А если преступник будет не один? Пожалуйста, позволь мне поехать с тобой.

— Нет.

— Флавия...

— Ни в коем случае. Я понимаю, ты беспокоишься, ну и беспокойся потихоньку. — Она чмокнула Аргайла в щеку, взяла плащ и открыла входную дверь. — Я недолго. Обещаю.

— Вот видишь, я тебе говорила! — весело воскликнула Флавия через четыре часа, влетая в квартиру.

Это были самые длинные четыре часа в жизни Аргайла. Было почти два. Он постоянно ходил по комнате и стонал, воображая всевозможные ужасы.

— Почему ты не позвонила?

— Извини, сел аккумулятор. Как всегда забыла зарядить. — О, Джонатан... Джонатан... — Флавия бросилась ему на шею.

— Я не знал, что и думать... — недовольно пробормотал он.

— Сейчас я тебе все расскажу. — Она сбросила плащ. — В общем, и рассказывать особенно нечего. Все прошло как по маслу.

Аргайл усмехнулся:

— Да, этот случай можно поместить в учебнике.

Он потянул Флавию за руку и усадил рядом с собой на диван. Через секунду она встала, налила себе виски, добавила содовой. За льдом на кухню решила не ходить: не хотелось оставлять мужа одного.

— Так вот, мы встретились с Боттандо и в без десяти двенадцать были уже у мавзолея Иродиады. Ты знаешь это место.

Аргайл кивнул.

— Большой, круглый, рядом никаких строений. Машины нигде видно не было, значит, он притопал туда пешком. — Она глотнула из стакана. — Потом мы заспорили.

— Кто?

— Я и Боттандо. Он потребовал, чтобы я осталась в машине. Говорил, что женщине идти на встречу с бандитом опасно. Выступал примерно как ты. Я не соглашалась. Затем он заявил, что официально по-прежнему числится моим начальником, поэтому приказывает мне подчиниться и позволить ему совершить обмен. Я упорствовала. Тогда Боттандо пустил в ход свое главное оружие. Мол, это последняя в его жизни полицейская операция, и он просто не может отсиживаться в машине.

— Хороший довод, — заметил Аргайл.

— В общем, он меня уломал.

— И что?

— И все. Боттандо схватил сумку с деньгами и скрылся в темноте, а через несколько минут вернулся назад с картиной Клода Лоррена. Целый и невредимый. Преступник находился там. Все прошло по-деловому. Они не произнесли ни слова. Боттандо сказал, что приятно иметь дело с такими корректными похитителями, как синьор Саббатини.

— А как он определил, что это был Саббатини?

Флавия пожала плечами:

— А кто же еще? Боттандо сообщил, что тот натянул на лицо лыжную шапочку, но комплекция вроде соответствовала описанию. Честно говоря, в данный

момент мне все это безразлично. Мы вернули картину. Предотвращен международный скандал.

— Ты уверена?

— Да. — Флавия улыбнулась. — Я предупредила Маккиоли, чтобы он ждал, и мы сразу отправились в музей. Директор ходил взад-вперед по кабинету, я думаю, примерно как ты. Взял картину трясущимися руками, очень внимательно осмотрел. Все было в порядке. Она подлинная. Метки на задней стороне холста, читаемые в ультрафиолетовых лучах, места, где произведена реставрация, и так далее — все на месте.

— Ты довольна.

— Очень. Премьер-министр тоже. Нет, он не был в диком восторге, но поблагодарил, а это уже кое-что значит. Неприятно лишь то, что он приказал не трогать Саббатини.

— Почему?

Флавия грустно усмехнулась:

— Тогда придется обнародовать факт похищения картины, что крайне нежелательно.

— Итак, он вышел сухим из воды. Счастливчик. Или умник.

— Пожалуй, и то, и другое. Но я постараюсь максимально усложнить ему жизнь. Если он когда-нибудь поставит машину в неположенном месте, пусть пеняет на себя. — Она улыбнулась.

— Ну что ж, поздравляю, — сказал Аргайл, — ты закончила очень важное дело. А о картине с Боттандо удалось поговорить?

— Разве я могла в тот момент думать о какой-то иной картине? Спрошу позднее. А теперь — в постель, в постель, в постель... Я так устала, что просто валюсь с ног.

Прошло несколько дней. Жизнь вернулась в почти нормальное состояние. Почти, потому что маятник качнулся в другую сторону. Все было тихо, мирно, ничего не происходило. Аргайл прочитал последнюю лекцию, начались каникулы, пора было серьезно браться за подготовку доклада. Флавия сидела почти без дела, видимо, все похитители картин в Италии устроили себе каникулы. Сотрудники отдела успешно выполняли рутинную работу, а Флавии оставалось навести порядок в столе да ходить по коридорам власти, выбивая кое-какие средства.

В должности ее пока не утвердили, но она старалась об этом не думать, потому что здесь от нее все равно ничего не зависело.

Флавия наслаждалась весной. С Боттандо они больше не встречались, он занимался оформлением отставки. Генерал позвонил, попрощался, сказал, что наконец-то уходит на заслуженный отдых и намерен обосноваться в одном тихом местечке. Спокойно так сказал, без эмоций, словно не было тридцати лет напряженной работы.

Флавия была разочарована. Довольна, конечно, что он не переживает, но и немного расстроена. Неужели и с ней будет вот так же? Придет время, и она настолько пресытится этой работой, что без всякого сожаления расстанется со всеми друзьями и коллегами? Кроме того, Флавия всегда считала, что у нее с генералом особые отноше-

ния. Он мог бы попрощаться с ней должным образом, а не ограничиваться телефонным звонком.

Но надо торопиться наслаждаться антрактом. Торопиться, поскольку она знала, что он не продлится долго. Рано или поздно что-нибудь произойдет. И произошло, причем раньше, а не позже. Началось все с небольшого облачка на горизонте, ставшего предвестником жестокого урагана.

В одной газете появилась небольшая статейка, в которой сообщалось, что художник-авангардист найден мертвым на собственной выставке. Событие не бог весть какой важности, но в стране установился временный застой, и журналисту, очевидно, было не о чем писать. Вот он и принялся изгаляться. Юмор порой выходил у него далеко за рамки дурновкусия.

В заметке было сказано, что некий художник, Маурицио Саббатини, ухитрился утонуть в чане с алебастром, где сидел, создавая перформанс под названием «Еще раз к вопросу о Помпеях». Своеобразный парафраз на тему археологических раскопок древнего римского города, где тела горожан навечно застыли в позах, в которых их настигла смерть. В аннотации к перформансу указывалось, что это протест художника, недовольного тем, как бездушная наука превращает человеческую трагедию в музейный экспонат. Голый Саббатини погружался по горло в жидкий алебастр и сидел, устремив невидящий взор в пространство. Посетители могли застать его спящим или заунывно поющим неаполитанские песенки. Предполагалось, что все это символизирует быстротечность жизни и неизменность искусства.

Впрочем, публика не понимала, что это все означало. Один художник, тоже практикующий перформансы, заметил, что в этом и заключалась слабость (фатальная, как потом оказалось) Саббатини как творца. Его перформансы были такими туманными, что их никто не понимал. В тот день Саббатини был пьяный (еще одна его слабость). Он сел в чан, но, перед тем как алебастр начал твердеть, погрузился туда с головой. Никто из публики ничего странного не заметил. Администрация галереи очухалась (этот факт особенно веселил журналиста), когда иссяк запас фирменных шоколадных конфет, которыми Саббатини угощал посетителей выставки. О том, что он в чане, догадалась уборщица. Позвонили в полицию. Тело художника пришлось извлекать с помощью отбойного молотка. Данный факт журналист счел очень забавным и долго его смаковал, забыв даже упомянуть, какого же числа великий художник умер.

Флавия прочитала заметку еще раз, и когда удовлетворение от того, что злодея все же настигла Божья кара, уступило место рассудительности, сообразила, что где-то там, в его жилище, должна лежать огромная куча денег, и надо поторопиться, прежде чем ее кто-нибудь обнаружит. Не то чтобы она совсем не доверяла коллегам, просто хотелось избежать ненужных объяснений.

С покойниками работать легко. Они не станут возмущаться, когда вам вздумается покопаться в их имуществе. Получить разрешение коллег на обыск квартиры Саббатини было делом очень тонким, ведь афера с картиной Клода Лоррена была строго засекречена. Но у Флавии уже имелся большой опыт отделываться туманными намеками на некие нити в расследовании сложного ограбления и подслащивать пилюли обещаниями объяснить все позднее.

На улаживание этого вопроса ушло все утро После обеда Флавия вызвала к себе стажера Коррадо: она решила взять его с собой. С образовательными целями.

— Вы помните гипотетическое дело, над которым работали несколько недель назад? — спросила она в машине. — Так вот, гипотетическим оно не было.

— Я не сомневался, — ответил развитый не по годам молодой человек.

— Да. Картина была настоящая, и похищение тоже. Сейчас мы отправимся в квартиру к преступнику.

— Предстоит задержание?

Флавия быстро прояснила ситуацию. Реакция Коррадо была более чем сдержанной.

— Бедняга, — произнес он. — И какую же он похитил картину? Ценную?

— Сама точно не знаю. Впрочем, не важно. Она уже на месте.

Коррадо даже бровью не повел.

— Так вот, — продолжила Флавия, — в квартире этого человека мы поищем что-нибудь полезное. Дневники, записи, телефонные счета... В свое время он участвовал в движении левых экстремистов и наверняка знаком с конспирацией. Так что я не ожидаю никаких открытий. Но никогда не знаешь, где повезет. Мне представляется, он должен быть беден, как церковная крыса, и последние двадцать лет жить впроголодь. Ведь

сидение в чане с алебастром никак нельзя назвать прибыльным занятием.

Стоило Флавии сделать это замечание, как автомобиль въехал в один из самых фешенебельных кварталов района Париоли. Ей не понравилось, что стажер засомневается в ее дедуктивных способностях.

— Вы уверены, что мы прибыли туда, куда надо? — спросила она недовольным тоном водителя.

— Да, — бросил он с еще большим недовольством. Впрочем, удивляться не приходилось. Водитель был известный грубиян.

Квартира, где жил измученный нищетой бывший революционер, оказалась просто роскошной. Современная обстановка, дорогая мебель, картины, среди которых был даже, кажется, подлинный Шагал. В ходе осмотра обнаружились гардеробы с одеждой от самых дорогих модельеров, холодильник, набитый деликатесами и достаточным количеством шампанского, чтобы в один присест напоить террористов всего мира. Полы в комнатах покрывали изысканные персидские ковры.

— Видимо, он все же имел какое-то прибыльное занятие, — тихо заметил Коррадо. — Какой ему заплатили выкуп?

— А кто говорил насчет выкупа?

— Не знаю... мне показалось...

Флавия кивнула:

— Вы правы, он действительно получил выкуп. Но думаю, это все не оттуда. — Она постояла перед подписанной Уорхолом литографией знаменитой банки с

супом, затем рассмеялась. — Вот вам, молодой человек, прекрасный пример того, как опасно делать поспешные выводы.

Коррадо заулыбался. Открытость Флавии подкупала. За это ее и любили подчиненные. Заменить Ботандо было невозможно, но ей это удалось.

— Итак, — сказала она, повеселев, — вы поройтесь в ящиках — записи, фотографии и прочее, а я попробую опросить соседей.

Главным было отыскать кого-то, кто очень сильно не любит того, кем вы интересуетесь. Симпатия в таких делах плохой помощник. Даже среди богатых, где дружеские взаимоотношения большая редкость, вы не найдете охотников распространяться насчет соседей, к которым они испытывают симпатию. «К сожалению, мне ничего о нем (о ней, о них) не известно». Сколько раз подобные фразы заводили в тупик расследования даже тяжких преступлений. Однако напряженные отношения между соседями развязывают язык.

Увы, у Саббатини не было привычки включать музыку на полную громкость в два часа ночи, он не баловался наркотиками, не мусорил на лестничной площадке. После опроса пятерых соседей выяснилось, что он жил как самый добропорядочный римский буржуа. Неожиданно повезло в шестой квартире, когда Флавия уже отчаялась. Здесь соседка имела на Саббатини огромнейший зуб. Из-за парковки.

Из-за чего, как вы думаете, разгораются самые большие страсти? Из-за политики, религии, может, шума или грязи, недостойного поведения? Ничего

подобного. Больше всего конфликтов между соседями возникает из-за места стоянки автомобиля. Алессандра Маркезе вела непрекращающуюся войну с Саббатини уже целых шесть месяцев. Если ее место было свободно, то он обязательно ставил туда свою машину, зная, что это ее место, и зная, что его место в это время тоже не занято.

— Он делал это намеренно, чтобы досадить мне. Ужасно, ужасно. — Возмущению синьоры Маркезе не было предела. На ее лице проступили красные пятна. Она поправила дрожащими руками прическу. — Я жаловалась в домоуправление, но они, конечно, оказались бессильны что-либо сделать. Потому что у него нужные связи...

Флавия сочувственно кивала. Женщина была очень противная — глупая, самоуверенная, преисполненная важности, но в данной ситуации — просто настоящий клад.

— Расскажите мне об этом человеке подробнее, — нерешительно попросила она.

Через полчаса Флавия имела достаточно четкий портрет Маурицио Саббатини. Некоторые детали, несомненно, были преувеличены, кое-что выдумано, однако синьора Маркезе сообщила весьма ценную информацию. Она заметила в соседе такое, на что обычно живущие рядом не обращают внимания. Потому что каждая встреча, да что там встреча, каждый раз, когда синьора Маркезе слышала голос Саббатини или ощущала в лифте запах его одеколона, она застывала на месте и потом несколько часов больше ни о чем не могла думать.

Синьора надолго выезжала в город, в основном за покупками, так что длительного наблюдения обеспечить не могла, но и того, что сделала, было вполне достаточно. Очищая ее рассказ от шелухи злобы и мстительности, Флавия увидела человека, который, не считая склонности к растворам алебастра и чужим местам автостоянки, жил тихой, совершенно неяркой жизнью. Вставал поздно и, судя по всему, нигде не работал. Синьора Маркезе вела похожее существование и потому не находила это странным. Флавия спросила, откуда у Саббатини деньги. В ответ синьора пожала плечами:

— Родственники.

Универсальное объяснение, ничего не объясняющее.

Иногда к соседу заходили мужчины, очевидно, приятели. Очень редко. Никаких девушек, и мальчиков тоже. Всю последнюю неделю он отсутствовал, хотя в эту среду в квартире кто-то находился. Синьора слышала стук и шарканье, будто там передвигали мебель.

— Вы говорите, он был художник? — Синьору Маркезе это сообщение шокировало. Она, конечно, подозревала его в ужасных грехах, но чтобы такое... — Тогда он занимался этим где-то еще.

Здесь Маурицио Саббатини знали лишь как праздного богача, который коротал дни, тыкаясь туда-сюда, не задумываясь тратил деньги на все, что понравится, и не делал никому ничего плохого. Кроме, разумеется, синьоры Маркезе.

Коррадо тоже времени зря не терял и собрал достаточно информации, чтобы дополнить картину. Главное открытие: на банковский счет Саббатини ежемесячно

поступала значительная сумма. Переписка с адвокатской конторой указывала, откуда приходили деньги.

Превосходно, теперь все нужно обдумать. Флавия отправила Коррадо на такси поговорить с судмедэкспертом, а сама поехала в мастерскую Саббатини.

Видимо, она никогда не будет выглядеть солидной в глазах подчиненных. Потому что разве это ее дело копаться в грязи? А в мастерской Саббатини в небольшом полуразвалившемся гараже, построенном лет двадцать назад, наверняка без разрешения, как все остальные, грязи было по колено. Повсюду насыпан алебастр, понаставлены отвратительные скульптуры из старых консервных банок и домашнего хлама, стены увешены дурацкими картинами. Саббатини как художник, оказывается, был бездарным дилетантом. К этому выводу Флавия пришла буквально через несколько минут. Но ей удалось обнаружить здесь одну вещь, которая оправдала поездку. Нового она ничего не узнала, зато подтвердились предположения.

В ящике стола лежала дешевая книжечка карманного формата. «Метаморфозы» Овидия. Разумеется, это ничего не доказывало, но все же. Ведь, вероятно, именно отсюда Клод Лоррен заимствовал сюжет своей картины, а Саббатини, прочитав об этом, вдохновился на ее похищение. Он мертв, и ни о каком судебном процессе речи быть не могло, но Флавия вдруг представила выражение лица судьи, если бы она сказала, что подоплека преступления основана на содержании одного из фрагментов данной книги. Теперь стало окончательно ясно, что она

двигается в нужном направлении, и надежда на возвращение денег существует. Ей было трудно отогнать мысль, что оно может ускорить утверждение ее в должности начальника отдела.

Приехав на работу, Флавия сразу вызвала Коррадо. Он впервые побывал в морге. Удовольствия, разумеется, не получил, зато ознакомился с протоколом вскрытия.

Ничего примечательного. В организме обнаружено много алкоголя. Смерть наступила в результате утопления. Никаких признаков насилия. Но свидетельства, исключающие насилие, также отсутствовали.

Флавия рассеянно кивнула, продолжая жевать бутерброд с ветчиной.

— Время смерти зафиксировано? Или они, как обычно, ничего определенного утверждать не могут?

— Самое позднее — утро среды, — ответил Коррадо, — или вечер вторника.

Она перестала жевать.

— Что?

— Вечер вторника — утро среды, — повторил стажер. — А почему вас это удивляет?

Флавия поспешно его отпустила, поблагодарив за помощь. Не станет же она делиться с Коррадо шокирующей новостью. Оказывается, когда выплачивался выкуп, Саббатини был мертв. А скорее всего он был мертв еще до того, как поступило требование о выкупе.

10

Но если Саббатини в истории с выкупом не участвовал, зачем с ним дальше разбираться? Характер у Флавии был упрямый, и она привыкла все доводить до конца. Флавия потащилась в адвокатскую фирму, которая много лет перечисляла деньги Саббатини, заранее зная, что это ничего не даст. К тому же не прекращались неприятности с желудком. Наверное, там уже образовалось несколько страшных язв.

Развязать язык адвокату было не легко, но ей удалось. Помогли служебное удостоверение и не в меньшей степени плохое настроение, а также отсутствие желания церемониться. То, что Флавия услышала, снова все невероятно усложнило.

— Да... интересно, — задумчиво протянула она. Адвокат промолчал, поскольку был с ней полностью согласен.

Ну что, пора возвращаться в управление? Жаль, Боттандо больше нет под рукой, не с кем посовето-

ваться. А поддержка ей сейчас очень необходима, ведь на горизонте возник не кто-нибудь, а сам Ди Ланна.

Это был не только самый богатый человек в Италии, но и влиятельный. Последние несколько лет именно его партия формировала правительство. Никто не знал, что означает название «Партия демократического прогресса», левой или правой она ориентации, но ее влияние на политическую жизнь страны было огромно. Ди Ланна контролировал значительную часть итальянской промышленности и финансового капитала через обширную группу холдинговых компаний. О его могуществе ходили легенды.

И вот выясняется: ныне покойный бывший террорист и похититель картины состоял с этим человеком в родстве.

Ди Ланна являлся членом палаты депутатов, и Флавия рискнула направиться туда, хотя обнаружить его в будний день в своем кабинете надежды было мало. В период между сессиями депутаты такого калибра появлялись здесь лишь по особым случаям, чтобы предстать перед телевизионными камерами. Она вошла в приемную. Странно, место секретаря пустовало, никакой охраны, помощников, снующих туда-сюда, посетителей, суматохи, обозначающей присутствие в кабинете важной персоны. На двери — небольшая табличка, прикрепленная поверх другой, более помпезной, объявляющей, что прежде здесь сидел лидер партии христианских демократов. Флавия была убеждена, что в кабинете нико-

го нет, но все же решила постучать, потому что открывать дверь без стука казалось неприличным.

И тут свершилось чудо: дверь ей открыл сам Ди Ланна. Немыслимо. Назовите хотя бы одного серьезного итальянского политика, который способен на подобное. В том-то и дело, что таких нет. Не может серьезный политик вдруг вот так подняться со своего кресла и открыть посетителю дверь. Ведь это будет означать, что он не такой уж серьезный. А вот Ди Ланна, кажется, не испугался упасть в ее глазах. Он улыбнулся Флавии и вежливо кивнул на кресло. Ясно, изображает простого человека, обозначает свою левизну, подумала она. Или это так называемая американская простота свободного раскованного бизнесмена. Не может такое поведение быть искренним.

— Что-то вы рано, — промолвил он.

— Вы так считаете? — удивилась Флавия.

— Да. Ведь я назначил вам после четырех. Впрочем, если пришли, давайте займемся делом. Но не ожидайте, что я расскажу что-нибудь интересное.

— А я как раз на это надеялась, — сказала она.

Ди Ланна откинул голову и рассмеялся:

— Садитесь, садитесь. Как вас зовут?

Он занял свое место за столом и внимательно посмотрел на Флавию. Его глаза озорно блеснули. Позднее, размышляя об этой встрече, Флавия решила, что именно озорным блеском Ди Ланна ей сразу очень понравился. Ни у кого из «нормальных» политиков таких глаз просто быть не может. Преобладание твида в одежде предполагало намек на английский стиль, однако все остальное — прическа, манера сидеть, двигать руками — свидетельствовало о простоте и демократичности, что необыкновенно подкупало любого собеседника.

— И кто же я, по-вашему? — спросила Флавия.

— Журналистка? Пришли выпытывать, когда я собираюсь сменить кабинет министров?

Флавия протянула ему удостоверение. Ди Ланна не выказал удивления.

— Я хочу уточнить, — произнесла Флавия, — в вашем кабинете можно вести конфиденциальные разговоры?

Он взглянул ей в лицо.

— По средам утром я обнаруживаю здесь «жучок» или два и сразу убираю. Они это знают, но продолжают ставить. Не потому, что ожидают услышать что-либо интересное, просто извещают, что я под наблюдением. Но в данный момент здесь чисто.

— А кто они?

Ди Ланна пожал плечами:

— Понятия не имею. Видимо, какие-то темные государственные структуры. Ладно, лучше расскажите, почему мной заинтересовалось управление по борьбе с кражами произведений искусства?

— Вы можете иметь отношение к одной из краж. Я предполагаю, что это вы на прошлой неделе прислали мне три миллиона долларов для выплаты выкупа.

Ди Ланна усмехнулся, давая понять, что прислать кому-то три миллиона долларов — дело для него пустяковое. Что скорее всего так и есть.

— Странно. Меня заверили, что никакого расследования не будет.

— Можете быть спокойны, официально расследование не ведется. Я пришла сюда, поскольку возникли определенные проблемы, связанные с гибелью вашего родственника.

Упоминание Саббатини не вызвало на лице Ди Ланцы ни смятения, ни печали.

— А мне казалось, — сказал он, — это снимает все проблемы.

— Наоборот. Дело в том, что, когда позвонили насчет выкупа, он скорее всего был уже мертв. Это означает, что у Саббатини был сообщник, у которого сейчас эти деньги, или кто-нибудь другой намеренно использовал его стиль игры, чтобы сбить нас с толку.

Ди Ланна внимательно слушал.

— Предположим, я не единственная, кто знает о вашей родственной связи, — продолжила Флавия. — В таком случае следует предположить и вероятность того, что трюк был нацелен на вас.

Он качнулся несколько раз в кресле. Очередной американизм, подумала Флавия.

— Думаю, вы правы. Если об этом станет известно, то моей репутации будет нанесен ущерб.

— Да, — согласилась Флавия. — Человек, получивший ваши деньги, знает все о похищении картины и выкупе. И у него есть доказательства. Вы бы желали, чтобы средства массовой информации раструбили, что из музея похищена картина, сохранность которой гарантировал сам премьер-министр Италии, и которая была возвращена незаконным способом при вашем содействии?

— Разумеется, нет.

— Именно поэтому я пришла к вам. Все-таки неплохо выяснить, кто за всем этим стоит. Тогда уменьшится вероятность неприятного сюрприза, что однажды утром вы раскроете газету, а там...

Ди Ланна кивнул:

— Мудро. Вообще-то я чувствовал, что этот мерзавец так или иначе обязательно сделает мне какую-нибудь гадость.

— Вы с ним часто встречались?

— Нет. Я не видел его почти двадцать лет. Даже не разговаривал по телефону. Для меня этот человек просто не существовал. Он предатель.

— Зачем же вы присылали ему деньги?

Ди Ланна вопросительно вскинул брови.

— Я была в адвокатской фирме, перечислявшей ему ежемесячное содержание.

— Это деньги его отца, они находятся в доверительном управлении. Я изрядно потратился на адвокатов, чтобы ограничить сумму выплат, и кое-что удалось. Но все равно средств у него было достаточно. Поэтому я очень удивился, узнав, что он решился на грабеж. До сих пор не понимаю, зачем ему это понадобилось. Он обладал одним хорошим качеством, очевидно, единственным, — ему было наплевать на деньги. Если они у него были, он их тратил. Если нет — ему было безразлично.

— Но сейчас получается так, что это похищение к деньгам отношения не имеет.

Ди Ланна пожал плечами.

— У него были какие-то друзья, приятели? — спросила Флавия.

— Тут я вам не помощник. — Ди Ланна помрачнел. — Лучше покопайтесь в полицейском досье. Что касается меня, то я об этом негодяе знать ничего не желаю.

— Чем же он так перед вами провинился? Подумаешь, однажды по-шутовски ограбил банк.

— При чем здесь это, синьора? Его кривляния меня совершенно не трогали. Он виновен в гибели моей жены. Своей сестры.

— Извините, — произнесла Флавия после непродолжительного молчания. — Я этого не знала.

— Маурицио водил дружбу с теми людьми, и, естественно, они знали все о его родственниках. Ему нравилось изображать революционера, но он не хотел, чтобы кто-то забывал, что он происходит из богатой и влиятельной семьи. Может, таким способом Маурицио бунтовал против своего отца, сильного человека, который имел диктаторские замашки, желал, чтобы все было только, как он сказал. Отец души не чаял в своей дочери, а к сыну относился прохладно. А те люди доверяли Маурицио не более, чем он им. Они держали его за шута и, конечно, пользовались его деньгами. А когда надумали провернуть эту акцию, использовали его на сто процентов. Выпытали все о родственниках. Главным образом их интересовала сестра. Он рассказал им, какой у нее распорядок дня, какие магазины она посещает и прочее. — Ди Ланна на несколько секунд замолчал, затем произнес сдавленно: — Синьора, никого в жизни я так не любил. Мы были женаты

всего восемнадцать месяцев. Ее похитили, потребовали выкуп. Деньги были готовы — я заплатил бы много больше, — но вмешалась полиция. Они вычислили место, где, по их мнению, террористы держали мою жену. Окружили дом, потом начался штурм со стрельбой. Всех террористов уничтожили, но Марии там не оказалось. Ее нашли на следующий день на холме Яниколо рядом со статуей, с простреленной головой. Марии было всего двадцать четыре года. Я обезумел от горя. Ее отец слег и после этого не оправился. Двадцать пятого мая тысяча девятьсот восемьдесят первого года. Это день, когда закончилась моя жизнь.

— Странно, но я ничего не слышала о той трагедии, — промолвила Флавия.

— Неудивительно, — отозвался Ди Ланна. — Она нигде не зафиксирована. Власти решили — и мы согласились — не способствовать популярности террористов. Они явно рассчитывали, что поднимется шум. Тело жены забрали, прежде чем пресса что-либо пронюхала. Официально объявили, что она погибла в автомобильной катастрофе. Люди так и не узнали истинной причины. От этого было еще больнее, но... Я в этом и сейчас уверен. — Он устало развел руками. — До сих пор не могу с этим смириться и, наверное, никогда не смирюсь. И уж определенно никогда ему не прощу. Так что, пожалуйста, не спрашивайте меня о нем.

— Извините, я не знала, — повторила Флавия.

— Как вы могли знать? — Ди Ланна качнулся в кресле. — Министром внутренних дел тогда был Сабауда, нынешний премьер-министр. Он первый сообщил мне

горестную весть. Постарался утешить. — Он усмехнулся. — От меня все ждут, когда я его сменю. Но разве я могу ответить черной неблагодарностью человеку, поддержавшему меня в столь тяжелый период? Открыто заявить об этом нельзя. Если бы стало известно, что я поддерживаю его из благодарности, это повредило бы моей репутации как политика. Поэтому приходится говорить о поддержании стабильности в обществе, единстве рядов партии и прочем. Однако считается, будто я выжидаю подходящий момент, чтобы всадить ему в спину кинжал.

Флавия внутренне поежилась. Насколько все проще с обычными преступниками. В конце концов, там хотя бы знаешь, чего от них ждать.

— Что же все-таки замышлял Саббатини?

Ди Ланна поморщился:

— Какая разница. Картина возвращена, он наконец-то умер. И это прекрасно. Пусть сгниет. За такое удовольствие не жаль и трех миллионов.

Он взял со стола фотографию в рамке и протянул Флавии. В объектив улыбалась молодая женщина с букетом белых цветов. От фотографии уже веяло историей.

— Красивая, — произнесла Флавия.

— Не то слово. К сожалению, мы не успели завести детей. В ребенке она бы продолжила свое существование. Но тот бандит лишил нас и этого.

— Извините.

Ди Ланна с видимым усилием взял себя в руки.

— Почему вы дали деньги на выкуп? — спросила Флавия.

— Чтобы помочь премьер-министру Сабауде. Он рассказал мне, кто похитил картину, — не знаю, откуда это стало ему известно, — и я сразу предложил помощь. К тому же я чувствовал определенную ответственность. Как-никак, но Маурицио все же был моим родственником. Сабауда очень беспокоился, что история получит огласку. А с финансовой точки зрения для меня это небольшая потеря. — Он посмотрел на часы. — Извините, синьора, но у меня через полчаса назначена встреча в другом конце города.

Флавия встала.

— Конечно. Я и так отняла у вас много времени.

— Все в порядке. — Ди Ланна улыбнулся. — И что вы теперь собираетесь делать?

— Похожу вокруг на цыпочках, посмотрю. Может, удастся выйти на получателя выкупа. Хотелось бы также узнать, что было на уме у Саббатини.

— Мой вам совет: оставьте все как есть. Копать совершенно бессмысленно. Мою жену похоронили, не обнародовав причины гибели. Пусть и тайна Маурицио уйдет вместе с ним. Лучшего он не заслуживает. К тому же никакой благодарности вы ни от кого не дождетесь.

В последней фразе Флавия ощутила смутную угрозу, но решила, что, видимо, ей почудилось.

11

Аргайл сознавал, что картина, висевшая в гостиной генерала Боттандо, не простая. В ней что-то было. Он запрещал себе думать о ней. Не получалось. Никто, конечно, его не торопил, но это превосходная причина, чтобы отвлечься. Особенно теперь, когда Флавия целыми днями занята. Аргайл всегда хватался за любую такую причину. Удобную, неудобную — не важно. Лишь бы отвлечься, не усаживаться за стол и не начинать сосредоточенно водить пером по бумаге. Порой на него накатывал почти физический зуд. Аргайл ощущал острую необходимость вскочить, походить, что-то сделать. Например, проверить детали, подтвердить факты.

Картина — превосходный повод. Настолько превосходный, что Аргайл заранее знал: любые его попытки сопротивляться будут сметены. Статья о художественном коллекционировании как произведении искусства может подождать.

Вообще-то он уже начал. Написал первое предложение. «Художественное коллекционирование имеет долгую историю, но, насколько мне известно, никогда не рассматривалось с эстетической точки зрения, как самостоятельный объект творчества. В данной работе я намерен...»

Хорошее начало, подумал Аргайл, откинувшись на спинку кресла и снова прочитав написанное. Очень точно намечен путь исследования. Но каким бы хорошим ни было начало, важно, чтобы и дальше все шло так же. Снижение накала, ложный пафос, глупая напыщенность или сентиментальность были бы катастрофой. Решив, что второе предложение должно быть не менее ярким, он отложил ручку и погрузился в долгие размышления о том, как этого достигнуть. А размышлял он лучше всего на ходу. Прогулка себя оправдывала, только если он в это время чем-нибудь занимался.

В процессе размышлений мысли Аргайла непроизвольно переключились на картину. «Ну что такого, если я отвлекусь, — подумал он, — всего на полчаса? Ничего не случится». Постепенно ему удалось себя убедить, что перерыв — самый лучший способ работы над статьей, и он начал соображать, как подобраться к англичанину, Танкреду Буловиусу, единственному, кто еще мог поведать ему о событиях, разыгравшихся в шестьдесят втором году на вилле «Буонатерра». Особого энтузиазма побеседовать с ним Аргайл не испытывал, и, если бы альтернативой этому не было возвращение к работе над статьей, он, возможно, отказался бы от своего намерения. Общение с «великими стариками» удовольствия не до-

ставляло. Гонор, высокомерие, завышенная самооценка, стремление унизить оппонента, особенно если он моложе, — вот далеко не полный перечень «прелестей», которые ждали вас при встрече.

Но выхода не было. Либо Буловиус, либо работа над статьей. Поколебавшись еще немного, Аргайл набрал номер и задержал дыхание. А через час уже ехал к последнему крупному знатоку титанов итальянского Возрождения. Наверное, следовало назначить встречу на завтра или на следующую неделю, но тогда пришлось бы садиться за статью. Кроме того, убеждал себя Аргайл, Буловиусу по меньшей мере девяносто два года. А дела с человеком в таком возрасте откладывать опасно. Даже на час. Он может отдать концы в любую минуту. К тому же Аргайлу показалось, Буловиус обрадовался его звонку.

Как же это ему удалось? — удивлялся Аргайл, разглядывая жилище старика. Просто повезло родиться в те времена, когда фунт стерлингов гигантом возвышался над другими валютами, и скромные по английским меркам средства позволяли ему жить как grand seineur* почти всюду в Европе. Накануне войны Буловиусу удалось отхватить piano nobile** в красивом палаццо в двух шагах от пьяцца Навона, и он продолжал им владеть и по сей день, хотя жил тут всего несколько месяцев в году. И городские власти не взимали с него никакой арендной платы. Несправедливо.

* Знатный человек, крупный землевладелец (*фр.*).

** Главный этаж большого дома с великолепными гостиными (*ит.*).

Правда, палаццо дряхлый. Оконные рамы наполовину сгнили и могли выпасть в любую минуту, канализация была в ужасном состоянии, и вообще последний ремонт здесь, похоже, делали во времена папского правления в Риме.

Да, комфорта в палаццо «Аньело» было маловато, зато элегантности — хоть отбавляй. Зимой здесь холодно, ведь система отопления давно пришла в негодность, но сейчас, весной, в конце дня, Аргайл не замечал никаких недостатков, кроме факта, что старинная римская аристократия не любила свежий воздух — в палаццо не было ни балконов, ни террас, — потому что загорелая кожа тогда считалась признаком плебейства. Любой знатный римлянин скорее бы умер, чем позволил своей коже перестать отдавать нездоровой белизной.

Времена изменились, а дворцы остались прежними. Буловиус принял Аргайла в большом салоне, погруженном в полумрак. Так что глазам пришлось привыкать почти десять минут. Он едва различал экспонаты знаменитой коллекции Буловиуса, висевшие на стенах. Они оказались не такими уж интересными, поскольку бо́льшую часть коллекции давно уже тайком переправили в Англию, где у Буловиуса был дом — не столь величественный, зато более удобный для проживания — на Куин-Эннс-гейт. Там коллекция ожидала смерти владельца, после чего, согласно договору, который Буловиус заключил с английским правительством, она будет передана Национальной галерее в обмен за отмену налога на наследство на остальную часть его состояния. Аргайл, правда, подозревал, что прави-

тельство не станет слишком серьезно относиться к этому соглашению.

Усаживаясь напротив старика, Аргайл подумал, что Национальной галерее следовало бы начать интенсивную подготовку к приему наследства, освободить один или два зала, поскольку Буловиус долго не протянет. Он выглядел как живой мертвец. Маленький седой старец, высохший и сморщенный, с дрожащими руками и непрерывно слезящимися глазами, сидел, сгорбившись в кресле, укутавшись в толстый шотландский плед, хотя в комнате было тепло.

Буловиус заговорил, и Аргайл обомлел. Он услышал не слабенький дрожащий голосок умирающего, а твердый рокочущий баритон:

— Итак, молодой человек, расскажите, что привело вас ко мне?

— Я пришел посоветоваться с вами... — произнес Аргайл после непродолжительной паузы.

— Пойдите посмотрите, есть ли кто-нибудь в прихожей! — нетерпеливо прервал его Буловиус.

— Никого, — сообщил Аргайл, вернувшись через несколько секунд.

— Тогда прикройте плотнее дверь и живо к буфету. Вон там. Бутылку. Несите ее сюда.

Встревоженный Аргайл ринулся искать бутылочку с лекарством, без которого старик мог умереть прямо при нем, но ничего не нашел. Буловиус недовольно скрипнул зубами.

— Виски, старина. Там должна быть бутылка с виски.

— Тут ничего нет.

— Чертова старуха... Наверное, нашла.

— Кто?

— Кто-кто... Экономка. Не унимается, прячет от меня виски. Говорит, это вредно. Я и без нее знаю, что вредно, но сейчас-то какая разница. — Он посмотрел на Аргайла. — Так, живо на кухню. Бутылка должна быть там.

— А что, если она не позволит взять?

— Старуха ушла. Быстрее же, быстрее. И для себя тоже принесите бокал.

Аргайл не стал медлить. Действительно, в таком возрасте бессмысленно заботиться о том, что полезно, а что вредно. Минут десять он шастал по огромной квартире в поисках кухни, и не меньше времени ушло на то, чтобы обшарить шкафы.

— Где вы были? — строго спросил старик. — Я за это время мог бы умереть от старости. — Он налил себе и Аргайлу. Выпил. Его глаза повеселели. — Чего вы так смотрите? Шутка. Представьте, я еще могу шутить. Ха-ха-ха. Мне девяносто три. Не скажешь по мне, верно? Ха-ха-ха.

— А...

— Как по-вашему, на сколько я выгляжу? Ха-ха-ха. Да-да, вы правы. Я могу отойти в мир иной прямо при вас. И что вы тогда будете делать?

— Не знаю, — произнес Аргайл. — Такого со мной никогда не случалось.

— Можно взять что-нибудь ценное и потихоньку уйти.

— Что?

— На вашем месте я взял бы вон тот рисунок. — Буловиус показал на небольшой эскиз над камином, Аргайл с трудом его увидел. — Идите посмотрите. Правда, стоящая вещь?

«Ах вот оно что, — подумал Аргайл, — старый хрыч решил устроить мне маленький экзамен. У них ведь не принято спрашивать о родителях, образовании, роде занятий. Нет, они любители тестировать незнакомца на предмет, сумеет ли он определить руку мастера. Правильно идентифицировать художника».

Что ж, никуда не денешься, придется принять вызов. Аргайл неохотно поднялся с кресла, подошел, снял рисунок со стены, поднес к окну, чтобы лучше рассмотреть. Рисунок действительно старый, в чудесной рамке десять на десять сантиметров. Мускулистый мужчина, напрягшийся в момент броска. На рисунке изображен лишь торс. Линии твердые, изящная штриховка нанесена экономно. Все очень красиво, но...

Как люди распознают руку того или иного художника, Аргайл не знал, хотя много лет зарабатывал этим себе на жизнь. Такое нельзя выразить словами, в том числе и на жаргоне профессионалов. Тут присутствовало нечто иррациональное, зависящее от личности эксперта, не имеющее ничего общего ни с дедукцией, ни с интеллектом.

Сейчас Аргайл был на девяносто девять процентов уверен, что перед ним эскиз работы Кастильоне*. Частично на это указывала поза, она смутно напомнила позу на картине, которую он когда-то видел в Ферраре, частично — характерная манера рисунка. И тушь тоже, с коричневым оттенком, напоминающим засохшую кровь. Но все же процент сомнения оставался. Почему? А потому что это слишком похоже на Кастильоне. Манера, в какой был выполнен рисунок, характерна для более крупных работ мастера, и Аргайл интуитивно позволил одному проценту пересилить остальные девяносто девять.

— Думаю, это копия. Чудесная, но копия. — От волнения у него подрагивал голос. Он знал, что это всего лишь глупая игра, но, подняв перчатку, не желал сдаваться. — Выполнена учеником мастера. Скорее всего при его жизни.

Это было частью игры. Не упоминать фамилию художника, о котором идет речь. Что считалось как бы само собой разумеющимся. Ведь только дилетанта могут волновать столь очевидные детали. Это все равно что констатировать, что рисунок выполнен тушью.

— Если уж брать, то, пожалуй, вон тот. — Аргайл указал на небольшой этюд маслом рядом с бюро. — Мне всегда нравился Бамбоччио*.

Инстинкт его не подвел. Экзамен сдан. Это было заметно по легкому разочарованию, которое не сумел скрыть Буловиус, очевидно, уже приготовившийся торжествовать. Мол, беда с этим молодым по-

* Кастильоне Джованни Бенедетто (1616—1670) — итальянский художник, разработал новую технику в создании гравюр и эстампов.

* Бамбоччио (Попрыгунчик) — такое прозвище получил в Италии нидерландский художник Питер ван Лаар (1592—1642), изображавший предметы и сцены обыденной жизни в комической форме.

колением, нет у них глáза. Умелые, несомненно, подкованы в теории, но нет глáза, а без этого все остальное чепуха. А вот Аргайл не только был подкован в теории, но и умел видеть.

Разумеется, похвалы он от Буловиуса не дождался.

— В таком случае, — сухо произнес старик, — повесьте на место. Не держите на солнце, а то выцветет. А после расскажете, что вам надо.

— Роберт Стоунхаус, — начал Аргайл. — В тысяча девятьсот шестьдесят втором году вы гостили у него несколько недель.

— Наверное, гостил, если вы так говорите, — пожал плечами Буловиус. — Это было так давно. Я уже ничего не помню.

— Тогда еще украли картину. А потом она обнаружилась в канаве. Вора так и не нашли, почему картину украли, тоже осталось неизвестным. Может, вы что-нибудь вспомните?

Аргайл не надеялся вытянуть из старика что-нибудь полезное, но тот продолжал его удивлять. Если было возможно одновременно смутиться, приятно удивиться и разозлиться, то Буловиус был близок именно к такому состоянию.

— Чего вы хотите? Признания? Хорошо, я признаюсь. Что вам еще нужно, чтобы я сказал?

Аргайл оторопело смотрел на старика.

— Это было глупо, я знаю. Временное помешательство, вызванное раздражением. Думаю, вы осознаете, что я никогда ничего подобного не делал. Ни до, ни после. Каждая вещь, какой я владею, — картина, бронза, гравюра, рисунок — получена честным путем. У меня есть все квитанции, счета, подтверждающие...

— Так это вы ее украли? — вырвалось у Аргайла. Он понял, что все логические построения, сделанные им в последние несколько дней, оказались ошибочными. Видимо, это было посложнее, чем идентифицировать руку того или иного мастера.

— Да, да, я! И, как вам уже известно, добровольно ее не отдал.

— Хм... — Аргайл замолчал, сбитый с толку неожиданным оборотом дела. — И почему вы так поступили?

— Потому что этот варвар Стоунхаус совсем ее не ценил. Он и не догадывался, болван, что это такое. И способ, каким он ее добыл, также достоин презрения.

— Почему же? Я слышал, Стоунхаус опередил Финци, но разве за это нужно презирать? Таковы правила игры.

— О чем вы говорите? — раздраженно бросил Буловиус.

— Не знаю, — ответил Аргайл, — так рассказал мне его сын. По его версии, отец купил картину в Риме в тридцать девятом году. Я считаю, что это могло быть в сороковом, но он настаивает, что именно в тридцать девятом.

— Нет, нет и нет. Чушь. Он лжет или как попугай повторяет то, что сообщил ему отец. Картину купил Финци, вернее, их было две, масло на доске. Действительно в Риме. У Стоунхауса никогда не хватило бы смекалки их заметить. Он так и не удосужился разыс-

кать третью часть. Ужасно, что этот триптих из церкви Сан-Пьетро-Гатолия во Флоренции разделили.

Услышав, что картин было две, Аргайл приуныл. Он надеялся, что жизнь станет проще, а она усложнилась.

— Значит, две картины?

— Как вы можете вообразить, у Финци возникли известные трудности с выездом из Италии. Бóльшая часть его состояния ушла на взятки, как и многие из картин. В Лондон он прибыл почти без денег. Кое-какие полотна все же удалось вывезти, совсем немного. Стоунхаус предложил ему денег под залог этих картин. После войны, когда Финци снова встал на ноги, Стоунхаус отказался их вернуть, заявив, что они были куплены. Это был ужасный удар. Прекрасная коллекция пошла по рукам. Позднее Финци собрал новую, но она не смогла заменить первую.

— Стоунхаус мне рассказывал по-иному.

— Финци был самородок. Любил живопись, а глаз... я больше никого с таким глазом не знал. А ведь он был бизнесмен, выискивал и покупал лишь настоящие жемчужины. А какой был добрый! Меня, студента без единого пенни за душой — я жил тогда в Риме, — нанял привести в порядок коллекцию и платил жалованье, пока я не нашел настоящую работу. Потом сделал распорядителем своего завещания. Я имею в виду картины, которые не ушли в Национальную галерею.

Теперь понятно, откуда это все, подумал Аргайл.

— А Стоунхаус — неприятный человек. Денег своих он сам не заработал и цену им не знал. Только силу. Покупал мусор. Все хорошие картины в его коллекции

попали туда случайно. Вы когда-нибудь слышали историю о картине Модильяни?

— Знаю только, что он ее уничтожил.

— Очень характерно для этого человека. Его жена почти открыто спала с художником, и он этому помешать не мог, потому что был трусом. И вдруг рассвирепел, когда Модильяни изобразил ее обнаженной. Для него главным было: что подумают люди.

— Эта картина, что была украдена...

— Финци инстинктивно понял, что это такое. А я сумел бы доказать, если бы поработал с ней какое-то время. Впрочем, начало было положено. Я изучил этюды, которые висят в Уффици, идентифицировал гравюру Пассаротти, но ничего не опубликовал. Не имел ни желания, ни возможности, поскольку этот мошенник Беренсон выдал ему фальшивый сертификат. В виде шутки. Беренсон прекрасно знал, что это такое, но скорее бы умер, чем сообщил ему. А Стоунхаус был начисто лишен чувства юмора и, естественно, не догадывался, что его дурачат. Когда я увидел, где она висит, то не смог совладать с собой. Это было неслыханное надругательство. Если бы она была моей, я бы убрал из комнаты все остальные картины. Повесил её одну, в самом лучшем месте. А этот олух всунул такое сокровище в какую-то задрипанную спальню в окружении мусора.

Перед Аргайлом стояла трудная задача. Людям свойственно недооценивать значение информации при покупке произведений искусства. Преимущество тут не за владельцем картины, а за тем, кто располагает исчерпывающей информацией о ней. Буловиус знал это не хуже

Аргайла. Это укоренилось в нем настолько глубоко, что он просто так свою тайну не раскроет. Ему, видимо, было известно, кто автор картины, и Аргайлу предстояло каким-то образом это из него вытянуть.

— Что же там все-таки произошло? Я понял так, что желание взять картину возникло у вас сразу после приезда на виллу, хотя о ее существовании в коллекции Стоунхауса вы знали ранее...

— Да не так все было! — запальчиво выкрикнул Буловиус. — За кого вы меня принимаете? Естественно, я знал, что она там. Финци неоднократно о ней вспоминал, и мне не терпелось ее увидеть. Можете представить, что со мной творилось, когда ни в одном из главных залов картины не оказалось. Финци никогда не предполагал, что Стоунхаус завладел ею, только чтобы досадить ему. Если бы он ее любил, это еще можно было бы простить.

Аргайл мысленно выругался. Казалось, еще чуть-чуть, и старик проговорится.

— Когда я наконец заметил ее, втиснутую между каким-то дерьмовым портретом и такой же гравюрой, то просто пришел в ужас. И решил преподать ему урок, хотя очень рисковал.

— Вы ее стащили.

Буловиус тяжело вздохнул:

— Стащил. И к своему удивлению, обнаружил, что воровство — весьма увлекательное занятие. Так восхитительно встать ночью, прокрасться в спальню, снять со стены картину. Конечно, я очень нервничал, однако впечатление получил незабываемое.

— И где вы ее спрятали?

— О, тут я дал маху. Все надо было продумать заранее, но я так долго набирался смелости, что даже не дал себе труда поразмышлять над тем, что с ней делать дальше. У меня хватило воображения лишь на то, чтобы сунуть ее под огромный диван в гостиной. Там не подметали уже много лет. Засовывая туда картину, я так чихал, что чуть не разбудил весь дом. На следующий день немного испугался, увидев, что на диване сидит полицейский.

— А как картина оказалась в канаве?

— Не знаю. Дело в том, что потом ее у меня тоже украли. Картину нашел молодой полицейский, но рядом с ним суетилась эта Верней. Я наблюдал за ними из окна.

Аргайл постарался ничем не выдать волнения, хотя факт, что в деле замешана Мэри Верней, его ошеломил.

— Какая Верней? — спросил он, симулируя отсутствие интереса.

— Студентка. Симпатичная девушка, хотя, на мой вкус, немного нахальная. И чересчур умная, если вы поняли, что я имею в виду. Мне не понравилось также, что она сразу начала заводить шашни с этим полицейским. Вообще-то я запомнил ее только потому, что у нас был общий знакомый дилер, мой приятель.

— Как понять «завела шашни с полицейским»?

Буловиус сдавленно рассмеялся и заговорщицки подмигнул Аргайлу:

— А так, что она с ним кокетничала самым неприличным образом. Та еще была штучка, хотя изображала скромницу.

— Да... — промолвил Аргайл. — И что же с картиной?

— Это все, что я могу вам рассказать, — ответил Буловиус. — Молодой полицейский торжественно вручил ее хозяину, к очевидному неудовольствию пожилого, его начальника. Такой, знаете ли, был надутый индюк. На этом, насколько мне известно, дело и закончилось. В полиции удовлетворились версией, будто похитители в самый последний момент чего-то испугались и поспешили от нее избавиться. Разумеется, полная бессмыслица, и я уверен, что молодой полицейский знал это. Впрочем, зачем поднимать шум, если картина найдена? Все обрадовались, и в первую очередь тому, что дальше расследовать ничего не стали.

Буловиус замолчал и глотнул виски с таким явным наслаждением, что Аргайлу стало приятно, что он нашел для него бутылку. Когда старик наконец пришел в себя, он попытался опять вернуться к больному вопросу.

— А вы уверены, что... верно идентифицировали авторство?

— Конечно. Я знаю, вы думаете, что это всего лишь моя фантазия. Ошибаетесь. Сравните стиль с той, что висит в Фьезоле*, прочитайте в своем Вазари**, и все сомнения отпадут. Там достаточно свидетельств, что-

* Город в Тоскане, вблизи Флоренции; богат историческими памятниками.

** Вазари Джорджо (1511—1574) — итальянский живописец, архитектор и писатель, автор «Жизнеописаний наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих», книги, которая остается важным источником сведений о жизни и творчестве итальянских художников эпохи Возрождения.

бы убедить даже самого упрямого скептика. Если сложить все вместе, то хватит с лихвой. Авторство многих картин идентифицировали с гораздо меньшим количеством подтверждений. Если бы только это было известно Финци...

Аргайл очень расстроился. Старик так и не произнес имя. Надо было решаться. Спросить тихо, как бы между прочим. Но он предвидел, что произойдет. Буловиус прекратит беседу. Старый плут все прекрасно сознавал, недаром у него поблескивали глазки. Он мог бы в конце концов проболтаться, но случайно, а не в тот момент, когда этого добивался Аргайл.

Дальше нажимать не имело смысла. Старик мог еще сильнее заупрямиться, и тогда вообще больше ничего из него не вытянешь. Пришлось сдаться. Аргайл распрощался с Буловиусом, наговорил кучу любезностей и ушел, ругаясь про себя.

Приехал к Боттандо, долго давил на кнопку звонка в надежде, что генерал откроет, впустит и позволит внимательно изучить картину. Не повезло.

Аргайл отправился спать. А утром, решив попытать счастья снова, сразу отправился к Буловиусу. Ему открыла пожилая экономка и со слезами на глазах сообщила, что Танкред Буловиус ночью умер. Очевидно, старому пьянице каким-то образом удалось добраться до виски.

12

Первые неприятности начались у Флавии примерно в то же время, когда Аргайл с беспокойством выслушивал рассказ экономки о последних минутах жизни Буловиуса. Ей снова позвонил противный журналист Доссони.

— Я прошу вас прокомментировать материал, который собирается опубликовать наша газета, — произнес он.

— Попробую, если получится, — промолвила Флавия.

— Речь идет о похищении картины из Национального музея и возвращении ее с помощью выкупа.

Сердце Флавии трепыхнулось.

— Впервые слышу, — сказала она.

— Неужели? — удивился Доссони. — У нас сведения из надежного источника. Картину, которую привезли из Лувра для выставки европейского искусства, похитила банда вооруженных налетчиков. Им

удалось скрыться, несмотря на героические действия охраны...

— И что это были за действия?

— Согласно источнику, они задержали одного грабителя, но были вынуждены его отпустить, потому что остальные бандиты угрожали расстрелять нескольких служащих музея.

— Настоящий героизм, — согласилась Флавия.

— Неделю спустя картину вернули в музей. Уверен, заплатили выкуп.

— Очевидно. Конечно, если все это правда. А что говорят в музее?

— Я с ними еще не беседовал.

— Надо полагать, ваш источник — один из героев-охранников?

— Мы не раскрываем наши источники. Вы можете это подтвердить?

— Нет. Мне ничего об этих событиях не известно.

— То есть ограбления не было?

— Вы шутите? Разве можно было бы это скрывать так долго?

— И выкуп не платили?

— Я — нет. Вспомните, ведь вы уже спрашивали меня на прошлой неделе. Я ответила, что платить выкуп незаконно. Таких денег у нас нет и достать негде. А сколько вы заплатили охранникам?

— Мы никогда не платим за информацию, — заявил журналист. — У нас тоже не так много денег. Но мне известно, что вы разговаривали с ними и приказали держать язык за зубами.

— Значит, они меня не послушались.

— К сожалению, вы не ответили на мой вопрос. Было или нет на прошлой неделе вооруженное ограбление музея?

— Нет.

— Заплатили ли выкуп за картину?

— Нет. Не было никакого вооруженного ограбления музея ни на прошлой неделе, ни ранее.

— Еще какие-нибудь комментарии?

— Не верьте охранникам. Даже героям.

Флавия положила трубку и нахмурилась. Недолго осталось ждать, пока Доссони наконец добудет достоверную информацию. Ее вины в этом не было, но она предчувствовала беду. Наверное, следует предупредить премьер-министра. И накричать на Маккиоли за неспособность управлять подчиненными.

Вернувшись домой, она застала мрачного Аргайла, который признался, что стал невольным убийцей.

— Боже мой! Я дал ему виски, понимаешь. Непростительное легкомыслие с моей стороны.

— Ты переживаешь из-за этого или потому, что он не успел сообщить тебе, кто автор картины? — усмехнулась Флавия.

— Главным образом из-за первого... но из-за второго, конечно, тоже. Как тебе нравится Боттандо? Он был знаком с Мэри Верней! Ты ее столько раз арестовывала, а генерал хранил молчание. Странно.

— Ничего странного. Скорее всего он просто о ней забыл. Ведь в шестьдесят втором году не было заведено дела. Ее не привлекали к расследованию даже как

свидетельницу. А я, например, не могу вспомнить фамилии свидетелей, которых допрашивала сорок дней назад, не то что сорок лет.

Аргайла это не убедило. Все, что касалось Мэри Верней, казалось ему подозрительным. Милая, слегка эксцентричная, но совершенно безобидная дама не первой молодости, озабоченная нашествием на розовые кусты черной тли и ходом работ по реставрации сельской церкви. Именно такое впечатление производила эта талантливая аферистка. Аргайл ценил способности Мэри Верней настолько высоко, что, если бы вдруг архангел Гавриил спустился с небес и трубным гласом возвестил конец света, легко бы поверил, что в этом каким-то образом замешана она. И сорок лет назад Мэри не просто так крутилась возле молодого Боттандо. Он был в этом уверен.

— Теперь, — сказал Аргайл, — после смерти Буловиуса она осталась единственной свидетельницей происшедшего. А Боттандо, похоже, не склонен замечать, что его картина особенная.

— Допускаю, что так и есть.

— Ладно. — Он решил сменить тему. — Как у тебя?

— По сравнению с твоими печалями — сущая ерунда, — ответила Флавия с обидой в голосе. А затем рассказала, как провела день.

— Могла бы остановить, чтобы я не выплескивал на тебя всю эту чушь, — проговорил Аргайл с сожалением. — И что ты собираешься делать?

Она пожала плечами:

— Ничего. Либо это появится в газете, либо нет. Я сделала все, что могла. И предупреждала, что такое неизбежно. Ограбление музея нельзя сохранить в тайне навечно. Но это не значит, что меня не станут обвинять.

— За что?

— Что-нибудь придумают. Допустила ограбление. Заплатила выкуп, несмотря на категорический запрет премьер-министра. Не удалось заставить молчать тупых охранников. Не арестовала грабителя, когда он был еще жив. Что-нибудь подобное. А может, просто избавятся от меня. Тем более на мое место полно претендентов. Сейчас представляется прекрасная возможность. — Флавия встала, выпрямилась. — Единственное, что еще можно попытаться сделать, — найти деньги. И в этом я рассчитываю на содействие Ди Ланны. Хотя нет. Он ведь тоже советовал мне не высовываться.

— Хороший совет.

— Просмотрим, что произойдет, когда Доссони опубликует свой материал.

— Кажется, тебя это не слишком волнует.

— Ты знаешь, нет. Очевидно, подействовал уход Боттандо. Он ведь всегда вдохновлял меня. Я работала больше для него, чем для управления. Даже когда генерал ушел, оставалась уверенность, что он где-то рядом.

— Практически так оно и было.

— А сейчас, когда Боттандо распрощался с работой без всякого сожаления, почему я должна испытывать энтузиазм? Суетиться без толку из-за каких-то картин.

— Но что-то ведь нужно делать, — резонно заметил Аргайл.

Флавия откусила кусочек сыра, задумчиво прожевала и снова села на диван.

— Ты прав. Завтра я поеду в Сиену. В досье Саббатини есть адрес его бывшей соратницы. Наверняка пустая трата времени, но все равно хочу попробовать.

13

Поездка в Сиену на автомобиле ей неожиданно понравилась. Мысли все время были заняты дорогой. Попробуй только отвлекись, и мгновенно окажешься в кювете. Это в лучшем случае. Целью Флавии была небольшая деревушка примерно в двадцати километрах к северо-востоку от Сиены, но она сделала остановку в городе — пообедать и посетить специализированную английскую школу, где теперь работала Елена Фортини, бывшая соратница Саббатини. В ее досье было написано, что она наполовину американка, наполовину итальянка и свободно говорит по-английски. Это давало ей возможность зарабатывать на жизнь. Спокойную жизнь, подумала Флавия. Любой, кто решил похоронить себя в этой глуши, должен искать спокойной жизни.

В семидесятые годы эта женщина числилась художницей, хотя «художества», которыми она тогда занималась, в основном интересовали полицию. Судя по

всему, Елена Фортини была для Саббатини кем-то вроде идеологического гуру. Парень примкнул к радикалам, это было модно, и она решила за него взяться. Саббатини слушался ее во всем.

Затем, как и многие другие, участвовавшие в революционном движении семидесятых, Елена осознала, — вероятно, раньше других, — что сражение никогда не будет выиграно. В результате она пошла на сделку с властями. Ей максимально сократили срок в обмен на чистосердечное признание. В досье упоминалось, что по-настоящему полезной информации получить от нее не удалось. То есть своих товарищей она не предала.

Найти Елену Фортини не составляло труда, поскольку все бывшие террористы были обязаны каждые полгода регистрировать в полиции свой адрес, даже если он годами не менялся. Самый последний адрес Флавия обнаружила в папке, которую позаимствовала у коллег из отдела по борьбе с террором.

Она поела, немного отдохнула и вскоре остановила машину у дома с черепичной крышей, где жила Елена Фортини. Дом небольшой и старый, даже старинный, построенный в период между пятнадцатым и восемнадцатым веками. Сейчас он стóил целое состояние, ведь иметь такие легние домики мечтали многие англичане, немцы и голландцы, а лет двадцать назад, наверное, был куплен почти задаром.

Флавия подошла к двери, увидела куриный корм, аккуратно сложенный у веранды, веревку с развешенной выстиранной детской одеждой, и все стереотипы

ее сознания начали постепенно разрушаться. Жилище, несомненно, бедное, но опрятное.

Где-то за домом резвились дети, доносились веселый смех, крики и всплески воды. По участку бродили куры, в углу спала кошка. Из глубины дома слышалось негромкое пение, оно прекратилось, как только Флавия постучала. Примерно с минуту стояла тишина, затем на пороге возникла женщина лет пятидесяти, вытирающая руки о передник.

У бывшей террористки было симпатичное лицо, немного усталое, но излучающее некую умиротворенность.

— Елена Фортини? — спросила Флавия, показывая удостоверение. — Я приехала задать вам несколько вопросов.

Женщина чуть напряглась, но страха в ее глазах не было.

— Входите, — предложила она. — Значит, тайная полиция решила проверить работу моей фабрики по изготовлению бомб?

— Полиция, но не очень тайная, — проговорила Флавия, шагнув в холл. — А взглянуть на фабрику по изготовлению бомб было бы очень любопытно. Мне нравятся деревенские промыслы.

Елена внимательно посмотрела на нее и рассмеялась:

— Я вам с удовольствием покажу.

Она привела Флавию в большую комнату с каменным полом, которая служила кухней, прачечной, столовой и гостиной. В одном углу стоял телевизор, в другом — пианино. Рядом — стиральная машина, очень старая, почти музейный экспонат. Большая корзина, полная белья.

— Непрерывная стирка, — пояснила Елена. — Сами понимаете, дети.

— Сколько их у вас?

— Двое. Вы, наверное, подумали, что детей не меньше восьми, но уверяю вас, двоих вполне достаточно, чтобы обеспечить беспорядок. О том, чтобы все лежало на своих местах и одежда была чистая, я мечтаю примерно так же, как верующие о вечной жизни в раю. Ясно, что этого никогда не будет, но приятно надеяться, что где-то там такое существует.

Елена махнула Флавии, чтобы она садилась за стол, и принялась варить кофе.

— Мне сейчас вспомнилась английская поговорка, — произнесла она, возвращаясь с кофейником и чашками. — Старость начинается, когда все полицейские на улице кажутся молодыми.

— Это вроде как комплимент для меня, — отозвалась Флавия. — Но в данный момент молодой я себя не ощущаю.

Елена внимательно в нее вгляделась и кивнула:

— Неудивительно. — Она помолчала. — Полагаю, у меня нет возможности избежать ваших вопросов.

— Вы правы. Но я не отниму у вас много времени. Тем более что полиция вам не очень докучает. Верно?

— Могли бы и больше. Но ведь я не расскажу ничего нового.

— Уверена, расскажете. Речь пойдет о недавних событиях.

— Я не выезжала отсюда больше месяца.

— А гости?

— Я их не поощряю.

— Телефонные звонки?

— У меня нет телефона.

— Письма?

— Только счета. Послушайте, почему бы не спросить прямо? Было бы больше пользы.

— Хорошо. Маурицио Саббатини.

Глаза Елены расширились.

— Мне следовало бы догадаться. Во что на сей раз вляпался этот мошенник?

— В алебастр. Он утонул в чане с алебастром.

Елена вздрогнула.

— Вот оно что... — Несколько секунд она терла нос, словно пытаясь сдержать слезы. — Это был мошенник. Понимаете? Фальшивый до мозга костей. Искренний как таракан и надежный как земляной червь. Я не видела его десять лет и не желала бы видеть до конца жизни, но все равно потрясена его смертью. Вы это можете объяснить?

— С ним ушла часть вашего прошлого?

— Он был речистый и раскованный.

— Я ведь о нем почти ничего не знаю. Пожалуйста, расскажите.

— Он был веселый. Пересмешник. Веселился, даже когда грабил банк. Считал это очень забавным. И смешил всех остальных. Управляющий банка и тот не удержался от смеха. Он приходил на сходки, где серьезно обсуждали проблемы диктатуры пролетариата, и через

полчаса все надрывали животы от хохота. Он ничего не воспринимал серьезно.

— Так почему вы не хотели его видеть?

— В жизни мало места для веселья.

Флавия ждала пояснений, но Елена молчала.

— И что же дальше?

— Я не понимаю, почему вы пришли... если он умер, — наконец произнесла Елена.

— Надеялась услышать от вас что-нибудь интересное.

— С какой стати я стану выкладывать душу перед незнакомой женщиной, пусть даже служащей в полиции? Мои ответы вы должны заработать. Разве не справедливо?

Разумеется, не справедливо. Бывшая террористка Елена Фортини находилась под надзором полиции и была обязана отвечать на все вопросы. Так в теории. А на практике Флавия знала, что недобрыми методами от нее ничего не добьется. В свое время Елена Фортини выстояла на допросах, какие трудно даже вообразить, поэтому либо она все расскажет сама, либо вообще ничего.

— И как можно заработать?

— Поясните, почему вас интересует такой никчемный человек, глупый клоун. И тогда я сообщу вам что-нибудь о нем. Тем более что вреда ему уже причинить нельзя.

Не вдаваясь в детали, Флавия поведала о краже картины и обмене ее на деньги, когда Саббатини умер.

— Что показало вскрытие? Он был пьян?

— Да. Не вдрызг, но достаточно, чтобы утонуть во сне.

— А вы не допускаете, что ему кто-то помог? — спросила Елена.

Конечно, Флавия думала об этом. Но отсутствовали доказательства.

— В таком случае это было бы почти идеальное убийство. Никто ничего не видел и не слышал. Нет ни единой улики.

Елена грустно усмехнулась:

— Как это похоже...

— На что? — Флавия вскинула брови.

— На гибель его сестры Марии.

— А что с ней случилось?

— Разве в полицейских досье ничего не сказано? — удивилась Елена. — Молодую женщину расстреляли безжалостные террористы.

— Вот, значит, почему вы с ними порвали? Мария погибла в восемьдесят первом году, а вы отошли от движения вскоре после этого.

Елена пожала плечами:

— Думаете, на меня произвело впечатление то преступление? Нет, я порвала с ними, осознав, что дело безнадежное. Впрочем, довольно ворошить прошлое.

— Мы говорим о Саббатини.

— Маурицио был всего лишь шутник. Стойкости от него никто не ожидал. Поэтому, когда его задержала полиция, они решили похитить сестру, которую он очень любил. Рассчитывали таким образом заставить его молчать на допросах. Потом ее убили. Он так и не смог оправиться. Во всем винил себя, что, впрочем, правильно. Перестал шутить. Надеюсь, этого для вас достаточно.

Флавия налила себе еще кофе, не спрашивая. Странно, но она чувствовала себя здесь как дома. В обществе этой непостижимой женщины, такой сейчас приятной и мягкой, но с ужасным прошлым. Флавия привыкла доверять своей интуиции. Если ей комфортно в чьем-то обществе, значит, человек заслуживал доверия. На сей раз ее ощущения и то, что она знала о Елене Фортини, так противоречили друг другу, что она уже ничего не понимала.

— Это было трудно... уйти?

Елена слабо улыбнулась:

— Существовало два пути: продолжать бессмысленную борьбу или уходить. Я ушла. Другие выбрали первый путь.

— А Маурицио?

— Теперь вы о нем знаете столько, сколько и я. Вас, несомненно, удивило, что при ограблении музея он использовал свои прежние шутовские выходки. Учтите, он таким способом указывал — не вам, а кому-то иному, — кто это сделал. Понимаете?

— А деньги? — спросила Флавия.

— Деньги Маурицио никогда не интересовали.

— Это выше моего понимания. — Флавия пожала плечами. — Я привыкла, что поступки людей подчиняются логике. И главным мотивом почти всех преступлений являются деньги. Желание иметь много денег.

Елена встала, подошла к окну, посмотрела на играющих детей, затем вернулась к столу и начала убирать посуду.

— Вы спросили, я ответила. Больше мне добавить нечего. Но версию о том, что Маурицио это делал из-за денег, можете отбросить сразу. Так же как и то, что у него были сообщники. Он никогда не совершал ничего подобного в прошлом. Осторожничал даже со мной. У него не было ни друзей, ни приятелей. Никогда. А тут вдруг неожиданно заинтересовался деньгами и нашел сообщников. Невероятно.

Они вышли из дома. Елена проводила Флавию до машины и подождала, пока она сядет за руль. Наклонилась и неожиданно произнесла:

— Вообще-то сейчас вам надо больше думать о себе.

Флавия удивленно посмотрела на нее:

— Что?

— Для некоторых, — невозмутимо продолжила Елена, — очень важно, кто родится — девочка или мальчик.

— Не понимаю, — пробормотала Флавия.

— Речь идет о ребенке, которого вы ждете. Так вот, я говорю, девочка, мальчик — одинаково прекрасно.

14

Аргайл, разумеется, ничего об этом не ведал. Для него поездки Флавии — обычное дело. Он не знал, когда она вернется — может, сегодня вечером или завтра. Сидеть и ждать не было смысла, тем более что он еще не отказался от намерения раскрыть тайну картины Боттандо.

Первым делом Аргайл позвонил в Лондон Эдварду Бирнесу, у которого прежде работал, спросить, остались ли какие-нибудь материалы по коллекции Финци. Как и следовало ожидать, тот ответил, что все материалы у Танкреда Буловиуса. Тогда он попросил прислать список картин, завещанных Лондонской национальной галерее, чтобы понять, какие пристрастия были у этого человека, а затем кратко изложил содержание своей недавней беседы с Буловиусом.

— Мы заговорили о «Непорочном зачатии», помните, я недавно вас о ней спрашивал? Старый хрыч принялся утверждать, будто это шедевр, но мне так и не

удалось вытянуть из него никаких пояснений. А без какого-либо намека просто невозможно...

— Но никто никогда не замечал в ней ничего особенного, — прервал его Бирнес.

— А разве картину видело много специалистов? Я имею в виду в последние полвека. Буловиус сказал, что для него это очевидно. А вот для меня нет. Что думаете вы?

— Наверное, он прав, — произнес Бирнес. — Он был большим знатоком. К сожалению, оставил после себя очень мало публикаций. Глаз имел необыкновенный. К его мнению очень прислушивались.

Аргайл шумно вздохнул.

— Что вы сказали? — спросил Бирнес.

— Не скрою, я расстроен, — ответил Аргайл. — Вероятно, это действительно какой-то неведомый шедевр, но пока понять резоны Буловиуса нет никакой возможности.

— Если хотите, я поспрашиваю или придумаю что-нибудь сам.

— Буду вам очень благодарен. Но учтите, просто домыслы не помогут. Буловиус заявил, что у него имеются веские доказательства.

Они распрощались. Аргайл положил трубку, негромко выругался, затем позвонил еще в несколько мест. После чего начал собирать дорожную сумку. Поскольку Флавия взяла машину, пришлось направиться на вокзал.

Приехав во Флоренцию, Аргайл сразу начал себя корить за необдуманную спешку. Было уже поздно за-

тевать какие-либо дела. Он провел вечер, гуляя по городу. Потратился на дорогой номер в отеле, когда мог спокойно переночевать дома, в своей постели.

В последнее время Аргайл ощущал в себе странные перемены. Ведь сравнительно недавно для него не было бы большего удовольствия, чем провести вечер во Флоренции, одному, не имея никаких дел. Он исходил вот так, вдоль и поперек, многие города Европы. И никогда ему не было скучно. А теперь очарование одиночества постепенно пропадало. Неожиданно он начал скучать, хотелось с кем-то поговорить, поделиться впечатлениями.

Поужинав в ресторане, Аргайл отправился к себе в номер и, хотя было еще рано, лег в постель, предварительно достав из сумки «Жизнеописания» Вазари. Почитал часа полтора и заснул.

Утром, по-прежнему чувствуя легкое замешательство от того, что одиночество перестало доставлять привычное удовольствие, Аргайл направился в церковь Сан-Пьетро-Гатолия, которую упомянул Буловиус. Не обнаружив там ничего полезного, он взял напрокат машину и, влившись в бурный утренний поток на шоссе, доехал до Фьецоле. Здесь кое-что прояснилось. В церкви Сан-Франческо, принадлежащей францисканцам, на видном месте красовалось «Непорочное зачатие». Не точно такое же, но похожее.

Пришлось снова покопаться в «Жизнеописаниях» Вазари. Наконец он нашел: un nostro donna con figure* была установлена в церкви Сан-Пьетро-Гатолия в 1550

* Пресвятая Дева с младенцем (*ит.*).

году. Сейчас ее там не было. И никто о ней ничего не слышал.

Немного кружилась голова. Аргайл нашел место, откуда открывался великолепный вид на Флоренцию, и решил поразмышлять. Пока это были лишь предположения, попытки следовать за ходом мысли Буловиуса, но появилась ниточка, за нее можно уцепиться. Теперь надо сходить в галерею Уфицци, посмотреть рисунок, о котором упоминал Буловиус.

Аргайл сел в машину и двинулся дальше, в деревушку Йоджио-ди-Аморетта, притулившуюся на вершине холма в пятнадцати километрах от Флоренции и примерно в трех — от виллы «Буонатерра». Приехав на место, он понял, что заблудился. Деревня другая. Тоже на холме, маленькая и симпатичная. Дверь церкви в романском стиле была маняще приоткрыта: заходи и смотри, — а напротив — малюсенький ресторан, где пожилой хозяин застилал на столики чистые, хорошо отглаженные льняные скатерти в ожидании посетителей, которые неизвестно откуда должны появиться.

Настроение у Аргайла поднялось. Часы показывали одиннадцать сорок пять, и майское тепло еще не успело сильно прогреть воздух. Издалека доносилось мерное тарахтение трактора. Глаз радовали аккуратно подрезанные виноградные лозы. Глупо находиться в Италии и отказывать себе в наслаждении ее красотами. Чего раздумывать? Тем более что, наверное, всего во второй раз за десять лет он дышал таким чистым воздухом. Не то что в Риме.

Аргайл вылез из машины, дружески кивнул хозяину ресторанчика, узнал, что обед будет через полчаса, и направился в церковь, откуда вышел в полном умиротворении. Прекрасные скульптуры, восхитительный запрестольный образ. Как обычно в подобных случаях, Аргайл с легкой тоской подумал, что был бы по-настоящему счастлив, если бы жил в Тоскане, ну, например, в 1280 году. Он работал бы каменщиком (самая престижная тогда специальность) и строил церковь.

Бокал холодного вина, домашние спагетти, кусочек телятины и две чашки кофе очень понравились Аргайлу. Он поболтал с хозяином, у которого не было особых дел, потом с его женой, приготовившей еду. Затем просто посидел, понаблюдал. Вот мимо прошла коза. Очень интересно.

Аргайл задремал. Как часто бывает, думал, что на минутку, а с трудом разлепил глаза, когда часы на колокольне пробили два раза. Бросил взгляд на свои часы. Боже, четверть третьего! Катастрофа. Он позвонил Флавии предупредить, что вернется поздно. Она не ответила, пришлось оставить сообщение.

Аргайл потянулся и неторопливо зашагал к машине, чтобы проехать оставшиеся несколько километров до Поджио-ди-Аморетта.

Рассуждения, которые привели его сюда, были более или менее здравыми. Ему удалось дозвониться в Уэллер, деревню в Норфолке, откуда родом Мэри Верней. Ему сказали, что скорее всего она сейчас в Тоскане. Там у нее дом. Где именно, к сожалению, неизвест-

но. Аргайл вспомнил слова Стоунхауса, что во время заварушки с кражей картины на вилле «Буонатерра» она жила в деревне Поджио ди Амoретта. К тому же Мэри сама недавно по телефону подтвердила, что хотела бы жить в своем доме. Кстати, она свободно говорила по-итальянски.

Аргайл окончательно утвердился в своем решении ехать, когда обнаружил в телефонной книге синьору Верней.

Он вышел из машины, осмотрелся. Вверх по крутому склону поднималась неширокая каменистая дорожка, по которой лучше было пойти пешком. Метров за триста он разглядел на маленькой веранде Мэри Верней в широкополой шляпе. Миновав еще сто метров, он увидел, что она не одна.

Аргайл чертыхнулся. Идти ему туда расхотелось, хотя причина до конца понятна не была. Он постоял несколько минут, переминаясь с ноги на ногу, обдумывая ситуацию, затем развернулся и двинулся обратно.

Дело в том, что он испытал почти забытый восторг, когда перед ним неожиданно открывается некая истина. Такое случилось с ним лишь однажды, и Аргайл тщетно надеялся пережить это снова. Давным-давно он купил картину, пейзаж с несколькими танцующими на переднем плане. Холст был старый, грязный, дешевый. Он отдал его отреставрировать, разумеется, недорого, а забрав из мастерской, поставил в угол, чтобы Флавия не задела картину ногой, и забыл. Прошло много времени, и как-то утром он вдруг глянул на нее

и затрепетал от восторга. Потому что поза одной из девушек, весело танцующих под ярким солнцем, была ему знакома.

Несомненно, это Сальватор Роза*. Аргайл был в этом уверен, словно видел художника за работой. Автор не особенно выдающийся, картину ни в коей мере нельзя отнести к шедеврам, и никакой материальной выгоды она ему дать не могла. Аукционеры и коллекционеры живописи требуют бумажных подтверждений, прежде чем признать за какой-то картиной солидное авторство. Но для Аргайла все это было не важно. Он наслаждался открытием. Тем, что ему чудом удалось сопоставить набросок женщины, танцующей под аккомпанемент лиры, который он когда-то видел, с той, что изображена на этой картине. Высоко поднятая рука, наклон головы, голубая накидка.

С картиной, висевшей в квартире Боттандо, к сожалению, такого не произошло. Впервые взглянув на нее, Аргайл не испытал ничего, кроме любопытства, а посмотреть еще раз возможности не было. И вот сейчас оно пришло, когда он издалека увидел эту уже немолодую женщину на веранде, повернувшую голову к гостю. Может, характерный поворот головы или движение руки, достойные кисти Розы, или игра света и тени, создающая великолепный, почти импрессионистский эффект, подсказали ему, что чувствуют сейчас эти люди. От неожиданности у него перехватило дыхание.

* Сальватор Роза (1615—1673) — итальянский живописец, гравер, поэт и музыкант.

На половине пути к вершине холма, примерно в миле отсюда, Аргайл заметил небольшую часовню, к которой вела дорога. Зачем ее там построили, теперь уже никто не помнил. Он направился к часовне, надеясь; что свежий воздух поможет прояснить мысли. В любом случае надо было как-то убить время.

Аргайл был так погружен в раздумья, что возвращаясь даже не знал, прошло двадцать минут или два часа. Бóльшая часть того, что он вообразил, основывалась не на достоверных фактах, а лишь на том, о чем он знал, подозревал или догадывался. Впрочем, детали могли быть иными, значения это не имело, но картина, нарисованная его фантазией, была необыкновенно четкой. Он соединил рассказы Стоунхауса и Буловиуса с тем, что содержалось в отчете полиции, что он знал о Мэри Верней и Боттандо, считал логичным или вероятным. В свое время Аргайл посмотрел много фильмов итальянских неореалистов, и события, происшедшие в Тоскане в шестьдесят втором году, предстали перед ним в зернистом черно-белом изображении.

Итак, на вилле «Буонатерра» переполох. Исчезла картина. Ее ищут по всему дому, затем хозяин звонит в полицию. Вскоре к парадному входу подъезжает старый полицейский «фиат». Из него выходят двое. Один постарше, в штатском, направляется к двери. За ним следует другой, моложе, в плотно облегающей форме. Они не разговаривают. Нельзя, должна быть соблюдена субординация. Начальник пропускает вперед под-

чиненного и показывает на звонок. Подчиненный звонит. Его лицо не выражает никаких эмоций, хотя в душе наверняка бушует буря. Он презирает своего начальника. Стоит жара. В полицейском отчете об этом ничего не сказано, но в июле в Тоскане иначе быть не может. Конечно, жара.

Дверь открывает слуга, спрашивает, по какому они делу. Он ведет полицейских в небольшую комнату для посетителей и торопится доложить хозяину, который, конечно, видел автомобиль из окна своего кабинета.

Комиссар Таренто волнуется. Аргайл не мог допустить, чтобы полицейский небольшого городка вел себя при данных обстоятельствах иначе. Ведь он привык общаться с владельцами похищенных велосипедов, а не дорогих картин. Очевидно, и потерпевший, и преступник гораздо выше его по положению, поэтому он пытается казаться резким и нетерпеливым. Почтительность к сильным мира сего у него в крови. И не только у него, но и у его поколения. Может, из-за этого он служит в полиции. И не почтительность в чистом виде, а комбинация зависти и уважения к тем, кто живет богаче, чем он. А здесь не просто богач, а знатный англичанин, образ жизни которого просто невозможно вообразить.

Странно, но его подчиненный чувствует себя свободнее. Таренто не понимает почему. Он знает, что Боттандо родом из деревни недалеко от Неаполя. Семья бедная, из значительных родственников лишь дядя, да и тот коммунист. После армии Боттандо пошел в полицию, чтобы не возвращаться к родителям.

Можно было устроиться на завод в Турине или Милане, где работали выходцы с юга, но уже в юности Боттандо мечтал о чем-то большем, чем скудный заработок и квартира с отслаивающейся штукатуркой, потому что строительная фирма торопилась сдать дом в эксплуатацию.

Комиссару Таренто молодой человек не нравится, однако придраться не к чему. Безупречного поведения, исполнительный, усердный, сообразительный. Таренто уже достиг пика карьеры и знает это. Даже в полиции, насквозь пропитанной коррупцией, он достиг своего уровня компетентности. С Боттандо иначе. На него обратил внимание начальник уголовного розыска. Если ничего не случится, то он поднимется гораздо выше, чем Таренто, и довольно скоро. Комиссар сознает, что Боттандо уже сейчас чувствует себя намного увереннее, чем он, и старается показать свое старшинство где надо и не надо.

Именно из-за Боттандо ему удается сдержать поклон и подобострастную улыбку, когда появляется Стоунхаус. Любезность и демократизм англичанина потрясают. Он предлагает им сесть. Таренто садится, как ему кажется, непринужденно, словно расположиться в кресле семнадцатого века, покрытом брюссельской декоративной тканью, для него обычное дело. Он даже выражает восхищение его красотой, но замечает, что почему-то его суета производит меньшее впечатление, чем безразличное молчание Боттандо. Стоунхаус вежливо кивает, но в его глазах сквозит намек на недоумение.

Таренто пытается выглядеть профессионалом, представителем итальянского государства, за ним — вся мощь закона. Отрывисто задает вопросы, на которые следуют ответы на превосходном итальянском языке. Вежливые и краткие.

— Что представляет собой картина? — интересуется Таренто.

Стоунхаус подает ему листок. Аргайл представил сделанную аккуратным почерком выписку из инвентарной описи коллекции.

— Я приготовил это для вас, — говорит Стоунхаус. — У меня есть подробное описание каждого экспоната коллекции. «Мадонна с младенцем», масло по дереву. Флорентийская школа, пятнадцатый век, но не очень значительная. Несравнимая с другими полотнами в доме.

— Кто художник?

— Неизвестен. Хотя мой друг, мистер Беренсон, приписывает картине определенное авторство. Не думаю, что его усилия могли бы помочь. Более важным является факт, что она небольшая и умело извлечена из рамы. Вор не пожалел времени и старался ее не повредить.

— Это мое дело установить, что важно, а что нет, — напряженно произносит Таренто и с удовольствием отмечает, что Стоунхаус осознает свою ошибку. — Как вы охраняете свою коллекцию?

— Никак.

Таренто имитирует удивление, хотя причины нет. В те времена ни богатым, ни бедным еще не требовалось защищаться от окружающего мира.

— В эту ночь, — продолжает Стоунхаус, — все окна в доме были раскрыты. Горничная решила, дождя не будет — как оказалось, правильно — и распахнула их, чтобы стало прохладнее.

Таренто согласен. Жара в последние две недели стояла просто удушающая.

— Значит, горничная открывает окна, и грабитель спокойно проникает в дом, — говорит он со значением. — Мне придется побеседовать с этой женщиной. — О горничных Таренто кое-что знает. Его жена до замужества была в услужении в знатной флорентийской семье.

— Конечно, — кивает Стоунхаус. — Но она пожилая — шестьдесят пять лет — и живет с нами свыше двадцати лет. Фактически она член семьи и вне всяких подозрений.

— И все же с ней надо побеседовать, — настаивает Таренто.

— Как вам угодно, — пожимает плечами Стоунхаус. — Не желаете бокал вина? Или воды?

Трудно сопротивляться предложению выпить и перейти к неформальным отношениям. Таренто уже вообразил, как, неспешно потягивая вино, постепенно завоевывает уважение этого аристократа. Но разумеется, Боттандо здесь лишний.

— Я хочу, чтобы, пока мы будем разговаривать, мой подчиненный совершил обход виллы. Может, обнаружатся какие-нибудь следы. Он неплохо справляется с подобной работой.

Комиссар произносит это таким тоном, будто Боттандо нет в комнате. Боттандо послушно встает, отдает честь и выходит, оставляя их наедине.

Аргайл не сомневался, что Боттандо делает это для проформы, поскольку осматривать виллу в поисках следов вора — полная бессмыслица. От жары земля спеклась так, что можно пустить по ней танк, и он не оставит никаких следов. Боттандо рассеянно смотрит на гравиевую дорожку, выжженную солнцем лужайку, поникшую живую изгородь. Затем поднимает взгляд на дом, пытаясь понять, из какой комнаты украдена картина.

— Из этой, — звучит сзади веселый голос.

Он поворачивается.

— Верхний этаж, вторая слева, — поясняет молодая женщина. Одной рукой она придерживает соломенную шляпу, другой показывает. Улыбка озорная и обольстительная одновременно.

— Спасибо, — серьезно произносит Боттандо.

— Почему вы стоите на солнцепеке?

— Осматриваю место преступления, — отвечает он.

— Понятно. Видите слегка покосившуюся дымовую трубу и делаете вывод, что вор спустился на крышу с парашютом. Скорее всего с планера, ведь из-за жары в доме все спали плохо и наверняка услышали бы шум самолета.

— Замечательно, — усмехается Боттандо. — Вы прочитали мои мысли.

— Это не трудно. А само место преступления вы видели? Пятно на стене, где висел великий шедевр? Пой-

демте, я вам покажу. Потом вы сможете спокойно посидеть и выпить чего-нибудь холодного. Это полезнее, чем гулять по участку, подвергаясь опасности получить солнечный удар.

— Вы здесь живете? — спрашивает Боттандо, твердо ступая по гравиевой дорожке. — Член семьи?

— О нет, — отвечает она. — Я студентка. Приятельница приятеля. Здесь в гостях. У меня небольшой домик в двадцати километрах отсюда. Поскольку вам положено всех подозревать, сообщаю о своем алиби. В момент пропажи картины я находилась там.

— Вы очень хорошо говорите по-итальянски.

— Спасибо.

Они медленно поднимаются по лестнице, чтобы не сильно напрягаться. Боттандо чуть позади. Он не может не реагировать на близость девушки — симпатичной и свежей, в легком летнем платье.

— Вот, — показывает она, рывком распахивая тяжелую дверь. — И кто же это сделал?

Они проходят в небольшую спальню, оклеенную старыми викторианскими обоями. Из мебели здесь лишь древняя деревянная кровать и массивный гардероб. Между портретом и гравюрой зияет квадрат, чуть светлее остальной части стены. Боттандо шагает по скрипучему полу, внимательно смотрит на пустое место, прекрасно понимая, что это бесполезно. В открытое окно струится яркий солнечный свет.

— Обычно горничная закрывает ставни, но сегодня мистер Стоунхаус сказал, что не надо. На них могут остаться отпечатки пальцев.

— Конечно, — соглашается Боттандо.

Их взгляды встречаются. Они улыбаются друг другу, и в этот момент дверь распахивается, и в комнату входит рассерженный комиссар Таренто.

— Боттандо, — отрывисто произносит он, — я велел вам осмотреть участок, а не шляться по дому как турист.

— Это я настояла, чтобы он пришел сюда, — говорит девушка. — Мне было страшно. Ведь грабитель и убийца вполне может прятаться в доме. Синьор полицейский оказался очень любезным. — Ее ироническую улыбку понимает только Боттандо, а его начальник просто не замечает.

Таренто смягчается. Глупая девушка, что с нее возьмешь.

— А вы кто?

— Верней, — отвечает она. — Мэри Верней.

Дальше в воображении Аргайла все было просто. Нет нужды даже воспроизводить. Возвращение картины на место. Ее появление на стене в гостиной Боттандо. Его уход в отставку. Наклон руки Мэри Верней, когда она наливала вино в бокал, освещенная ярким весенним солнцем. Выплата выкупа за картину Клода Лоррена. Недовольство Флавии, что она постоянно узнает обо всем последней. Ничто не подкреплено никакими свидетельствами, однако на душе очень тревожно.

15

Мужа дома не оказалось. Флавия расстроилась, но худшее ждало ее впереди. Переночевав в Сиене — надо было уладить рутинные дела с тамошней полицией, — она вернулась в Рим, а Аргайл уехал во Флоренцию. На столе в кабинете ее ждала записка — вызов в управление на совещание. Присутствие обязательно, так сказано в записке. Флавия посмотрела на часы. Совещание началось пять минут назад. Ну и пусть. Всю ночь она проворочалась в постели, обдумывая невероятную новость, которую сообщила Елена Фортини. Флавия чувствовала себя полной идиоткой. Значит, это как-то заметно, а она не догадывалась.

Мир изменился, и, видимо, навсегда. К этому нужно привыкнуть. Должно пройти какое-то время. Пока невозможно даже представить, как она станет совмещать работу с уходом за ребенком. Ведь для нее работа важнее всего. Флавия еще не отошла от шока и не осознала, рада она или нет.

Прибыв наконец на совещание, она не очень внимательно прислушивалась к разговорам. Ей надоели вечные обсуждения бюджета и результатов различных проверок. Она давно отметила странную закономерность: чем тривиальнее вопрос, тем дольше длится совещание.

Рядом с начальником управления сидели двое в штатском. Флавия встрепенулась, только когда заговорил один из них, постарше:

— Теперь нам предстоит обсудить важный вопрос. А именно будущее управления по борьбе с кражами произведений искусства после отставки генерала Боттандо. Министр считает, что для поддержания работы на прежнем уровне управлению необходимо сильное руководство.

— Я с вами согласна, — подала реплику Флавия, ни о чем не подозревая. — Необходимо сохранить боевой дух наших сотрудников. Мы ведем в этом направлении постоянную работу. — Она изрядно поднаторела в подобной фразеологии и была готова продолжать в том же духе. Конечно, это полная чушь, но, согласно старинной пословице, «если ты живешь в Риме, то обязан изъясняться по-латински».

— Все правильно, — прервал ее второй чиновник из министерства, который выглядел слегка смущенным, — но речь не об этом. С сожалением должен сообщить, что на самом высоком уровне принято решение не утверждать вас в должности начальника управления.

Флавия оторопела.

— Почему?

— Поскольку подобные решения принимаются строго конфиденциально, мне это известно лишь в общих чертах, — ответил чиновник с сожалением, похожим на искреннее. Было видно, что удовольствия от своей миссии он не получает. — Претензий к вам нет, все годы вы прекрасно работали. Но наверху решили, что управление должен возглавить человек, правильно понимающий политику руководства.

— Что значит «правильно понимающий политику руководства»?

В ответ он лишь слабо улыбнулся.

— Может, руководству не нравится, что я женщина? — усмехнулась Флавия.

— Ни в коем случае. — У чиновника был такой вид, словно он испугался, что Флавия привлечет его к Европейскому суду по правам человека.

Она молчала. Двое из министерства поерзали на стульях, переглянулись. Было ясно, что сценарий этого разговора разработан заранее.

— Мы сознаем, что после года руководства вам будет трудно вернуться в положение подчиненной.

— Вы полагаете, что мне следует уйти?

— Конечно, у вас есть возможность все обдумать, но нам хотелось бы решить вопрос сейчас.

— То есть я должна написать заявление об уходе?

— Мы можем предложить вам два варианта, — сказал старший чиновник после продолжительного молчания. — Первый: занять более высокую административную должность...

— Где?

— В Бари*.

— Ах вот оно что...

— Если это для вас неприемлемо, то вы можете рассчитывать на крупное выходное пособие...

— Довольно! — прервала его Флавия. — Так, по-хамски, не поступали ни с кем. Решили назначить начальником кого-то другого? Прекрасно. Хотя должна без ложной скромности заявить, что не знаю никого, кто справился бы с этой работой лучше. Но избавляться бесцеремонно, словно меня поймали за руку, когда я запустила ее в кассу, чересчур.

— Мы понимаем, вам неприятно, — произнес старший чиновник, — и искренне сочувствуем. Но нам даны четкие инструкции.

— А все-таки почему я не могу вернуться на свою прежнюю должность, какую занимала при генерале Боттандо?

— Потому что новый начальник скорее всего захочет иметь заместителем своего человека. А положение рядовой сотрудницы вас вряд ли устроит.

Что верно, то верно. Еще при Боттандо Флавия привыкла командовать, и представить себя опять рядовым оперативным работником было невозможно.

— Мне очень не хочется вас огорчать, — сказала Флавия, — но уволить меня с должности вы не имеете права. Дело в том, что я жду ребенка, а по закону беременных женщин, занимающих высокие государствен-

* Небольшой старинный город на побережье Адриатического моря.

ные должности, увольнять нельзя. Начальники попадают под данную категорию. Передайте руководству, что в противном случае их ждет суд, и они его проиграют.

Это известие застало чиновников врасплох. Они посмотрели на Флавию так, будто она объявила, что является дочерью папы римского.

Флавия улыбнулась:

— Я вам тоже искренне сочувствую. Но ничего не поделаешь, женщины и не на такое способны.

— Примите наши поздравления... — пробормотал первый.

— Спасибо. — Она встала. — Теперь, видимо, вам придется серьезно обдумать ситуацию. По-тихому избавиться от меня не получилось. Если руководству нужен громкий скандал, пожалуйста.

«Разумеется, это не победа, — размышляла Флавия, возвращаясь к машине. — Я просто выиграла немного времени, чтобы ответить ударом на удар».

Работе отданы двенадцать лет жизни, и вот итог. Неожиданно она почувствовала облегчение. Что хорошего во всем этом? Рутина, неисполнительные подчиненные, необходимость каждое утро читать рапорты о кражах, которые никогда не будут раскрыты, постоянно выбивать у начальства деньги. Она сыта этим по горло. Ей до смерти надоело маневрировать среди чиновников, как эти двое.

Флавия поняла, что сопротивляется только из принципа. Нельзя позволять, чтобы о тебя вытирали ноги. Но сердце к этой работе больше не лежало.

* * *

В голове у нее звучала реплика одного из чиновников о правильном понимании политики руководства. Что она значила? Да, ей запретили заниматься расследованием похищения картины Клода Лоррена, а она не подчинилась. Но почему это кого-то взволновало? Ведь соблюдалась строгая секретность. Ее следовало поблагодарить, а не увольнять.

Флавия собиралась пригласить верных людей и рассказать им обо всем. Там, наверху, хотели войны? Они ее получат. Для начала она раскроет секрет похищения картины Клода Лоррена и ее возвращения в музей. Секрет, который знают двое, больше не секрет.

Пока она решила посвятить в это дело троих, которым безоговорочно доверяла. Руководителя оперативной группы Паоло, стажера Коррадо и руководительницу следственной группы Джулию.

— В своем расследовании, — закончила Флавия, — я зашла слишком далеко, и от меня решили избавиться.

— Странно, ведь речь идет лишь о какой-то картине, — удивился Паоло. Настоящими преступлениями он считал только убийства.

Она пожала плечами:

— Очевидно, все пружины этого механизма нам пока не видны.

— В таком случае, — проговорил он, как обычно медленно, — надо копать материал. На Саббатини, на его знаменитого и могущественного родственника. Бывшего. Искать сообщников преступных деяний Саббатини десять, а может, и двадцать лет назад. Все-таки полезно

иногда делать людям одолжение. Я знаю одного человека, который мне должен. Позвоню, повыкручиваю руки. В общем, будем стараться. А ты пока не торопись собирать вещи.

У Флавии навернулись на глаза слезы. Казалось бы, освобождается место. В интересах Паоло сидеть и тихо радоваться, а не бросаться на помощь.

— Желательно копнуть также и журналиста Доссони, — сказала она. — Кто снабжает его информацией? Я подумываю о том, не скормить ли ему что-нибудь. Хотя бы немного.

Управляемую утечку информации все одобрили. В данной ситуации это было разумно.

— И еще, — добавила Флавия, — где-то имеется отчет об убийстве жены Ди Ланны. От прессы его утаили, но обязаны были провести расследование. Взглянуть бы на его результаты.

Оставшись одна, она посидела какое-то время, оглядывая кабинет, почти год назад унаследованный от генерала Боттандо. Теперь с ним придется распрощаться. И очень скоро.

Флавия встретилась с Этторе Доссони в маленьком неопрятном баре за Олимпийским стадионом. Как только разговор зашел о серьезном, он предложил пройтись. Это глухое место выбрал Доссони. Когда она ему позвонила, он сказал, что привык действовать осторожно, и современные электронные устройства позволяют делать буквально чудеса. А вблизи стадиона трудно оперировать даже самыми хитрыми

штуковинами. Флавия сочла это излишним, но спорить не стала.

Они прогуливались мимо мрачных статуй, воплотивших в крупнозернистом мраморе мужской идеал Муссолини. Доссони оказался полным мужчиной, который почему-то этого не осознавал, видимо, по-прежнему полагая себя молодым и спортивным. Двигался по-мальчишески, размашистым шагом, отчего подрагивали щеки, а на лбу скапливались капельки пота. Воротничок сорочки не сходился на шее.

— Итак, — произнес он, — вы намерены потребовать, чтобы я раскрыл свои источники?

— Нет.

— Тогда чего вы хотите?

— Маурицио Саббатини ваш знакомый. Верно?

Доссони усмехнулся:

— Глупо было бы отрицать. Уверен, вы откопали в каком-то досье.

— Вы такого же низкого мнения о нем, как и остальные?

Доссони задумался, затем отрицательно покачал головой:

— Нет. Кое-какие качества я в нем всегда ценил.

— Например?

— То, что он не был таким дураком, как другие. Наше ядро составляли человек двести, а всего нас было около двух тысяч. Студенты. Мы искренне надеялись свергнуть капитализм. А Маурицио ходил и посмеивался. Порой вставлял реплики, что сделать это не так легко. Мы с важным видом дискутировали на темы ре-

волюции, а он играл в свои маленькие игры. И в результате оказался прав. Он любил посмеяться.

— А потом перестал.

Доссони кивнул:

— Да. Вы знаете почему.

— Он исчезает из виду почти на двадцать лет, — продолжила Флавия, — и вдруг выдает свой коронный трюк. Вы должны были обеспечить его пиаром. Я права?

— Да. Он заявил, что собирается вызвать большой переполох, как в старые времена. Заклеймить позором лицемерие государства и так далее. Я по-прежнему питал к нему симпатию, но его подход за двадцать лет не изменился. Маурицию остался дешевым памфлетистом.

— Но в печати информация не появилась. Почему?

— Я ждал от него доказательств, что это не пустое бахвальство. Он рассказал мне о картине. Я позвонил вам, и вы ответили, что ничего не знаете. Значит, солгали.

— Пришлось.

— Потом он позвонил через некоторое время и попросил в пятницу собрать публику на холме Яниколо. Обещал сенсацию.

— Вы представляли, что он имел в виду?

— Нет. Маурицио хотел, чтобы собралась толпа рядом со статуей жены Гарибальди. Женщина на коне обводит взором город. Но что именно будет наблюдать публика, не уточнил. Я заявил, что и пальцем не пошевелю, пока он не сообщит, в чем дело. Маурицио

ответил, что не может, это опасно. Предложил просто поверить на слово, что у него есть все ингредиенты, чтобы устроить взрыв, который потрясет всю страну.

Доссони ненадолго замолчал.

— Поверить ему... Как бы не так. Я сказал, что очень хорошо помню все его прежние шутки, и он положил трубку. Вернее, швырнул. Или с силой надавил на кнопку, если говорил по мобильному.

— И что произошло?

Доссони пожал плечами:

— Ничего. Вскоре я узнал: Маурицио нашли мертвым в чане с алебастром. Я предположил, что он напился от расстройства, ведь его розыгрыш не удался. Слава Богу, у меня хватило ума не ввязываться в это дело.

Истории Доссони можно было верить и не верить. В любом случае он не поведал ничего интересного. Вероятно, специально. Теперь ждал ответного хода со стороны Флавии.

— Картину действительно похитили, — произнесла она. — Потом потребовали выкуп. Пять дней назад я ее вернула.

— Как?

— Обменяла на деньги. Картину вручил человек в шутовской маске. Я была уверена, что это Саббатини.

— Но это был не он.

— Да.

— Любопытно, — промолвил Доссони. — Очень любопытно.

— Вам что-нибудь говорит фамилия Фортини? Елена Фортини.

Ей показалось, что Доссони вздрогнул.

— Вы ее знаете? — ответил он вопросом на вопрос.

— Виделась с ней два дня назад.

— И ваше впечатление?

— Она мне понравилась. Такая... чуткая и добрая.

Доссони громко рассмеялся, откинув назад голову:

— Если начальница отдела полиции столь наивная, то неудивительно, что так мало раскрыто хищений картин.

— Я не поняла.

— Елену называли по-разному, но чуткой и доброй... — Он посмотрел на Флавию. — Грубая и жестокая — вот она какая.

— Странно.

— Более жестоких, чем Елена Фортини, я не встречал, — заявил Доссони. — Пример. Когда на Страстную пятницу арестовали одного ее товарища, она предложила устроить теракт на Пасхальное воскресение во время торжественной мессы в соборе Святого Петра. Когда кто-то заметил, что погибнут сотни людей, она сказала, что они принесут себя в жертву Христу. Так что чем больше, тем лучше. Елена всегда любила символику, а также самодельные бомбы, начиненные гвоздями. Вы знаете, какое у них поражающее действие?

— Но в ее досье ничего подобного нет.

— О, Елена всегда была мастерица держаться в тени. К тому же ее так боялись, что на допросах держали язык за зубами. Умная женщина. Бедный старина Маурицио был ее марионеткой. Она крутила им как хотела.

Под ее руководством его маленькие акции наполнялись глубоким смыслом. Вы видели последние работы Маурицио?

— Некоторые. В его мастерской.

— Барахло?

— Да.

— Только такое он и был способен выдать, бедняга.

— А что означает похищение картины? — спросила Флавия.

— А то и означает, что ничего. В этом-то и состояла его беда. В критические моменты Маурицио начинал путаться, становился непоследовательным. Интеллектуальную глубину его действиям обеспечивала Елена Фортини.

Флавия очень любила прогулки по Риму. В последние годы они обошли с Аргайлом, наверное, весь город, его улицы и холмы. Это было бесконечно интересно. Аргайл замечал все — кусочек античной римской каменной кладки, выщербленный из стены, необычный узор булыжной мостовой на какой-нибудь отдаленной улочке. Он беспрестанно отвлекался. Улыбаясь от удовольствия, внимательно осматривал то одно, то другое и, вернувшись, возобновлял прерванный разговор.

— Посмотри, как красиво! — восклицал Аргайл, показывая Флавии на что-то, мимо чего она проходила десятки раз и не обращала внимания.

Но сейчас у нее не было желания любоваться ни красотами архитектуры, ни скульптурой, ни удиви-

тельными странностями в планировке города. Расставшись с Доссони, Флавия зашагала вдоль реки, засунув руки в карманы куртки, нахмурившись и опустив голову. Поднялась на холм Яниколо к величественной конной статуе жены Гарибальди. К тому месту, где почти двадцать лет назад обнаружили тело Марии Ди Ланны и где Саббатини, по словам журналиста, собирался устроить представление, которое должно было потрясти страну. Что именно он намеревался сделать? Флавия просидела час, размышляя, пытаясь привести в соответствие все известные ей факты, составить из них какую-то версию.

Итак, Саббатини похитил картину в понедельник. Теперь Флавия знала, что он планировал акцию на пятницу двадцать пятого мая. Именно в тот день в восемьдесят первом году убили его сестру. Ее тело нашли неподалеку от места, где Флавия сейчас сидела, и Саббатини хотел, чтобы Доссони собрал здесь толпу и репортеров с камерами.

Пока вроде бы все сходилось. Но почему он похитил именно эту картину? Непонятно, что символизировал пейзаж Клода Лоррена. Кефала и Прокриду? Но у этой истории счастливый конец. Может, ему было важно похитить значительную картину, придав своему деянию вес? Но какой смысл? Показать компании бывших террористов, что он еще жив? Доссони сказал, будто Саббатини желал потрясти страну. А выкуп? Как он вписывается сюда? Если ему кто-то помешал осуществить задуманное, то его сообщник — Флавия не исключала, что Доссони вполне мог стать на прош-

лой неделе богаче на три миллиона долларов, — решил забрать деньги и обрезать концы?

Она долго сидела на скамейке рядом со статуей Гарибальди. Достала сигарету, прикурила, но, вспомнив, что делать этого больше нельзя, вынула изо рта и затоптала. А затем, неожиданно осознав, что безумно счастлива, разразилась слезами.

Проходящие мимо туристы бросали на нее сочувственные взгляды.

— Я отыскал материалы по похищению Марии Ди Ланны, — сообщил Паоло, когда все четверо встретились в ресторане, чтобы поужинать и обсудить дела. — Ничего интересного.

— Совсем ничего?

— Да. Как ты и говорила, все спустили на тормозах. Во всяком случае, поначалу так и было. Но отыскался один честолюбивый и неудобный следователь, который продолжил расследование. Вскоре оказалось, что он симпатизирует левым и пытается покрыть их преступления. Потом раскопали, что он взяточник. Берет, сколько может утащить. Но дело замяли. Честь мундира не позволила предать гласности факт коррупции в правоохранительных органах. В общем, его уволили, и дело с концом.

Флавия улыбнулась:

— Да, действительно ничего интересного.

— Несколько месяцев назад тот следователь умер, — добавил Паоло.

— Скоропостижно?

Он отрицательно покачал головой:

— Нет. После болезни. Отказали почки. Год назад ему сделали пересадку, не помогло. Так что в его смерти нет ничего подозрительного.

— Давайте подумаем вместе, — предложила Флавия. — Может, здесь замешана Елена Фортини и сюжет картины Клода Лоррена каким-то образом связан с обстоятельствами гибели Марии Ди Ланны? Но даже если это так, почему он задумал акцию лишь недавно? — Она посмотрела на сидящих за столом коллег. — Что, никаких предположений? — Флавия вздохнула. — Ладно, расходимся. Продолжим поиски завтра.

Паоло вызвался проводить ее до дома. Как вскоре выяснилось, не только из любезности.

— Днем в твое отсутствие к нам приходил посетитель, — сказал он, когда они остались одни. — Угрюмый паренек. Показал удостоверение сотрудника внутренней безопасности. Сразу направился в твой кабинет и провел там час. Копался в бумагах. Я старался далеко не отходить. Того, что искал, он, похоже, не нашел.

Флавия молчала.

— Кажется, ты действительно встревожила каких-то важных людей, — задумчиво промолвил Паоло. — И так просто они не отстанут.

— Но что я могу поделать?

— Хотя бы быть осторожнее. Тем более что ты продолжаешь заниматься этим делом.

— Я и так осторожна.

Они свернули за угол на небольшую площадь перед домом Флавии. Паоло тут же увлек ее в тень.

— Не советую тебе идти домой. Видишь тот автомобиль? Он по твою душу.

— С чего ты взял?

— Цвет, модель, номерной знак и маленькая антенна сзади. Поверь мне, я хорошо знаю их повадки. Даже собирался подать рапорт о переводе.

— Почему не подал?

— Понимаешь, прошел собеседование и осознал, что там дурак на дураке. В полиции они неделю не продержались бы. Сейчас эти ребята за тобой следят.

— Но мне нужно домой, к Джонатану!

— Позвони ему.

Флавия вытащила мобильный, нажала кнопку. Сначала, как всегда, шли гудки, а потом голос Аргайла сообщил, что он уехал в Тоскану на день или на два. Флавия не знала радоваться или сердиться.

— У него нет мобильного? — удивился Паоло.

Она хмыкнула:

— Да если бы даже и был, то непременно с разряженным аккумулятором. — Она задумалась, провела рукой по волосам. — Ты прав. Я переночую в отеле.

Паоло предложил пойти к нему, но Флавии не хотелось его стеснять. Она знала, что у Паоло трое маленьких детей.

Через полчаса Флавия уже погружалась в сон в номере отеля на пьяцца Фарнезе, забыв о Маурицио Саббатини и службе внутренней безопасности.

Она справедливо решила, что самое безопасное место для нее сейчас в маленьком отеле при женском мо-

настыре ордена Святой Бригитты Шведской на пьяцца Фарнезе. Образцовый отель, если учесть цену. Почти в центре города, любезные монахини. Здесь Флавию хорошо знали, она несколько раз помещала сюда важных свидетельниц. Некоторые потом приезжали в отпуск, а одна вообще приняла послушание и отправилась в миссию в Буркина-Фасо.

Утром Флавия позавтракала с аппетитом — еда была простая, но очень вкусная, — поработала с документами и газетными вырезками, которые вчера вечером передал Паоло. Очень хотелось курить, но она держалась.

Продолжая размышлять о деле, она вдруг застыла, уставившись в пространство. До нее наконец дошло, почему не сходятся концы с концами. Потому что нельзя соединить несоединимое. Дело распадается на две части.

Часть первая: Саббатини похищает картину и готовит акцию на холме Яниколо, на пятницу двадцать пятого мая, чтобы привлечь внимание общественности к делу об убийстве его сестры. Все просто и ясно.

Вторая часть: выкуп. Здесь можно было бы представить, что он собирался сыграть на контрасте. Мол, картину спасли, а человеческую жизнь нет. Но Саббатини не требовал выкупа.

«Представь, что ты на Яниколо, — сказала себе Флавия, намазывая маслом еще один рогалик. — В пятницу. Прибыли телевизионные репортеры с камерами и публика. Затем следует выход Саббатини. Какая-то возмутительная акция. Ну и что? Это будет ужасно

или забавно, в зависимости от того, что он исполнит. Саббатини арестовывают. А дальше?»

Значит, там вероятно участие Елены Фортини. Флавию смущало, что ее впечатление от этой женщины расходилось с тем, что рассказал журналист. Неужели она не может отличить черного от белого? Она встречалась с очаровательными людьми, однако они впоследствии оказывались махровыми жуликами. Но это совсем другое дело. Если верить Доссони, то Елена была хладнокровной жестокой убийцей. А атмосфера домашнего уюта, которую Флавия остро ощутила в ее жилище? Неужели жестокие убийцы с такой любовью гладят одежду своих детей?

С Доссони вообще ничего не понятно. Бывший экстремист. Порвал с прошлым, но поддерживает старые знакомства. Ну и что? Журналист должен иметь связи на все случаи жизни. Но почему на него нет досье? Итальянская полиция имеет досье на всех, кто в те времена проявлял какую-либо активность. И получить их не трудно, если попросить нужных людей. Паоло собрал информацию на Саббатини, Фортини, даже Ди Лану, но по Доссони нет ничего. Любопытно.

Если бы все было как прежде, она бы просто сняла трубку и позвонила куда надо. Но теперь подобный интерес обнаруживать нельзя.

Флавия допила кофе. Решила посоветоваться с врачом, можно ли его пить. К тому же, кажется, у нее уже начали отекать ноги. Она сказала монахиням, что останется здесь еще на ночь, и вышла на яркое утреннее солнце. Ее путь лежал в Ватикан.

* * *

Предъявлять служебное удостоверение было неразумно. Ватикан очень придирчиво относится к государственным служащим, поэтому Флавия представилась частной посетительницей и позвонила по внутреннему телефону. Минут через десять в приемную шумно ворвался Альдо Моранте, обнял Флавию и поцеловал совсем не так, как можно ожидать от католического священника.

Думая об Альдо Моранте, невозможно было сдержать улыбку. Даже сейчас, по прошествии многих лет, он по-прежнему был похож на актера, плохо играющего роль священника. Чересчур крупный, чересчур жизнерадостный, чересчур шумный и наверняка нарушающий обет безбрачия. И тем не менее Альдо был священником. Пятнадцать лет назад он переметнулся из коммунизма в католицизм, минуя обычный период акклиматизации. «Зачем терять время? — признался он однажды в разговоре с ней. — Мы все когда-нибудь снова опустимся на колени».

Но когда-то Альдо Моранте был известным радикалом. Без его участия не обходился ни один митинг. Он произносил пламенные речи в мегафон, писал памфлеты, призывал народ к борьбе. Их матери были подругами. В детстве Флавия и Альдо дружили, хотя он был на десять лет старше. Теплые отношения сохранились и по сей день. В свое время его не смутило даже то, что она начала работать в полиции. Флавия имела возможность наблюдать за происходившими с ним метаморфозами. Вначале мальчик-певчий, потом пламенный

революционер, затем католический священник. Получил приход. Работа показалась ему скучной, и он перешел в Ватикан, где сделал головокружительную карьеру. Теперь Альдо занимал должность помощника министра иностранных дел.

Он вел ее по коридорам в свой кабинет, демонстративно обняв за талию. Флавия не удивлялась. Ее друг был большой любитель покрасоваться.

— Что тебе нужно? — быстро спросил он, плотно прикрыв дверь. Актерство закончилось. Теперь это был сосредоточенный деловой человек, не желающий терять время на пустую болтовню.

— Помощь, — ответила она ему в тон. — Срочная.

— Давай. Выкладывай.

И она выложила. Все, от похищения картины до сотрудников службы внутренней безопасности, дежуривших у ее дома.

— Если я правильно тебя понял, — произнес Альдо, когда она закончила, — ты подозреваешь Этторе Доссони в двурушничестве, потому что он попытался опорочить эту женщину, которая тебе понравилась. К тому же она раньше тебя заметила, что ты ждешь ребенка.

— Верно, — промолвила Флавия, — но лишь частично. В полиции нет на него досье, он утверждает, будто разговаривал по телефону с Саббатини, но об этом тоже не известно.

Альдо улыбнулся:

— Флавия, я тебя поздравляю. Не сомневаюсь, ты станешь очень хорошей матерью. Пусть за первенцем

последует по меньшей мере еще пяток. Крестить их всех буду только я. А насчет Доссони... да, помню. От него всегда чем-то пахло.

— И до сих пор пахнет.

— Тут дело не в личной гигиене. Тогда это было модно. Дезодоранты считались атрибутом капитализма. Я говорю о том, что в Доссони всегда чувствовалось что-то противное. Это замечали многие.

— В каком смысле?

— Понимаешь, дорогая, я священник и просто так, без всяких оснований, дурно думать о людях не могу. Придется просмотреть материалы.

— Какие?

— Дитя мое, ты в Ватикане. Мы знаем все. Наша разведывательная служба никогда не уступала итальянской. Мы до сих пор обмениваемся информацией с соответствующими государственными органами и сравниваем с тем, что получили из своих источников.

— И у тебя есть доступ к таким материалам?

— Конечно. Пока я — сеньор, но в следующем году стану монсеньором.

— Поздравляю.

— Спасибо. Буду носить красивую малиновую шапочку. Мне очень идет этот цвет. Что касается материалов, то показать их тебе я не могу. Они секретные. Закон есть закон. Но я с ними ознакомлюсь и постараюсь ответить на вопросы. А ты пока можешь посмотреть наши картины.

— Я их уже видела, — улыбнулась Флавия. — Много раз.

Альдо взмахнул рукой:

— Я имел в виду не музей Ватикана, а специальное хранилище, куда публику не допускают.

Он провел ее по коридорам в заднюю часть дворца и открыл дверь:

— Заходи. Я потом тебя заберу.

«А ведь Альдо может стать кардиналом, — подумала Флавия, глядя ему вслед. — Впрочем, зачем себя ограничивать? Он прекрасно будет выглядеть в белом».

Начав ходить по залам, она забыла обо всем. Два часа пролетели, как мгновение. По сравнению с этим собранием музей Ватикана выглядел второразрядным. Флавии хотелось, чтобы сейчас здесь находился Аргайл. Он наверняка молчал бы несколько дней, переполненный впечатлениями, а затем разразился пространными комментариями.

Особенно важно, чтобы Аргайл увидел «Успение Девы Марии». Флавия не так хорошо разбиралась в живописи, как он — нельзя даже сравнивать, — но эту картину знала. Вернее, лицо Девы Марии. Оно было тем же, что и на картине, висевшей у Боттандо над камином. То же одеяние, тот же размер панели. Спутать невозможно. Очевидно, картины составляли части триптиха, изображающего жизнь Богоматери. У этой — приличная рама. Сохранились даже железные петли, связывающие ее с большей центральной панелью. Но кто автор? Надпись отсутствовала. Жаль. Теперь Флавия поняла азарт Аргайла.

— Наслаждаешься? — раздался сзади голос Альдо. — Я не сомневался, что тебе понравится.

— Что это за картина? – спросила она.

Он пожал плечами:

— Понятия не имею. Не моя компетенция. Я занимаюсь иностранными делами.

— А кто знает? Как она тут появилась?

Альдо улыбнулся:

— Здесь собраны картины, полученные... не совсем законно. Вот почему их не показывают публике.

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что не надо задавать вопросов, — резко ответил он. — Посмотрела, и довольно. — Он обнял Флавию за плечи. — Пошли займемся делом.

Они вернулись в кабинет.

— Твой Доссони, — сообщил Альдо, — был полицейским информатором. Классический провокатор.

— Неужели?

— Да. Лицемерный двурушник. Думаю, он до сих пор на службе.

— А Ди Ланна? Там есть какой-нибудь материал?

— Обширный. Бóльшую часть ты знаешь. Из нового лишь то, что вначале он вкладывал деньги в христианских демократов, чтобы вытащить Болонью из-под влияния коммунистов. Очень многое связывает его и с нашим дорогим премьер-министром. Тот должен быть ему бесконечно благодарен.

— А насчет того следователя и дела об убийстве Марии Ди Ланны?

— Почти ничего. Только газетные вырезки.

— Что-нибудь еще?

— Все. Ты разочарована?

— Конечно, я рассчитывала на большее, но и этого достаточно. Спасибо.

— Рад был помочь.

«Куда ты запропастился, Джонатан Аргайл?» — думала Флавия, стоя в переполненном автобусе. Исчез, когда очень нужен. Сейчас бы выслушал, дал советы. Некоторые бесполезные, кое-какие дельные, однако всегда помогающие привести в порядок мысли в голове. Стимулировал ее логическое мышление только он да Боттандо.

Дома телефон по-прежнему не отвечал. Флавия позвонила генералу, но и того след простыл. В общем, эти двое, единственные, на кого она могла положиться, ее покинули. Да еще в столь ответственный момент. Флавия решила выместить злость на сидящем перед ней прыщавом юнце.

— Тебя не учили, что нужно уступать место беременным женщинам? — внезапно рявкнула она.

Он поднялся, весь красный, и начал быстро пробираться вперед, бормоча что-то под нос.

— Спасибо, молодой человек, — сказала Флавия и села. Хорошо, что в Италии пока сохранилось уважение к матерям.

Флавия сбросила туфлю и пошевелила пальцами. Итак, Доссони. Левый радикал, полицейский информатор и журналист. Скорее всего Маурицио Саббатини ничего не знал, иначе не связался бы с ним.

Но Альдо намекнул, что многие это подозревали. Нет, Саббатини не был настолько глуп, чтобы довериться провокатору. Следовательно, о краже картины Доссони узнал не от него. От кого же? От директора музея? Маловероятно. Оставалось лишь одно место, откуда он мог получить информацию.

Автобус подъезжал к ее остановке, и Флавия с ужасом обнаружила, что туфля не налезает. Она подхватила ее и на одной ноге запрыгала к двери.

16

Мэри Верней была по-прежнему красива. Пожалуй, годы лишь слегка ее иссушили. Она принадлежала к тому типу женщин, которые с возрастом становятся еще симпатичнее. Одета, как всегда, немного странно — вокруг головы что-то обмотано, видимо, от солнца. Впрочем, сейчас Мэри находилась дома. Когда же показывалась на публике, то всегда выглядела в высшей степени элегантно.

Многолетний опыт приучил ее ко всяким неожиданностям, но, увидев Аргайла, она немного растерялась. Правда, быстро оправилась. Подставила обе щеки для поцелуя, не переставая восклицать, какой это замечательный сюрприз, как она рада, проходите, садитесь и так далее.

Улыбаясь, Аргайл поднялся по четырем стертым ступенькам на веранду, где его представили гостю. Впрочем, это было излишним.

— Добрый день, Джонатан, — произнес Таддео Боттандо, вставая из-за стола. — Какая встреча! Вы по делу?

— Да вот, прогуливался и решил заглянуть... — начал Аргайл. — Нет. Я прибыл по делу. Меня интересует ваша картина, и вы двое можете мне помочь. С трудом вас разыскал. Сначала заблудился, заехал в другую деревню. Пообедал в чудесном маленьком ресторанчике на площади. Очень милом. Посмотрел церковь. Вы там бывали? Великолепный запрестольный образ. Понравился необыкновенно.

— Много раз, — ответила Мэри Верней, набираясь терпения. — Вы один?

— Что вы сказали?

— Где ваша жена?

— Флавия?

— А что, у вас есть еще какая-то?

— О нет. Только одна. По-моему, вполне достаточно. Она в Риме. Погрязла в деле о краже картины из Национального музея. Немного приуныла.

— Почему?

— Честно говоря, не знаю. В последнее время ей немного нездоровилось. Расстроена. Ворчит. Думаю, она обнаружила то, что генералу Боттандо было давно хорошо известно. Начальники не лучше воров. Только с ними сложнее.

— Я ей это объяснял, — промолвил Боттандо со слабой улыбкой.

— Но все время оберегали от непосредственного опыта, — заметил Аргайл. — А теперь ваш уход и то,

как это произошло, лишили Флавию последних иллюзий. А возня с картиной ее совсем доконала.

Боттандо сокрушенно покачал головой.

Аргайл воодушевился. С официальной частью беседы покончено. Мэри Верней ободряюще улыбнулась и налила бокал вина. Он выпил, подумав, что, наверное, зря. Сегодня и без того выпито достаточно.

— Я приехал поговорить о вашей картине, генерал, и о том, что с ней связано.

Если бы Аргайл не испытывал сейчас сильного напряжения, то, несомненно, порадовался бы за них, что они нашли друг друга.

Превосходная во всех отношениях пара, если не принимать во внимание, что бо́льшую часть жизни Мэри Верней занималась кражей картин, а Таддео Боттандо — их розыском. Оба добрые, умные, прекрасно подходят друг другу. И наконец, оба одиноки.

— Так вот, — заключил он, — похищение этой картины...

— Ну давайте же, Джонатан, не тяните, — произнесла Мэри Верней с раздражением. — Я знаю, вам нравится изображать рассеянного ученого, но вы, кажется, чуточку перестарались. Объясните, зачем пришли.

Аргайл посмотрел на нее, размышляя, не обидеться ли, но решил, что она права.

— Вилла «Буонатерра». Шестьдесят второй год.

На их лицах отразилось удивление, убедившее Аргайла, что все его умозаключения верны.

— Загадочное преступление, — продолжил он. — Одно запаковано в другое. Меня смущает здесь некое

обстоятельство. Но вначале факты. Человек похищает картину. Причина никак не связана с деньгами. Он ее прячет. Затем появляется Мэри Верней и крадет у него картину. Первую часть я знаю наверняка, о второй догадываюсь. Прекрасная задумка. Вор не может предъявить претензий, а полиции не придет в голову, что такое возможно. Ведь у вас есть алиби. В момент похищения картины вы были здесь, в своем доме. Меня смущает факт, что картину вернули владельцу. Так профессионалы не поступают. Это противоречит здравому смыслу. Если бы за нее заплатили выкуп — крупную сумму, тогда другое дело. С деньгами возиться проще, чем с картиной. Пристроить ее не всегда просто. Но выкупа не было. Зачем же вы ее вернули?

Не очень удачное выступление, подумал Аргайл. Он намеревался блеснуть проницательностью, а выдал банальщину. Странно, но это сработало. Сказанное произвело должное впечатление.

Боттандо решил уступить лидерство Мэри Верней: вероятно, ему было легче задавать вопросы, чем отвечать.

— А почему вас заинтересовала эта картина? — спросила она.

— Хотел сделать подарок генералу по случаю ухода в отставку, — грустно промолвил Аргайл. — Он не считал картину особо ценной, и я собрался проверить, вдруг она чего-то стоит. Флавия говорила, что генерал уходит немного раньше и что поэтому пенсия у него будет ниже максимальной. Если бы мне удалось дока-

зать авторство картины, он выручил бы за нее значительные деньги.

— Как любезно с вашей стороны.

— Но потом одно стало наслаиваться на другое. Возникло множество вопросов. Я серьезно заподозрил, что картина имеет огромную ценность. Незадолго до своей кончины Буловиус намекнул, будто это несомненный шедевр, причем, совершенно неизвестный. Но доказательств не привел. Я не оставляю надежды их найти. Что касается вас двоих, вы тоже играете во всем этом какую-то роль, которая пока для меня остается непонятной.

— Ну что же, — Мэри Верней улыбнулась, — я могу вам ее прояснить. Налить еще вина?

— Нет, спасибо.

Она пожала плечами, ненадолго задумалась и начала рассказывать.

— Мне ужасно жаль молодых. Что их жизнь по сравнению с нашей? Куда ни пойди, всюду одинаковые заведения быстрой еды, которые, кажется, придумали в Канзасе и теперь распространили по миру. Во времена моей молодости все стоило невероятно дешево, найти работу легко, а заграница была настоящей заграницей. И люди были доверчивыми. Ведь теперь редко в церквах нет видеокамер. Наблюдают, как вы совершаете коленопреклонение, на всякий случай. Я рада, что провела молодость в период, когда цивилизация достигла высшей точки развития. Мне, разумеется, не удастся досидеть до конца этого спектакля, но, уходя,

я не стану сожалеть, что упускаю что-то интересное. Разве только... — Она замолчала и покосилась на Ботандо. — Да, с конца пятидесятых до конца шестидесятых жизнь была восхитительной. Возраст плюс избирательность памяти приукрашивают прошлое, но все равно это был короткий период, когда богатство еще не означало безвкусицу, свобода не опустилась до уровня потакания своим желаниям, а жажда свежих впечатлений не сводилась к постоянному поиску новизны.

Как вам известно, я занялась делом, очень мне подходящим, с приличным доходом. И одновременно ощущала себя в высшей степени порядочной. Мечтала, как и любая девушка, выйти замуж, завести двоих детей, иметь симпатичный домик с небольшим садом, где будут расти розы. В моем воображении иногда даже возникал утренний кофе с подругами. Свою лепту тут внесло и детство, которое очень счастливым никак не назовешь. Потом я встретила Джека Верней и вышла за него замуж, зная, что он мне не подходит. Джек был милым, но уж очень скучным. Кроме гольфа, его, кажется, ничто не интересовало. К счастью, он много ездил, что давало мне полную свободу. Во время одной из его длительных отлучек я ухитрилась купить этот дом. Он обошелся мне всего в сто пятьдесят фунтов, и я продолжала мечтать, как стану растить здесь детей, когда они появятся. Вскоре открыла счет в швейцарском банке.

Начинала я не очень успешно. Первая картина вообще не принесла денег, потом довольно долго заработанного хватало лишь на то, чтобы свести концы с

концами. Профессионализм появился позднее, когда я развелась. А в шестьдесят втором году все только начиналось. Этторе Финци выдал одному дилеру заказ, а тот связался со мной. Нужно было добыть с виллы Стоунхауса «Непорочное зачатие». Считалось, что там две картины, но вначале надо было взять первую.

— А где вторая?

Мэри пожала плечами:

— Не знаю. Ее там не было. Так вот, я собиралась в Италию и мне показалось, что это не трудно. Орудовать в частных домах в те времена было легко. Заходи и бери. В общем, я согласилась. Мне организовали приглашение на виллу. О том, какая это картина, я понятия не имела. И до сих не имею. Финци был уже старым и больным. Не знаю, о чем он думал. Я слышала о его давнем соперничестве со Стоунхаусом, но, кроме описания картины, мне больше ничего знать не следовало.

Значит, я приехала, устроилась, начала готовиться. А потом появился идиот Буловиус и все испортил. Он буквально не давал мне прохода. У меня даже не было возможности спокойно высморкаться, не то что украсть картину. Но не это главное. Буловиус, видимо, решил показать Финци свою добродетель. Он давно втерся в доверие к старику, наверняка прослышав о завещании, и ему пришло в голову преподнести Финци картину. Продемонстрировать преданность, тем самым обеспечив себе место в нужном списке. Не сомневаюсь, вам он представил свои мотивы совсем в ином свете.

А я уже все подготовила. Разработала план. В конце подъездной дорожки меня должен был ждать курьер, которому я передам картину. На это ушло бы несколько минут. Другой курьер заберет ее из камеры хранения на вокзале и вывезет из страны. Стоунхаус пригласил меня на ужин, я намеревалась отлучиться на пять минут, взять картину, передать курьеру и вернуться к еще не остывшему пудингу. Накануне переночевала у себя в доме, а когда прибыла утром на виллу, картина исчезла. Дело расследовали двое полицейских, а у Буловиуса был такой вид, что не надо даже вешать на грудь табличку «Это сделал я». Мне с трудом удалось подавить желание потребовать, чтобы он ее вернул. Что касается полицейских, то я не думала, будто они могут составить мне какую-либо серьезную конкуренцию. Начальник... как его фамилия?

— Таренто, — подсказал Боттандо.

— Да, Таренто. Пародия на сыщика. Тупой, как пробка, но добрый. — В этом месте логическая конструкция Аргайла впервые дала трещину. — А к Таддео относился, как родному сыну. — Конструкция накренилась, угрожая обвалиться. — В общем, я не предполагала, что здесь есть о чем беспокоиться. И ошиблась. Недооценила Таддео. Во всех отношениях. Увидела, как он смотрит на Буловиуса, и начала заводить разговор, чтобы понять, что у него на уме. И неожиданно... влюбилась без памяти.

Вот уж этого я от себя не ожидала. Всегда считала, что у меня к романтике устойчивый иммунитет. И вдруг влюбилась, да так сильно, что просто не верилось. Боже, какой я тогда чувствовала себя дурой! Была уверена, что Боттандо испытывает ко мне лишь профессиональный интерес. Он следил за мной, как коршун за добычей. Я думала, в полиции на меня заведено досье, и они знают каждый мой шаг. Единственное, что мне тогда не приходило в голову, что с ним может случиться то же самое.

Пришлось поехать во Флоренцию, чтобы предупредить курьера. Я ужасно переживала. Все время оглядывалась, не следят ли, но все равно проворонила. Иду уже после встречи и вижу: навстречу двигается Боттандо. Я чуть в обморок не упала. А он подходит, говорит, что сейчас не на службе, и предлагает прогуляться. Как вам это нравится? Стал меня расспрашивать о том, о сем, как потом выяснилось, без всякой задней мысли. А я решила, что это допрос. Мы гуляли, заходили в одну церковь, другую, в музеи, в дворики, сворачивали на узкие улочки. У вас с Флавией тоже такое было, я знаю. Делиться с любимым человеком радостью маленького открытия, живописным видом или картиной. Что может быть лучше? Никогда прежде я не чувствовала себя такой счастливой. Позвольте мне не вдаваться в подробности. Скажу лишь, что мы приехали сюда, в этот домик, и провели здесь восхитительный уик-энд. Жаль, конечно, что Таддео служил в полиции.

Но от картины я не отказалась. Продолжала наблюдать за Буловиусом и заметила, что он всякий раз менялся в лице, когда садился на тот диван. На следующую ночь, дождавшись, когда все улягутся спать, я вытащила картину, положила в сумку и вышла в сад. Пря-

мо в объятия Таддео. Оказывается, он караулил здесь несколько ночей. А в ту ночь была красивая полная луна. Я не увидела на его лице удивления. «Поздравляю, — произнес он. — Ты ее нашла». Я попыталась что-то объяснить, но он меня прервал: «Не надо, я все знаю. Сегодня вечером ты случайно обронила сережку, искала ее, заглянула под диван и обнаружила картину. Взяла и решила отнести в полицию. Но как все объяснить мистеру Стоунхаусу? — спросил он. — Ему не понравится, что ты намеревалась без его ведома вынести ее из дома. Он может рассердиться и вообще заподозрить тебя в соучастии». Я ответила, что с его стороны это было бы черной неблагодарностью. И тут он предложил мне другой план.

Утром мы нашли сумку в канаве. Нашел, конечно, Боттандо, а я засвидетельствовала. А потом под бурные аплодисменты картину передали владельцу. Для меня это был шок, в тот же день я уехала в Англию и некоторое время даже не вспоминала об Италии. Первый заказ здесь я взяла лишь через десять лет. Потом, когда коллекция Стоунхауса была выставлена на аукцион, я увидела в каталоге эту картину, купила и послала Таддео как маленький подарок на память. Приложив товарный чек, чтобы он не беспокоился. Когда мы снова встретились, мне было приятно, что она висит у него в гостиной.

Только представьте, долгие тридцать пять лет мы любили друг друга. Трудно поверить, но это так. Любовь оказалась сильнее времени. И мы решили больше не расставаться. Я уже давно бросила все дела, он ушел в отставку. Теперь нам ничто не мешает.

Мэри замолчала. Боттандо сидел, потягивая вино из бокала, улыбаясь и ласково посматривая на нее. Аргайл понимал, что означают подобные взгляды, ведь сам именно так смотрел на Флавию. Он вдруг осознал, что стал свидетелем человеческой драмы. Воссоединение любящих сердец после долгой разлуки. Настоящее чудо.

Нет, портить жизнь он им не собирался.

— Вы знаете, — сказал он, поглядывая на солнце, которое опускалось за деревья, — Флавия всегда говорила о вас с восхищением.

— Приятно слышать.

— Однажды она заметила, что от всех «специалистов» по картинам вас отличает одно качество.

— Какое?

— Строгая самодисциплина. Большинство из них попадаются из-за лени, это ее слова, не мои. Какой-то метод срабатывает, и они используют его снова и снова. Вы единственная блистали бесконечным разнообразием. Постоянство здесь можно проследить лишь в том — и на это в свое время обратил внимание генерал Боттандо, — что ни одна из похищенных вами картин не была сфотографирована и ни одна до сих пор не возвращена владельцам.

— У каждого мастера есть свое личное клеймо, — отозвалась она.

— Похоже, что так, — с легкой горечью согласился Аргайл.

17

Мысль, что она поделилась секретом с человеком, связанным со спецслужбами, повергла Флавию в уныние. Перед тем как сесть в машину — хорошо, что ключи всегда были с собой, а не дома, — она все тщательно проверила внутри и снаружи, особенно бензобак.

С машиной, кажется, все в порядке. Флавия быстро отъехала и начала кружить по переулкам. Внезапно останавливалась, делала запрещенные развороты, тормозила на улицах с односторонним движением. Все это, чтобы убедиться, нет ли преследования. Потом вырулила на автостраду. Здесь тоже пришлось часто останавливаться, но уже потому, что ее укачивало.

В зеркале заднего вида ничего подозрительного не возникало, и Флавия постепенно успокоилась. Путь оказался длиннее из-за частых остановок. В Сиену она прибыла в три часа. Поставила машину в районе Ла Лизза, вдалеке от туристических маршрутов, пораз-

мышляла, правильно ли поступает, и направилась к школе, где преподавала Елена Фортини.

Здесь размещались также курсы иностранных языков, на которых занимались главным образом начинающие бизнесмены. Елена сейчас проводила занятие в одной из таких групп. Пришлось подождать двадцать минут. Флавия посидела, походила по школе, почитала объявления в вестибюле.

Наконец прозвенел звонок. Появилась улыбающаяся Елена Фортини.

— Я рада, что вы не назвали дежурному свое ведомство.

— Мы можем пойти куда-нибудь побеседовать?

Елена кивнула:

— Давайте прогуляемся. Сегодня прекрасный день. Не возражаете?

Флавия не возражала. Они погуляли минут десять, но вскоре у нее начали уставать ноги. Пришлось зайти в отель, где она останавливалась много лет назад. Женщины устроились в тени небольшой крытой аркады, заказали холодные напитки и кофе. Кругом была такая красота, что говорить о серьезном не хотелось. Просто посидели, помолчали. Флавия все думала, обманула ее интуиция насчет Елены или нет.

Проверить можно лишь единственным способом.

— Я прочла досье на вас и Саббатини, — произнесла она. — Оказывается, ранее вы были известны своей исключительной жестокостью. Саббатини ничего не планировал сам. Все трюки для него разрабатывали вы, всегда оставаясь на заднем плане. В прошлый раз вы

заявили, что не имели с ним контактов свыше десяти лет. Это неправда.

Елена улыбнулась:

— Можете доказать?

— Если понадобится. В феврале он звонил вам на работу. Это зафиксировано.

— И как же зафиксировано?

— Вы хотите сказать, как его засекли, если он говорил по телефону-автомату? Просто. Саббатини проявил беспечность. Использовал кредитную карточку.

— Но это не означает, что я с ним беседовала. У меня мог быть урок.

— Это легко проверить.

— Я могла в это время выйти выпить кофе.

— Телефонный разговор длился тринадцать минут.

— Наверное, я забыла. Извините, выпало из памяти.

— А Этторе Доссони?

Елена едва заметно насторожилась:

— При чем тут Доссони?

— Он утверждает, что вы очень опасная террористка.

— В таком случае, общаясь со мной, вы сильно рискуете.

Флавия усмехнулась:

— Доссони теперь журналист. Он позвонил мне вскоре после похищения картины. Недавно мы встречались, и он сообщил, что Саббатини просил обеспечить гласность его акции. Вскоре я убедилась, что он лгал.

— Очень интересно. Продолжайте, пожалуйста.

— Доссони — полицейский провокатор. Думаю, он и сейчас связан со спецслужбами. Вот откуда у него ин-

формация о краже картины. Его звонки были проверкой, скорее всего по их заданию, чтобы убедиться, выполняю ли я предписание. А через два часа после нашего разговора у моего дома появилась их машина.

— Меня это не удивляет, — неожиданно серьезно промолвила Елена.

— Почему?

— Когда вы закончите, я все объясню. Если сочту нужным.

— Саббатини похитил картину в понедельник, а на пятницу, в годовщину гибели сестры, планировал какую-то большую акцию. В среду позвонили, потребовали выкуп. Через два дня я, вернее, мой коллега встречался на Аппиевой дороге с кем-то (тогда я еще не сомневалась, что с Саббатини), передал деньги в обмен на картину. Кажется, все. Но... — Она внимательно посмотрела на Елену. — Передать картину и взять деньги мог только Доссони или вы.

Елена Фортини сделала глоток из бокала и отрицательно покачала головой.

— Насчет Доссони не знаю, но относительно меня вы заблуждаетесь. В тот вечер, когда вы совершали обмен, у меня были вечерние занятия, они закончились после десяти. У слушателей курсов на следующий день был экзамен. Мое присутствие там подтвердят двадцать человек. Думаете, я сумела бы добраться до Аппиевой дороги за два часа? На своем старом драндулете?

— Вы обещали кое-что рассказать.

— Все зависит от того, как вы намерены поступить с моей информацией.

— Не знаю. Вначале я пыталась просто довести дело до конца, то есть добросовестно выполнить служебные обязанности, но затем все ужасно запуталось. Мне казалось, что дело в похищении картины, а теперь получается, что это всего лишь второстепенный эпизод какой-то серьезной драмы. Саббатини нет в живых, его сестры тоже, огромные деньги, заплаченные как выкуп за картину, бесследно исчезли. И начальство не хочет, чтобы я продолжала расследование. Почему?

— Если дело только в этом, то я не стану ничего рассказывать, — произнесла Елена. — Вы хотите, чтобы я рисковала ради вашего спокойствия?

— Речь идет не о моем спокойствии. Я могла бы арестовать вас как соучастницу, но не сделаю этого. Обещаю. Вы можете поступать как хотите. Допить кофе и уйти. Не будет никаких последствий, никаких рапортов. Ничего. Но если вы сообщите мне что-то полезное, вероятно, я сумею завершить расследование. Я обязана это сделать как честный человек.

Елена надолго задумалась, глубоко вздохнула и заявила:

— Похищение Марии Ди Ланны организовала я. Это содержится в моем досье?

— Конечно, нет.

— Когда арестовали Маурицио, я очень волновалась. Парень он был слабохарактерный и наверняка выдал бы все, что знал. Стоило им чуть надавить. Нужно было придумать что-то, чтобы заставить его молчать. Похищение Марии показалось нам самым подходящим средством. Она мне понравилась. Добрая,

симпатичная и наивная. Среда ее испортила, но не окончательно. Вначале Мария, естественно, была сильно напугана, но мы ее успокоили. Сказали, что она пробудет у нас всего неделю. Нам было важно, чтобы о ее похищении узнал Маурицио. Но за день до того, как мы собирались ее отпустить, нагрянула полиция. Меня там не было. Мария попросила кукурузных хлопьев, и я пошла в магазин. Мы намеревались устроить прощальную вечеринку. Я купила торт. Представляете? — Елена тряхнула головой. — И даже карнавальные шапочки. Но вечеринка не состоялась. Возвращаясь из магазина, я увидела полицейские автомобили и спряталась в тени, откуда было видно все. Штурм, стрельба. Всех моих пятерых товарищей убили за несколько минут. Странно, но они почему-то не отстреливались. — Елена посмотрела на Флавию. — Вижу, вас это не удивляет.

— А что здесь удивительного?

— То, что их не пытались арестовать, стреляли на поражение. Но важно другое. Когда стрельба закончилась, я увидела Марию. Ее быстро вывели из дома и посадили в автомобиль.

— Она была жива? Вы уверены?

— Жива и невредима. Когда ее вели к машине, она заметила меня на противоположной стороне улицы. Наши взгляды встретились. Я была уверена, что она сейчас укажет на меня, собиралась бежать, а она... Знаете, что сделала Мария? Она мне грустно улыбнулась. А затем отвернулась и села в машину.

Елена замолчала, видимо, вспоминая ту улыбку. Тихонько забарабанила пальцами по мраморному столику.

— А на следующее утро читаю в газете о гибели Марии Ди Ланны в автомобильной катастрофе. Сразу же поползли слухи, будто ее убили террористы. Как полиция пронюхала о нашей квартире, осталось тайной. Я залегла на дно. Два года было спокойно, но потом меня все же арестовали. Прошло какое-то время, и вдруг вызывают на допрос к судебному следователю Балесто, который продолжал расследовать это дело. Скорее всего его навел Маурицио. Он догадывался, что я имею отношение к похищению Марии. Я пришла в ужас, начала готовиться к самому худшему, но следователь повел себя странно. Сказал, что никаких обвинений предъявлять не станет, если я все расскажу, как было. Я согласилась.

— Вы ему поверили? Почему? Это не согласуется с тем, что я знаю о вас, прежней.

— Вы правы. Я не очень верила, что он сдержит слово. Очевидно, вы найдете это странным, — Елена задумчиво улыбнулась, — но я чувствовала вину. Оказывается, за несколько дней я успела привязаться к Марии. Мне захотелось, чтобы восторжествовала справедливость. Во мне что-то необратимо изменилось. Наверное, потому, что тогда я ждала первого ребенка. Наступит время, и вы тоже это почувствуете.

Флавия кивнула.

— Встреча с Балесто изменила мою жизнь, — продолжила Елена. — Он был очень хорошим человеком. Настоящим героем. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Думаю, да.

— Не в пример мне, он верил в правосудие и был полон решимости его добиться. За это его смешали с грязью. А внешность у Балесто была совершенно негероическая. Невысокий, толстый. Но с большим достоинством. Человек кристальной честности. Я таких больше никогда не встречала. А вы?

— Одного, — отозвалась Флавия. — Он был моим начальником. Но вы правы, такие люди — редкость.

— В общем, я ему все рассказала. Он кивнул. Бóльшая часть была ему уже известна.

— Откуда?

— Балесто не сообщил. Через неделю его арестовали, сняли с должности, а все документы по делу изъяли.

— И теперь нет никаких доказательств?

— Есть. Балесто написал Маурицио письмо, попросил своего адвоката заверить и дал поручение после его смерти отправить адресату. В письме говорилось, что все эти годы он был вынужден молчать, поскольку угрожали его семье. Но незадолго до ареста он сделал копию со своего отчета о расследовании гибели Марии Ди Ланны. Там имеются все доказательства.

— Какие?

— Не знаю. Письмо заканчивалось словами: «Жить мне осталось совсем мало, поэтому бояться больше нечего. Если вас интересует мой отчет, вы можете его получить».

— И что в нем?

— Я не видела. Только письмо.

— Почему Саббатини показал его вам?

— Чтобы я перестала спать ночами. Заявил, что собирается мстить.

— Вам? — удивилась Флавия.

— Всем. Я фигурировала как второстепенная участница. Но вскоре Маурицио вдруг исчез. Я пыталась с ним связаться, но его телефон не отвечал, и он не реагировал на сообщения. А потом приехали вы, и я узнала о его смерти. Только не ясно, сумел ли он получить тот отчет.

— Он был у адвоката?

— Нет. Балесто очень давно передал какие-то важные материалы одному человеку. Фамилию я случайно запомнила — Боттандо. Адвокат говорил, что Балесто считал его единственным, кому можно доверять. — Елена посмотрела на Флавию. — В чем дело? Вы с ним знакомы?

Флавия кивнула. Она думала, что теперь ее уже ничем не удивишь, однако...

— Много лет он был моим начальником. Но продолжим. Вы сказали, что являлись второстепенной участницей. Я не поняла.

— Не поняли, о чем идет речь? Я поясню. Марию убили по приказу Антонио Сабауды. Да-да, именно того, кто занимает сейчас пост премьер-министра. А Маурицио своей акцией собирался свалить правительство.

— Откуда вам все известно, если вы не видели отчета Балесто? Политики способны на многое, но это уже слишком.

— Бросьте! — сердито воскликнула Елена. — Сабауда взлетел наверх благодаря борьбе с терроризмом и проведению операции по освобождению Марии Ди Ланны. Он сетовал на несовершенство законодательства, требовал от парламента более широких полномо-

чий и в результате получил все, что хотел. В том числе и покровительство семьи Ди Ланна, что помогло ему пережить кризисы последних двадцати лет. В тот период он был министром внутренних дел. Гибель Марии позволила ему закрутить гайки. Сабауда давно ждал благоприятного случая. Подумайте сами, Марию увезли его люди, а на следующий день она погибла. Кто же еще мог ее убить?

— Маурицио тоже так считал?

— Разумеется. Через несколько дней после освобождения из тюрьмы, — к этому времени Балесто уже сняли, — со мной встретились сотрудники спецслужб. Они заявили, что читали его отчет и знают о моей роли в похищении Марии Ди Ланны. Я должна радоваться, что осталась жива, но это легко поправить, если я хотя бы словом обмолвлюсь о данном деле.

— Почему они вас не тронули?

Елена пожала плечами:

— Потому что мои показания когда-нибудь могут оказаться полезными. Сейчас Сабауда наверху, и вроде все хорошо. Но времена изменятся, и его начнут валить. Тогда я стану очень ценной свидетельницей.

— Вы не думали скрыться где-нибудь за границей?

— Нет. Не было причины. А теперь тучи сгущаются. Пора собирать вещи.

— Я все равно не поняла, зачем Маурицио похитил картину?

— Вы сказали, Боттандо был вашим начальником? Маурицио хотел заставить его выдать отчет следователя. Угроза сжечь картину или что-то в этом роде.

— Нет, концы с концами не сходятся. Похищение из Национального музея картины, за сохранность которой дал гарантии сам премьер-министр, вряд ли помогло бы ему получить отчет следователя Балесто. Боттандо уже не занимался розыском пропавших картин. И как это соотносится с тем, что он планировал на пятницу?

Елена грустно улыбнулась:

— Связаться с ним не удалось, а остальное вам известно. — Она встала. — Больше меня не ищите. Я исчезаю отсюда навсегда.

18

Аргайл попросил у Мэри Верней мобильный телефон позвонить Флавии. Неприязнь к этим средствам связи не зашла у него настолько далеко, чтобы в случае необходимости отказываться ими пользоваться. Жена потребовала, чтобы он немедленно ехал к ней, но куда — не сказала. Аргайл ничего не знал о слежке, и скрытность Флавии поначалу его раздражала. Сообразил, лишь когда Флавия произнесла слово «трюфели». Он понял, что речь идет о небольшом ресторане на полпути между Флоренцией и Сиеной, где пару лет назад они провели несколько блаженных часов. Конечно, можно было выбрать место поближе, но Аргайл привык к ее маленьким причудам и погнал туда машину. Флавия заявила, что у нее важные новости. Он ответил то же самое. Каждый не сомневался, что его новости самые важные.

Когда они встретились и проговорили целый час, Аргайл согласился, что Флавия на целый корпус впе-

реди. Во-первых, беременность, во-вторых, слежка и, наконец, причастность премьер-министра Италии к убийству. А что у него? Мэри Верней и Боттандо любят друга и решили связать судьбы? Но все же Аргайл сумел прояснить один из ее вопросов. Почему следователь выбрал Боттандо.

— В шестидесятые годы, когда Боттандо работал во Флоренции, следователь заметил его и проникся симпатией. Написал несколько рекомендательных писем. Это есть в полицейском отчете, в архиве виллы «Буонатерра». Покровительство Балесто помогло Боттандо сделать карьеру. Он считал себя его должником. Впрочем, мы можем поехать и расспросить его.

— Давай. — Флавия посмотрела в окно и улыбнулась. — Но если честно, то мне бы сейчас хотелось на все плюнуть и забыть. К черту премьер-министра и убийство, совершенное много лет назад, к черту картину Клода Лоррена. Знаешь, о чем я мечтаю? Сделать ремонт в нашей квартире. Оклеить ее новыми обоями. Я думала об этом целый день.

— Неужели?

— Странно?

— Очень.

— Понимаешь, я столько лет работала без отпуска и хочу посидеть дома. Поливать цветы, ходить по магазинам.

— Так в чем дело? Бросай все. Увольняйся.

— Ты серьезно?

— Конечно.

— И что я буду делать? Рожу ребенка, пройдет какое-то время, а потом что? Кстати, любое выходное пособие, даже самое щедрое, когда-нибудь закончится.

Аргайл представил Флавию, с ее умом и энергией, обычной домохозяйкой и испугался.

— Мы можем открыть частное детективное агентство по розыску пропавших картин. Некоторые владельцы не желают обращаться в полицию. Привлечем Боттандо в качестве консультанта...

— И Мэри Верней, — добавила она с легким сарказмом.

— А что, ее опыт очень даже пригодится. Клиенты станут переводить на наш счет кругленькие суммы, а мы им взамен — эффективное и качественное обслуживание.

— Предполагаешь, что это будет легко?

— А разве нет?

— Нет. Думаешь, можно просто так побегать, позадавать вопросы и вытащить из шляпы украденную картину? Без полицейской базы данных и других материалов никогда ничего не сделаешь. И не надейся, что я или Боттандо очень долго сумеем использовать свои старые связи, чтобы добывать официальную информацию. У нас ведь уходишь, и все. Так что нам с Боттандо придется собирать крупицы.

— Ну это мы еще серьезно обсудим. И проблему переезда тоже.

— Какого переезда?

— Ребенку нужен свежий воздух.

— Ты готов уехать из Рима? В самом деле? — Флавия изумилась бы меньше, если бы Аргайл решил, например, поступить на военную службу.

— Не знаю. Но вот ты сказала о ребенке, и очень захотелось.

— Кстати, о ребенке. По-моему, ты никак не отреагировал.

— В каком смысле?

— А в том смысле, что рад ты или нет?

— Что значит рад... да я просто в восторге... в таком восторге, что...

Флавия улыбнулась:

— Прекрасно, прекрасно. — Она не привыкла, чтобы муж бурно выражал эмоции. — Теперь поехали поговорим с Боттандо.

Добрались они спокойно. Флавия дремала, мысли Аргайла занимали ее новостями.

Правильнее, конечно, было бы лечь спать, а все дела обсудить утром, однако они уютно расположились в креслах, наслаждаясь вечерней прохладой. Мэри зажгла на веранде свет, принесла сок для Флавии и вино для остальных.

Флавия поведала о своих невзгодах, сообщила все новости. Когда она закончила, Боттандо улыбнулся:

— Молодец. Прекрасно сработала. Я знал, что рано или поздно ты это раскусишь.

— Но почему вы сами не рассказали? Даже немного обидно.

— А потому что негодяй Саббатини меня шантажировал. Пригрозил сжечь картину, если я кому-нибудь проговорюсь. Я ознакомился с его досье и решил, что он чокнутый и сделает это. Главное было вернуть картину. Саббатини позвонил примерно через двадцать минут после твоего ухода (когда ты рассказала мне о встрече с премьер-министром). Заявил, что картина у него, и предложил обменять ее на материалы, которые передал мне следователь Балесто. Иначе он ее уничтожит. Я был потрясен, поскольку не вспоминал о конверте почти двадцать лет. Дело в том, что расследование Балесто было более или менее неофициальным, и он никогда не объяснял, в чем его суть. К тому времени мы стали большими друзьями. Он попросил меня взять на хранение конверт, я согласился, не задавая вопросов. В молодости Балесто мне очень помог. С тех пор мы поддерживали связь. Я заезжал к нему, когда появлялся во Флоренции, а он — ко мне в Рим. Это случалось примерно раз в год, иногда реже. Я положил конверт в папку и забыл. Там могло лежать завещание или еще что-нибудь. Потом наши встречи прекратились. Я пытался наладить контакт. Когда его начали преследовать, написал ему большое письмо с выражением сочувствия, но ответа не получил. Приехал к нему домой, но мне сказали, что его нет. Сделал еще несколько попыток, а потом обиделся и перестал докучать. Знаю, что он занялся адвокатской практикой и провел остаток жизни, защищая мелких воришек и превысивших скорость водителей. Ни с кем не встречался, порвал не только со мной, но и со всеми остальными друзьями.

— В письме к Саббатини он говорит, что его семье угрожали.

— Я этого не знал. Вероятно, он не хотел подвергать меня риску. В любом случае об этом конверте я вспомнил, когда идиот Саббатини возник со своими угрозами. Мне ничего не оставалось, как согласиться. Но я, конечно, вскрыл конверт, хотя это ничего не дало. Там содержался перечень банковских операций.

— Чьих?

— Понятия не имею. Анонимный счет в бельгийском банке, другой в Милане. Только номера, без фамилий. Деньги приличные, особенно в восемьдесят первом году. Между июнем и сентябрем пять траншей по двадцать пять тысяч долларов. Я не догадывался, зачем это нужно Саббатини, но такова была цена за картину Клода Лоррена. Я сделал ксерокопию всех материалов и направился в условленное место встречи на загородной аллее, примерно в двадцати милях к югу от Рима. Мне надо было остановиться на придорожной стоянке грузового транспорта, выйти из машины и ждать. Саббатини сработал очень умно, я от него не ожидал. Он прибыл в белом фургончике, открыл дверцу, чтобы показать картину. Я показал ему конверт. Он потребовал его вскрыть и, увидев банковские счета, просиял. Было ясно, что именно это ему и нужно. Когда я задал Саббатини вопрос о счетах, он наставил мне в грудь пистолет и ответил, что это я узнаю в пятницу. И умчался с конвертом, картиной и ключами от моей машины.

— Замечательно! — восхитилась Флавия.

— Как ты можешь вообразить, я немного расстроился, — продолжил Боттандо с грустью. — Не в последнюю очередь потому, что надо было идти к тебе и признаваться в собственной глупости. Я решил посмотреть, нельзя ли как-то подремонтировать повреждения. Вряд ли следовало рассчитывать, что он окажется дома или в своей студии, но привычка к скрупулезности заставила меня начать поиски там. Когда я подъехал к его дому, во всех комнатах горел свет. Мне пришлось ждать почти четыре часа. Потом свет погас, и из подъезда вышел не Саббатини, а некто низкорослый и толстый со свертком под мышкой. Он сел в черную «альфа-ромео» и исчез. Наверное, оттуда, подумал я и, немного успокоившись, направился к нему в студию. Там его тоже не оказалось. Последнее место, где мог находиться Саббатини, была галерея, где он изображал свой так называемый перформанс. Я нашел его в ушате с алебастром, мертвым. Сомнительно, чтобы парень отмочил со мной такую штуку, а затем приехал и сразу полез в алебастр. Мне показалось, что свет в квартире Саббатини и его присутствие в ушате как-то связаны. Уверен, его голову подержали под алебастром, пока он не захлебнулся. Насчет тебя, моя дорогая, я решил, что чем меньше ты будешь знать, тем лучше. И посоветовался с Мэри. Мы договорились держаться от всего этого подальше. Я не шутил, когда говорил, что не хочу рисковать пенсией. Вскоре потребовали выкуп. Я не понимал, кто этим занялся — и до сих пор не понимаю, — но тут по крайней мере все просто. Единственная моя забота была, чтобы ты не занималась непос-

редственно обменом. Это очень опасно. Мне совсем недавно направляли в грудь пистолет, и я считал, что за свою глупость должен расплачиваться сам, а не подставлять тебя. Очень рад, что удалось уговорить тебя остаться в машине. Дальше рассказывать особенно нечего, кроме, может, факта, что человек, который взял деньги и передал картину, не был похож на Саббатини. Но не спрашивай меня, как он выглядел, я не разглядел его.

Флавия, слушая генерала, постоянно отгоняла от себя мысли о виски и сигарете.

— Елена Фортини полагает, что Марию Ди Ланну убили по приказу Сабауды, и Маурицио собирался ему отомстить, — произнесла она после долгого молчания.

— Да, — отозвался Боттандо, — Саббатини намеревался привлечь внимание к этому обвинению тем, что сожжет картину. И он был прав, иначе бы его разоблачение замяли. Ни одна газета не захотела бы с этим связываться.

— Меня по-прежнему мучит вопрос, почему он взял именно эту картину.

— Очевидно, в ее сюжете он усмотрел определенные аллюзии на гибель своей сестры, — произнес Аргайл.

— Но в той истории счастливый конец.

— Нет, не счастливый.

— А Маккиоли сказал...

— Он запомнил более позднюю версию, возникшую в эпоху Возрождения. Там действительно все было в порядке. Но я порылся в справочниках, специально для

тебя. В первоначальном варианте Кефал пронзает бедняжку Прокриду своей волшебной стрелой. И все. Никакая богиня не появляется потом, чтобы ее воскресить.

— Вот как?

— Да. Значит, не такое уж бедное воображение было у Саббатини.

Генералу Боттандо уже давно бы наскучил разговор, если бы не теплый вечерний воздух и мягкий свет, заливающий веранду, создающий благостное настроение. Все четверо давно и хорошо знали друг друга и наслаждались безмятежным вечером, тихо беседуя. Голубовато-розовые полоски в небе уже потускнели, а тишину нарушал лишь стрекот цикад.

— Что касается Сабауды, не знаю. Нам всем было известно, что спецназ порой поступал не менее жестоко, чем террористы. Но утверждать, будто они действовали по его прямому приказу, нельзя. И вряд ли тут могут помочь сведения о банковских счетах. Может, об этом что-нибудь сказано в отчете, но мы его не видели и...

Боттандо замолчал, прислушался. Возникший вдалеке шум становился громче. Постукивание и рокот мотора означали, что к дому приближается автомобиль. Генерал посмотрел на Мэри, та пожала плечами:

— Я никого не жду.

Вскоре на дорожке показался потрепанный красный «фиат». Водитель остановил машину примерно в десяти метрах от крыльца и заглушил двигатель. Стало тихо и почему-то тревожно. Он вышел и с раздражением захлопнул дверцу.

Флавия вгляделась:

— Так это же Доссони.

— Кто?

— Журналист и полицейский информатор, — пояснила она, наблюдая, как потный Доссони рассматривает помятое крыло машины. Наверное, зацепился за что-то по пути. Даже издалека было видно, что он очень злой.

— Одно другого не лучше, — усмехнулся Боттандо.

Доссони пнул шину, развернулся и деловито направился к ним.

— У вас тут не дорога, а черт-те что, — проворчал он, поднимаясь по ступенькам.

— Да, — мягко согласилась Мэри, — в пригородах Милана дороги лучше.

Доссони недовольно хмыкнул.

— Как вы нас нашли? — спросила Флавия.

— Без особых трудностей. Просто подключился к вашему мобильному телефону, послушал, о чем вы говорите с мужем. И все. Есть такие маленькие симпатичные штучки. Кстати, сейчас они уже продаются в магазинах.

— И что вам надо?

— Ну, во-первых, узнать, где Елена Фортини.

— Не думала, что вам захочется с ней общаться. — Взгляд Флавии был прикован к блестящим капелькам пота на лбу Доссони. Освещенные мягким сиянием ламп, они делали его немного похожим на космического пришельца.

— Нужда заставила, — промолвил он.

— Думаю, она уехала. Неизвестно только куда.

— Надо же, не повезло.

— Могу я спросить, зачем она вам понадобилась?

Доссони вытащил из кармана пистолет с глушителем и смущенно уставился на него, словно удивляясь, как он там оказался.

— Я намеревался ее убить. — Доссони понизил голос до шепота, будто не хотел нарушать тишину. — Прошу меня извинить, но придется пока ограничиться вами четверыми.

Он нацелился на Флавию.

— Погодите, погодите, — запричитала Мэри с льстивыми нотками в голосе. Аргайл не сомневался, что она часто использовала такие интонации в трудные моменты. — Что значит — убить? Удивляюсь, почему вам пришло это в голову?

Примерно с полминуты Доссони прикидывал, стóит ли отвечать, затем решил, что вреда не будет.

— Понимаете, я хочу обеспечить гарантии, что определенные сведения не получат огласки. Для этого необходимо собрать в одном месте все имеющие отношение к делу документы, а носителей информации заставить навсегда замолчать. — Он улыбнулся. — Ну что, вам стало легче?

— О Боже! — Мэри Верней заломила руки. — Я совершенно ничего не понимаю. Какие документы, какие сведения? Заверяю вас, молодой человек, убивать нас нет смысла. Верно, Джонатан?

— Пожалуй, да, — угрюмо отозвался Аргайл.

— А я считаю, что следует, — произнес Доссони, по-прежнему не повышая голоса. Он был на удивление спокоен. Очевидно, этому способствовала домашняя атмосфера веранды, ну и, конечно, пистолет. — Я убил эту женщину и не желаю, чтобы подтверждающие документы попали в плохие руки.

— У нас нет никаких документов, — сказала Флавия.

— Разумеется, — согласился Доссони. Тон у него был почти извиняющийся. — Их я изъял у Саббатини. Но вы кое-что пронюхали, а значит...

— Вы ее убили? — изумилась Флавия.

— Да.

— Зачем?

— Мне приказали. А я выполняю приказы. То же самое я сделал и с Саббатини. А теперь вот, думаю, пришло время поработать и на себя.

— Кто вас навел?

— Извините, но это секрет.

— Скажите, молодой человек, — произнесла Мэри, — есть надежда, что нам удастся уговорить вас уйти?

— Сомневаюсь.

— Не делайте этого, прошу вас! — истерически воскликнула она, хватая со стула коричневый дипломат и заставляя Доссони перевести дуло пистолета на нее. — Пожалуйста, не надо. Вы пожалеете об этом, пожалеете. Вот, тут кое-какие деньги. — Она попыталась раскрыть дипломат. — Как раз сегодня утром генерал ходил в банк. Берите все. Здесь его пенсия за два месяца.

Доссони устало наблюдал за ее суетой, потом ему надоело. Он придирчиво оглядел пистолет, подошел сзади к креслу Аргайла и приставил дуло к его голове.

Джонатан закрыл глаза. Он испугался, но не так, как можно ожидать в подобной ситуации. Он не отводил взгляда от Мэри Верней. В ее глазах мелькала странная уверенность, они словно говорили: ничего, ничего, потерпи чуть-чуть, и все будет в порядке.

— Когда вы наконец замолчите, — сказал Доссони.

— Молодой человек, будьте осторожны, — продолжила Мэри тоном пожилой дамы, не сознающей реальной опасности. — Ведь он может нечаянно выстрелить. Помню, мой кузен Чарлз однажды чистил свое ружье. Это было в пятьдесят третьем... нет, нет, я ошибаюсь, в пятьдесят четвертом...

— Заткнись, идиотка! — рявкнул Доссони и перевел пистолет на нее.

Мэри издала сдавленный крик и уронила дипломат. По полу рассыпались бумаги. Она засуетилась, запричитала, начала их собирать:

— Ой-ой, это же важные документы...

Доссони решил, что с него хватит. Он медленно двинулся к ней, а Мэри вдруг подняла голову и, не сводя взгляда с нацеленного дула, три раза выстрелила ему в грудь из пистолета, который ухитрилась достать из дипломата Боттандо.

Раздался ужасающий грохот. Тело Доссони взлетело в воздух и рухнуло на Аргайла. Тот дико вскрикнул и начал лихорадочно выкарабкиваться. Успокоился, лишь перебравшись по другую сторону стола.

Вокруг снова установилась тишина, лишь звенели цикады. Под воздействием волшебного света на веранде красное вино в бокалах и быстро образовавшаяся лужа крови на полу создавали непередаваемый колорит. Аргайл вдруг совершенно не к месту вспомнил, что видел такой однажды на картине. Кажется, она называлась «Казнь Святой Екатерины на колесе». Венецианская школа. По части колорита венецианцы всегда были очень сильны. Джорджоне? Он попытался вспомнить, и тут ему наконец пришло в голову, что сейчас это совершенно не важно.

Боттандо и Флавия сидели молча. Возгласы «Боже мой» или «вот так-так» в данной ситуации неуместны, впрочем, как и все остальное.

Поразительным было поведение Мэри. Она быстро встала, пощупала пульс Доссони, проверила его карманы.

— Откуда у вас пистолет? — спросил Аргайл.

— Таддео забыл сдать, — ответила она. — Это, конечно, безобразие — оставлять его в дипломате заряженным, но, с учетом обстоятельств, мы его простим.

Она была необыкновенно спокойна. Пугающе спокойна. Твердой рукой налила всем вина. Вот что значит настоящий профессионализм. У Аргайла сильно дрожали руки, и он едва держал бокал.

— Не смотрите на меня так, Джонатан, — произнесла она строго. — Не надо. Вы думаете, он шутил? Или мог передумать? Нет. Вопрос стоял: либо он нас, либо мы его.

— Но...

— Что? Вы хотели, чтобы я выстрелом выбила у него из руки пистолет? Так у меня уже не то зрение. Я счастлива, что вообще попала. Понимаете, давно не практиковалась в стрельбе.

— И что теперь делать? — Он не переставал задавать вопросы, видимо, под воздействием шока.

— У нас есть выбор. Либо мы избавимся от тела...

— Либо?

— Позвоним в полицию.

— А если у него где-то там сообщники?

— Тогда придется принять бой. Но я уверена, что он был один. Думал взять нас нахрапом. Плохо работает парень, без выдумки.

Аргайл был потрясен. Мэри Верней разговаривала так, словно пристрелить человека для нее такое же обычное дело, как испечь яблочный пирог.

— Звонить в полицию по меньшей мере неразумно, — тихо произнес Боттандо. — Нам с Флавией придется поработать. Чтобы исключить возможные рецидивы. — Он посмотрел на нее.

Она сонно кивнула и поднялась.

— Да. Поехали.

— Куда? — спросил Аргайл.

— В Рим. Будем разбираться. Прежде всего встретимся с Ди Ланной. Сообщим о смерти убийцы его жены. Он единственный, кто сумеет нас защитить. Жаль, что мы не имеем достаточно веских доказательств.

— Одну минутку, — недовольно проговорил Аргайл. — А это? — Он указал на тело Доссони. — Это не может оставаться здесь.

Боттандо задумчиво посмотрел на мертвого негодяя:

— Вы правы. Вам придется его убрать.

— Я? Но почему я?

— Вы мужчина. Или вы считаете, что этим должна заниматься Мэри? — Он сурово взглянул на Аргайла. — И не надо выпендриваться, Джонатан. Если бы не она, на полу сейчас валялись бы вы с простреленной головой, а не Доссони.

Они наблюдали за исчезавшей в ночном мраке машиной, затем Мэри обратилась к Аргайлу:

— Ну давайте же, Джонатан, принимайтесь за дело.

— Я считаю ваше легкомыслие неуместным, — хмуро отозвался он.

— Но его действительно нужно убрать. Вы слышали слова генерала? Мне одной не справиться. Если утром зайдет бакалейщик, что я ему скажу?

— Давайте прежде выясним один очень важный вопрос. Где деньги?

— Какие деньги?

— Три миллиона долларов.

— Ах... эти деньги.

— Вот именно, эти.

Мэри внимательно посмотрела на него и глубоко вздохнула:

— В Швейцарии. Я отвезла их туда в прошлый понедельник, положила в банковский сейф.

— На свое имя?

— Естественно.

Примерно с минуту они стояли и смотрели друг на друга.

— Почему вы молчите? — наконец произнес Аргайл.

— А что говорить? Вы спросили, где деньги, я ответила.

— Как они к вам попали?

— Какой вы все-таки любопытный. — Мэри взяла бокал, глотнула вина. — К вашему сведению, очень просто. Таддео рассказал о намечающейся встрече с Саббатини, и я заволновалась. Тайком двинулась за ним на своем маленьком автомобиле и все видела. В том числе и то, как Саббатини отъехал в фургончике, оставив бедного Таддео с носом. Пока мой генерал скакал по автостоянке туда-сюда, я на почтительном расстоянии последовала за Саббатини. Он остановился у бензоколонки. Кстати, вы замечали одну особенность человеческого организма? Кажется, она универсальная. После стресса людям обязательно хочется посетить туалет.

Аргайл намеревался заявить, что его жизнь, к счастью, не изобилует серьезными стрессами, но передумал. Извинившись, он побежал к дому, где пробыл несколько минут.

— То же самое и с Саббатини, — сказала Мэри, когда Аргайл вернулся. — Он стремглав ринулся в туалет, а я угнала его фургончик.

Аргайл удивленно вскинул брови:

— Он оставил ключи?

Мэри улыбнулась:

— Нет, но фургончик был старым, и завести его для меня не составило большого труда.

— А потом вы втерли очки генералу, и он решил...

— Ничего подобного.

— Что? — До Аргайла не сразу дошло. — Вы хотите сказать, что он участвовал в этом? После стольких лет безупречной полицейской службы стал преступником?

— Джонатан! — воскликнула Мэри. — Неужели вам не стыдно говорить такие глупости? У нас просто не было выхода. Три миллиона долларов, да они нам и даром не нужны. Вы знаете, как справиться с таким количеством грязных денег?

Аргайл покачал головой.

— В наше время это непомерно сложная задача. К тому же деньги нам не нужны. У меня своих вполне достаточно, у Таддео пенсия. Запросы у нас скромные. Нет, нам пришлось взять эти деньги, поскольку мы не понимали, как выкрутиться. Саббатини убили, в его квартире уже побывала тайная полиция. Таддео догадывался, что убийца связан с делом о похищении Марии Ди Ланны, и не хотел в это влезать. Вы можете его за это винить, с учетом того, что произошло здесь? Если бы он возник с картиной, то пришлось бы объяснить, как она к нему попала. Проще было убедить всех, что ее похищали ради денег. Пусть думают, что у Саббатини был сообщник.

— Можно было рассказать об этом Флавии.

— Нет, Таддео делал все, чтобы убедить ее прекратить поиски. Если бы она поступила так, как ей советовали все — генерал, премьер-министр, Ди Ланна,

уверена, вы тоже ей это говорили, — тогда бы все было в порядке. А так мы сейчас влипли в неприятную историю.

— Ее нельзя за это упрекать. Она добросовестно выполняла свою работу.

— Я никого не упрекаю. Просто Таддео не мог взять и без объяснений принести картину в музей.

— Вы могли ее найти в канаве.

— Не глупите. Дважды подобный идиотизм не проходит. Давайте лучше наведем порядок на веранде.

— Секундочку, — твердо произнес Аргайл. — Я все понял. Действительно, вам пришлось имитировать получение выкупа. Но... — он заглянул ей в глаза, — деньги-то остались у вас. И возвращать вы их, похоже, не собираетесь. На Флавию вам наплевать. По вашей милости она осталась без работы. Боттандо откровенно ей лгал. Вызвался передать выкуп, возвратил картину. Разве это честно?

Мэри сделала гримасу, словно ей предстояло в третий раз объяснить тупому ученику простейшее правило.

— Джонатан, кому мы их можем вернуть? Ди Ланне? Нет уж, извините. В конце концов, картина найдена. Заслуга в этом принадлежит лично мне. А я, знаете ли, не привыкла трудиться задаром.

— И Боттандо согласился?

— Да. Конечно, пришлось с ним побеседовать. Даже самый честнейший человек, когда его вот так спроваживают на пенсию, становится очень прозорливым.

— Но придется рассказать обо всем Флавии.

— Не нужно. Она не поймет и расстроится. А в ее положении лишние переживания ни к чему. Боттандо это тоже будет очень неприятно.

— Можно не сообщать, но тогда вам следует поделиться.

Мэри внимательно посмотрела на Аргайла:

— Ничего себе, тихий, безобидный ученый!

— С кем поведешься, от того и наберешься, — заметил он. — Кроме того, я теперь должен думать о будущем своего ребенка.

Она вздохнула:

— Ладно, договоримся. Но позднее. Или вы мне совсем не доверяете?

— Что вы, у меня и в мыслях не было. Позднее так позднее. Давайте теперь попробуем его убрать.

Мэри принесла из чулана кусок толстого непромокаемого брезента. Подавляя отвращение, они завернули в него тело Доссони и медленно потащили к машине.

— Лучше всего положить в багажник, — предложил Аргайл и усмехнулся. — Удивляюсь своему спокойствию. Забавно, как быстро человек привыкает к самому ужасному. — Он открыл багажник, осветил фонариком набросанные инструменты, обрывки газет, обертку от сандвича. Сдвинул все в сторону, чтобы освободить место и увидел коричневый конверт. Внутри лежало несколько машинописных листов. На первом написано: «Отчет о расследовании по делу об убийстве Марии Ди Ланны в мае...»

— Боже, оказывается, он оставил его у себя.

Они прислонили брезент с телом Доссони к автомобилю, включили фары и начали читать. Через минуту Аргайл вскочил:

— Их нужно предупредить о смертельной ловушке!

Он взбежал на веранду, схватил телефон, набрал номер мобильного Флавии. Через несколько секунд телефон зазвонил из сумочки, которую она забыла на стуле. Вскоре обнаружилось, что Боттандо в спешке тоже забыл свой телефон.

Аргайл в ужасе посмотрел на Мэри.

— Садитесь в машину. Поезжайте в Рим. Найдите их. Если повезет, прибудете вовремя.

— Ну а... — Он показал глазами на машину Доссони.

— Я о нем позабочусь. Не беспокойтесь. Примерно в пятидесяти километрах отсюда есть очень симпатичный лесок. А потом я вымою из шланга веранду. Поезжайте, Джонатан. Спешите.

19

Чем ближе они подъезжали к Риму, тем больше нервничала Флавия. Ее даже перестало укачивать. Шок от пережитого (Доссони с пистолетом, а затем он, мертвый, на полу) проходил. Она чувствовала озноб и головокружение. Постоянно оглядывалась, нет ли преследования, вглядывалась в каждого полицейского. Ее настроение передалось Боттандо. Он решил поехать окольным путем и, как выяснилось, не зря. Миновал дом Флавии. Черный «фиат» по-прежнему стоял на месте, а у дверей прохаживались двое. Как говорится, комментарии излишни.

Он направил машину к своему дому. Там тоже автомобиль.

— Будь они прокляты! — воскликнула Флавия. — У вас там ничего не осталось интересного?

— Успокойся. Перед отъездом я все тщательно прибрал.

— Наверное, они нас заметили.

— Ну и пусть, — невозмутимо произнес генерал. — Вряд ли эту часть города они знают лучше меня. Не надо переоценивать смекалку тех ребят.

Действительно, сзади было чисто. Боттандо остановил автомобиль в квартале за Ватиканом, где они пересидели до утра. Флавия быстро заснула. Он понаблюдал за ней с грустной улыбкой и откинул голову на спинку сиденья. Ему заснуть не удалось.

Генерал разбудил ее, когда начали открываться кафе и бары. Они отправились чего-нибудь поесть и выпить кофе. Флавия умылась, привела себя в порядок. Затем Боттандо поехал к Колизею, поставил машину на боковой улице. Они добрались до станции метро, спустились, вышли в противоположном конце и сели в автобус. Сошли на Капитолийском холме и смешались с группой туристов, которые шли в только что открывшийся Форум. Отыскали среди руин уединенный уголок и сели. Неподалеку туристы шелестели страницами путеводителей и щелкали затворами фотоаппаратов.

— У нас слабые позиции, — сказала Флавия. — Нет доказательств. Все забрал с собой Доссони. А от ксерокопий банковских счетов пользы мало.

Боттандо кивнул:

— Ты права. И против нас, кажется, ополчился сам премьер-министр. Сражаться с ним — дело бесполезное. Единственный, кто нам может помочь, это Ди Ланна. — Он тяжело вздохнул. — Можешь предложить ему деньги, те, что он дал на выкуп. Вдруг сработает.

— Откуда я их возьму?

— Понимаешь...

— Но даже, если бы они были, зачем, спрашивается, я должна ему их возвращать?

— Что?

— Сейчас объясню. С меня достаточно. Если бы нам удалось найти эти деньги, мы бы их оставили себе. Нам они нужнее, чем богачу Ди Ланне. Кстати, вполне вероятно, придется некоторое время вообще скрываться. Если он не поможет.

— Ты заговорила почти как Мэри.

— Если муж — идеалист, то хотя бы жена должна рассуждать здраво. Только не сообщайте Джонатану. Он придет в ужас. — Она усмехнулась. — Неделю назад я возглавляла управление по борьбе с кражами произведений искусства, а сейчас вот сижу среди руин и без зазрения совести готова присвоить грязные деньги. Что случилось?

— Премьер-министр, — произнес Боттандо. — Ведь я тебя предупреждал.

Они посидели еще полчаса, обсуждая другие возможности. Например, пойти в прокуратуру или в редакцию какой-нибудь крупной газеты.

— С чем? — спросил Боттандо и не получил ответа.

Они посмотрели друг на друга и встали.

— Удачи тебе, — тихо промолвил генерал. — Может, пойти вместе?

Флавия отрицательно покачала головой:

— Нет. Это его спугнет. К тому же мы с ним неплохо поладили. Я пойду одна. — Она слабо улыбнулась. — Как бы мне хотелось сейчас заняться ремонтом кухни!

Генерал тоже улыбнулся:

— А мне наконец наслаждаться заслуженным отдыхом. Жаль, что я втянул тебя в эту передрягу.

— Вы тут ни при чем. Я втянулась туда сама. Вы говорили, что премьер-министр может испортить мне жизнь, но я не думала, что в буквальном смысле.

Флавия чмокнула его в щеку и исчезла.

И опять нервотрепка. Флавия была убеждена, что ее на каждом углу поджидает агент тайной полиции. Но все обошлось. Она купила себе шляпу на лотке с безделушками для туристов, надвинула на глаза и направилась к палате депутатов. Никто не обратил на нее внимания. Она присоединилась к группе туристов и вошла в здание, не показав удостоверения. Позор службе безопасности. Добралась по тускло освещенным коридорам до приемной Ди Ланны, и никто ни разу не посмотрел на нее с подозрением. Она уже собиралась войти, но неожиданно для себя села на скамейку. С трудом перевела дух.

Вспомнился рассказ Джонатана о небольшом экзамене, который ему устроил Буловиус. Почему это вдруг ее взволновало? И сюжет картины Клода Лоррена. Оказывается, конец там несчастливый.

Флавия попыталась вспомнить школьные уроки по классической мифологии. Боже, как давно это было. Почему все-таки Саббатини нацелился именно на эту картину? Она задавала себе вопрос снова и снова. Почему? Ничего путного в голову не приходило. Флавия тряхнула головой и встала. Тянуть дальше нельзя.

Секретарша оказалась на месте. Флавия назвала себя, сказала, что у нее срочное дело.

Через несколько минут он ее принял. Она шагнула в кабинет, Ди Ланна поднялся с кресла, показал на стул, на котором она недавно сидела.

— Доброе утро, синьора. — Ди Ланна улыбнулся своей фирменной улыбкой. — Надеюсь, на сей раз вы с хорошими новостями.

Флавия хотела что-то произнести и замерла. Ее осенило. Неожиданно каждый отдельный эпизод этой сложной драмы занял свое место. В результате ей открылась истинная картина происшедшего. Она почувствовала озноб. Конечно, так оно все и было! Джонатан часто упоминал, что порой внезапное озарение отодвигает в сторону множество свидетельств, приписывающих картине определенное авторство. С ней сейчас произошло нечто подобное.

— Я тоже на это надеюсь, — промолвила она.

— Прошу вас, говорите.

— Как насчет подслушивающих устройств? Вы их удалили?

Он кивнул.

— Хорошо. Буду откровенна. Я предпочла бы вас арестовать, но, поскольку это невозможно, предлагаю сделку.

Ди Ланна изумленно посмотрел на нее.

— Арестовать? — В его голосе звучала насмешка. — Ничего себе заявление. За что же?

— За убийство жены и ее брата, — тихо промолвила Флавия. — Вы сделали это руками Доссони.

Флавия напряглась. Решалась ее судьба. Смертоносная бомба, которую она сейчас пыталась обезвредить, могла взорваться в любой момент.

Его лицо окаменело.

— У вас имеются какие-то доказательства?

Она не видела отчета следователя Балесто, но знала его содержание. Потому что разгадала причины странного поведения Саббатини. Он не случайно выбрал именно эту картину. Причем, прочитав в газете, что ее привезли в музей, мгновенно принял решение. На этой картине художник показал, как Кефал убивает свою жену (они тоже поженились совсем недавно) подаренной ею стрелой. И никакие богини тут ни при чем. Прокрида дала ему силу, а он использовал эту силу, чтобы убить ее.

Мария подарила мужу богатство и влияние, а Ди Ланна использовал их, чтобы убить ее. Заплатил Доссони. Это подтверждают копии банковских счетов. После этого убитый горем супруг использует все средства, чтобы лишить брата Марии бóльшей части наследства. Все достается ему. Он становится магнатом. Расправляется со следователем Балесто.

— Да, — спокойно ответила Флавия. — Это есть в отчете Балесто, к которому приложены копии банковских счетов. Доссони их вам не отдал, а приберег для шантажа.

— Откуда это вам известно?

— От него. Но вам не нужно беспокоиться.

— Почему?

— Доссони мертв. Это хорошая новость, которую я пришла вам сообщить.

— И кто еще об этом знает?

— Никто. Только я. — Флавия успокоилась и поудобнее устроилась на стуле. — Расскажите, как все происходило.

Он задумался и пожал плечами:

— После похищения картины мне пришел факс. Страница из Овидия. Маурицио был уверен, что я понял намек. Типично для него. Мозги у парня были вывихнуты настолько, что он никогда не утруждал себя объяснениями. Я связался с Доссони, поручил разобраться. Но он, видимо, решил воспользоваться ситуацией. Вы правы, после убийства Маурицио он не отдал мне отчет следователя, а потребовал выкуп за картину. Не сомневаюсь, что это его работа, хотя я заплатил ему вперед. Итак, три миллиона долларов. Пришлось отдать. Теперь вы понимаете, почему я настаивал на прекращении расследования?

— Да.

— А вы сколько хотите? — спросил он устало.

— Ничего. Отчет останется у меня, но использую его я лишь в крайнем случае. Взамен вы попросите премьер-министра, чтобы меня оставили в покое. Надеюсь, он в курсе дела?

— Разумеется. А почему, вы думаете, мы с ним такие большие друзья? — Ди Ланна грустно вздохнул. — Много лет он сидит у меня в печенках. В последнее время в партии началось брожение. Большинство требует, чтобы я отказался от поддержки правительства. Сабауда заволновался и предупредил меня, послав Маурицио отчет следователя. Чтобы я не смел нарушать установленных правил.

— А я считала, его прислал сам Балесто.

Ди Ланна скривился:

— Нет. Это один из грязных трюков Сабауды.

— Намекал, что вы связаны одной цепью.

— Совершенно верно. Обнародование отчета вряд ли сломит меня окончательно, но серьезно навредит. Начнутся судебные процессы с доверительными собственниками, которые могут длиться бесконечно. А потеря контроля над доверительным фондом повлечет за собой потерю партии.

— Что касается меня, — сказала Флавия, — то я не собираюсь вас шантажировать. Мне нужно, чтобы меня оставили в покое. Вы спросите почему? Отвечу: мне все надоело до чертиков. Даже если вас с Сабаудой посадят в тюрьму, все равно ничего не изменится. На ваше место придут другие, еще хуже. Впрочем, вы в любом случае выкрутитесь, а мне хочется покоя. — Она посмотрела на него. — Так мы договорились?

Он кивнул.

— В таком случае я попрошу вас походатайствовать в министерстве, чтобы мне выплатили самое большое выходное пособие в истории полиции. И у нас будет ничья. Меня не станут трогать, а я не трону вас. Нарушать конвенцию нам не имеет никакого смысла.

Флавия встала. Дальше все было, как в тумане. Она не помнила, как вышла из кабинета, шагнула на залитую солнцем улицу. Не помнила, когда к ней подбежал бледный Аргайл. Даже не удивилась, почему он здесь, а не в Тоскане.

Она просто упала к нему в объятия и залилась слезами.

20

Выходное пособие Флавии действительно оказалось впечатляющим. Все в управлении удивлялись. Даже на нее это произвело впечатление, хотя она считала, что деньги заработаны честным трудом.

Флавия забрала из кабинета личные вещи, а вскоре они с Аргайлом покинули свою квартиру и переехали в симпатичный домик примерно в тридцати километрах от Флоренции, рядом с симпатичной деревушкой, пока еще населенной настоящими итальянцами. Прошли месяцы, Флавия уже ходила вразвалку, возилась на кухне, несколько раз сменила шторы, готовила, консервировала. Устраивалась читать, примостившись где-нибудь в тени, но вскоре начинала дремать.

Аргайл суетился. Сильно раздражал Флавию долгими осуждающими взглядами, когда она проходила более ста метров без остановки. Запоем читал пособия по уходу за ребенком. Из университета он уволился, и тезисы доклада о коллекционировании как искусстве

остались незавершенными. Отправил наконец в Лондон все оставшиеся картины. Побывал у Боттандо, внимательно осмотрел картину и уговорил друга Флавии, Альдо, показать ему тайную коллекцию Ватикана. Увидев «Мадонну», он чуть не рассмеялся. Так это оказалось просто. Если добавить рисунок из галереи Уфицци, то не нужно было никаких комментариев Буловиуса.

Его картины на четырех лондонских аукционах имели неожиданный успех, который организовала Мэри Верней через посредников. Удивительно, но за все картины Аргайла было заплачено наличными. Каждая продана много дороже первоначальной цены. Карандашный набросок Россини, оцененный в двести фунтов, продали за три с половиной тысячи. Небольшую картину Кантарини «Снятие с креста», масло по дереву, оценили в полторы тысячи фунтов, а продали за четырнадцать с половиной тысяч.

И так все семьдесят три лота. С помощью аукционных домов Королевского управления финансов значительная сумма была выстирана, вычищена, выглажена и переведена на банковский счет Аргайла. А Мэри Верней стала обладательницей нескольких десятков ничем не примечательных картин, для которых у нее все равно не было места. Но так было задумано.

Аргайл крутился в Лондоне. Когда аукционы закончились, он зашел в галерею Эдварда Бирнеса попрощаться и упомянул, что Флавия и Боттандо, разумеется, при его участии, намереваются открыть частное детективное агентство по розыску картин для клиентов, ко-

торые по тем или иным причинам не хотят обращаться в полицию.

— В самом деле? — воодушевился старик, коллекционер гравюр, который жил на севере Италии, рядом с австрийскими Альпами. Аргайл много лет поддерживал с ним шапочное знакомство. Старик ему нравился. — В таком случае я хотел бы проконсультироваться с вами по одному деликатному вопросу, он давно меня беспокоит...

Аргайл улыбнулся:

— Конечно. Я вам позвоню. Как только мы закончим дело с Ватиканом.

— Неужели с Ватиканом? — удивился коллекционер.

— Да. Относительно триптиха. Фантастическая вещь.

— Что вы говорите? И чья работа?

Аргайл наклонился и зашептал ему на ухо. Старик в изумлении отпрянул:

— Боже, неужели?

Литературно-художественное издание

Пирс Йен

Идеальный обман

Роман

Художественный редактор М.В. Седова
Компьютерная верстка: Н.Г. Суворова
Технический редактор Т.В. Сафаришвили
Младший редактор Е.В. Демидова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
170000, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 19А, оф. 214
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Книжная фабрика № 1»,
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25